

10
1969

У Р А Л Ь С К И Й
Следопыт

НА ЮЖНОМ УРАЛЕ.

Фото В. Каушанова.

Литературно-художественный
научно-популярный ежемесячный
журнал для детей и юношества.

Орган Союза писателей РСФСР,
Свердловской писательской
организации и Свердловского
обкома ВЛКСМ

Год издания двенадцатый

10

1969

У Р А Л Ь С К И Й
С Л Е Д О П О Л Ы М

В. ЯН

Бегство на остров

СОКРОВИЩ

Рисунки С. Киприна

ПРЕДИСЛОВИЕ

Происхождение этой повести следующее: в мой недавний приезд в Ригу я, как обычно, по своей привычке бродить по городу, попал на барахолку. Я решил пройтись по ней в надежде найти какую-нибудь курьезную редкость: старинную трубку, средневековую чернильницу, китайскую статуэтку или выцветший альбом стихов, написанных полвека назад.

Внимательно осматривая разложенные вдоль забора на земле всевозможные вещи, я вдруг заметил пачку старых книг. Их продавала очень скромного, но в то же время достойного вида старушка, с серебряными, аккуратно запрятанными под сетку волосами, в старательно заштопанном, очень старом черном шелковом пальто.

Конечно, я вцепился в эту пачку. Там оказались старинные, изданные в Риге романы в русском переводе: Мавра Иокая «Замок на острове Даго», Дорна «Турецкий султан» и другие, а также потрепанная латинская грамматика Кесслера с пометкой: «Книга ученика III класса Александровской гимназии Петушкова М.».

Однако всего более меня заинтересовала тетрадь, переплетенная в потертую обложку, оказавшаяся рукописью, старательно переписанной старинным косым почерком и украшенной несколькими примитивными рисунками, сделанными карандашом.

— Что это?

— Записки моего двоюродного брата, Миши Петушкова, — ответила старушка. — Тетради этой много лет. Мы оба были тогда совсем юными...

В будничньй день на барахолке свободно. Кроме меня, никто из покупателей около старушки не останавливался. Мы разговорились.

Из ее объяснений я узнал, что Миша Петушков был веселый, ласковый, но очень беспокойный мальчик.

— Он увлекался чтением романов, особенно книг о путешествиях, мечтал о приключениях. Вероятно, поэтому ему не сиделось в гимназии и он вскоре перешел в мореходное училище. Затем плавал на кораблях, ходивших между Одессой и Владивостоком, посетил Индию и Китай и даже был одним из защитников Порт-Артура во время его осады.

— Жив ли он?

— Давно ничего не знаю, но все надеюсь получить от него весточку... Эту рукопись я когда-то сама переписала из его разрозненных школьных тетрадей, где Миша обычно вел свой дневник неразборчивыми каракулями. Оттуда же я вырезала и его рисунки. Я решила передать в хорошие руки эту тетрадь только потому, что теперь я часто хвораю и, вероятно, мне уже недолго осталось жить. Я бы не хотела, чтобы после моей смерти записки милого Миши затерялись. Я и так огорчена, что до сих пор не могу найти более поздних записей — его впечатлений о дальних странствиях...

Конечно, я приобрел тетрадь вместе со всей пачкой книг и взял у старушки обещание, что она непременно мне напишет, если найдет продолжение записок или получит весточку от своего беспокойного родственника.

Мне показалась интересной рукопись Миши Петушкова, и я решил познакомить с ней наших юных читателей, которым будет полезно узнать, как жили, увлекались и учились школьники в Риге полвека назад.

В. ЯН

НАШ КЛАСС

В нашем классе — третьем параллельном — двадцать пять учеников, или, как говорит Цапля, «двадцать пять сорванцов всяких образцов».

Все мы приходим в гимназию утром в половине девятого. Мы рассаживаемся на партах по два человека. Младшие, «молокососы», впереди, долговязые, «старики», — на «Камчатке», как мы зовем задние парты.

Цапля — это помощник классного наставника, Генрих Густавович Шульц, — очень высокий, худой, как жердь, с длинным носом. Когда он что-либо рассматривает, то наклоняется низко-низко, точно цапля, которая собирается схватить лягушку. Поэтому мы и прозвали его такой птичьей кличкой.

Когда прозвенит звонок, мы строимся парами и чинно идем по коридору, а затем поднимаемся по лестнице на второй этаж, в актовый зал. Там уже стоит в длинном синем сюртуке с золотыми пуговицами директор и сквозь очки окидывает строгим взглядом каждого проходящего ученика.

Все классы — 8 «основных» и 6 «параллельных», да еще два класса приготовишек — выстраиваются правильными рядами, мелюзга впереди. Священник, преподаватель закона божьего, говорит краткую речь о благонравном поведении, почитании родителей и наставников и о любви к своей школе.

Потом все ученики поют молитву «Перед учением». Иногда говорит сам директор — о пользе знаний и о любви к царю и родине. Директора мы прозвали Багор, потому что он любит из толпы вытаскивать, точно багром, какого-нибудь шалуна, чтобы его распушить.

Затем все, так же чинно, идем обратно в классы.

Первыми идут приготовишки, последними восьмиклассники, которых мы зовем бородачами, хотя ни у кого из них не только бороды, но и усов еще нет.

При этом возвращении, проходя мимо директора, иногда по его знаку ученики должны протягивать вперед руки, так как Багор следит, чтобы они у всех были чис-

тыми. Некоторых учеников с грязными и длинными ногтями Багор задерживает около себя, и они составляют «стадо нечистых». Их уводит старший из сторожей,

«вахмистр», в умывальную и наблюдает, чтобы все старательно вымыли руки казенным мылом, и сам стрижет у нерях ногти большими канцелярскими ножницами.

ВОТ ТАК НЕПРИЯТНОСТИ

Сегодня, когда ученики парами вернулись в свои классы, по всей гимназии постепенно стала водворяться тишина. Все молча сидят за партами и, раскрыв книги и тетради, ждут прихода учителей. Из коридора доносятся звуки шагов помощника классного наставника, который мерно шагает из одного конца в другой.

Тут-то сегодня и произошла моя первая неприятность. Мы ясно вдруг услышали, как в коридоре чей-то ученический тонкий голос пропищал громко:

— Цапля, Цапля!

Мы все со страхом посмотрели друг на друга, затем, сдерживая смех, стали ждать, что будет дальше.

В раскрытых дверях показался Цапля, высокий, мрачный, и, длинным пальцем указав на меня, сидевшего около двери, торжественно провозгласил:

— Конечно, это кричал Михаил Петушков!

— Нет, нет, не Петушков! — воскликнул весь класс.

— Не спорьте! Все вы сорванцы и поддерживаете друг друга. Я сразу вижу по глазам, кто это сделал. Петушков, пойдем к господину директору!

Генрих Густавович схватил меня за руку и быстро вывел из класса.

Тут из противоположной двери, выходящей в коридор, снова послышался крик:

— Цапля клюнула лягушку! — и оттуда выглянул вихрастый Янис Крамс и прямо наткнулся на нас.

Генрих Густавович сразу же схватил Яниса и повел уже нас обоих.

Мы умоляли о прощении, а Цапля мрачно отвечал:

— Это вам даром не пройдет! Мне надоели ваши постоянные шалости. Впрочем, хорошо! Сейчас возвращайтесь на урок, но на большой перемене вы подойдете ко мне.

По коридору уже шли преподаватели. Мы с Янисом бросились обратно, в свои классы.

НА УРОКЕ

Я скромно уселся на своем месте на боковой парте рядом с нашим первым учеником по всем предметам Сережей Савиничем. Он наклонился ко мне:

— Ну, что?

— На большой перемене к директору!

— Крепись! Будь спартанцем! — и Сережа сочувственно пожал мне руку под партой.

В это время в класс вошел учитель истории и географии, Осип Осипович, очень подвижный, с искорками в глазах. Мы его любили за то, что он не был скупым и охотно ставил пятерки, если ученик с увлечением рассказывал о египетских фараонах, о походах Александра Македонского, о каком-либо путешественнике в мало известные страны или просто о том, что

удалось прочесть помимо учебника. Он тогда подбадривал:

— Так, так!.. Не совсем так, но в общем — прекрасно!

Сам Осип Осипович также охотно нам рассказывал, если мы его просили, о своих путешествиях, где у него всегда были необычайные приключения...

— Что вы сегодня приготовили?

— Финикия! Древняя Финикия, — ответили мы хором.

— Потихе, потихе! Ну, Савинич, отвечай! Что ты знаешь о Финикии?

Сережа встал, откашлялся и бойко стал рассказывать, что финикияне были очень смелым народом, жили на скалистом побережье Малой Азии и вследствие недостатка земли стали мореплавателями.

Этому помогло и то, что у них на горах росли стройные кедры, из которых можно было выделывать прочные, гибкие доски, необходимые для постройки кораблей.

Савинич еще много говорил, как финикийцы совершали далекие путешествия на своих небольших двух- и одномачтовых кораблях, где гребцами, на случай безветрия, были рабы, прикованные цепями к скамьям.

Я спросил с места:

— А приезжали финикийцы в Ригу?

Осип Осипович косо посмотрел на меня.

— Савинич, ответь Петушкову, что ты об этом думаешь?

Сережа уверенно сказал:

— Где же им было доплыть на таких маленьких кораблях: пройти через Гибралтарский пролив, всегда очень бурное Бискайское море и обогнуть всю Европу? Да и Риги в то время еще не было.

Осип Осипович заметил:

— Прекрасно, но не совсем так! Вот ты, Сережа, и ошибся. Финикийцы были настолько смелыми мореходами, что часто приплывали даже в далекое Балтийское море, которое они прозвали Янтарным, так как на его берегах покупали у туземцев янтарь, а янтарь тогда считался одним из самых драгоценных камней, приносящих здоровье.

— А Рига в то время была? — спросил кто-то.

— Здесь Савинич прав: города Риги в то время еще не было, но смелый народ леттов, носивших тогда другое название, существовал на этом побережье и в те далекие времена, когда сюда приезжали финикийцы и привозили сушеные фрукты, медные котлы, бронзовые мечи и топоры, египетские цветные ткани и обменивали все это на янтарь, олово, свинец и пушистые шкуры диких зверей: лисиц, белок, соболей, куниц, волков и медведей.

Я поднял руку.

— Что ты хочешь сказать?

Я встал и говорю:

— Если не было в те времена города

Риги, то все-таки где же, в каких городах или селениях жили летты?

— Вопрос правильный, — ответил Осип Осипович. — Летты и другие северные племена, боясь нападений соседей, жили в селениях, огороженных валом и высоким частоколом. Селение устраивалось обыкновенно при устье реки или на полуострове так, чтобы река окружала город с трех сторон и являлась ему естественной защитой...

— Позвольте еще спросить?

— Ну, спрашивай.

— Правда ли, что посреди Балтийского моря находится замечательный «Остров сокровищ», весь из янтаря, а в его пещерах хранится золото и всякие драгоценности, спрятанные там морскими пиратами? Этот остров иногда заливает море, и он скрывается под водой, а поэтому на нем никто не живет и его очень трудно найти.

— Это ты Петушков, вероятно, прочел в каком-нибудь романе про пиратов. Посреди Балтийского моря есть только маленький островок — Руно, приблизительно в шесть верст длины и три версты ширины. Об острове ходили сказки, что он весь янтарный и ночью светится. Но это не так. На нем построен маяк с вращающимся фонарем, свет которого указывает путь проходящим мимо кораблям. На острове живут рыбаки...

— Они пираты?

— Летом, после экзаменов, отправляясь, Петушков, на остров Руно, и там ты все узнаешь.

— И там Петушков станет пиратом!.. — воскликнул Савинич.

— Королем пиратов Янтарного острова! — крикнул другой ученик.

— Довольно шуметь! — рассердился Осип Осипович...

Я обиделся и тайно решил доказать всем, что действительно люблю море и не боюсь его и что ничего смешного в этом нет.

В КАБИНЕТЕ НАШЕГО ДИРЕКТОРА

Когда в двенадцать часов прозвенел звонок, извещавший о большой перемене, все ученики врассыпную бросились в «буфетную», где на длинных столах уже были приготовлены ряды белых кружек со сладким горячим чаем, а возле каждой ле-

жала румяная булочка-розанчик. Мы же втроем отправились к директору: мы, два преступника, впереди, а за нами — Цапля.

В своем просторном кабинете, уставленном книжными шкафами, директор сидел в кресле перед большим письменным сто-

лом и что-то писал. Янис и я стали около двери, а Цапля прошагал вперед и, по приглашению директора, скромно сел на краешек стула.

Директор, сдвинув очки на лоб, стал пристально смотреть на нас, покачивая головой:

— Подойдите-ка поближе! Хороши, молодчики!

Янис и я осторожно подошли к столу.

— Я все про вас знаю. Все! Ай-ай-ай! Как будут огорчены ваши родители!

Мы, опустив глаза, переминались с ноги на ногу.

— Тебя как зовут?

— Крамс, Янис.

— А тебя?

У меня пересохло в горле, и я с трудом выдал:

— Петушков, Михаил.

— Так! Скажи мне, Петушков, если кто-либо при тебе обругал бы твоего отца, что бы ты тогда сделал?

Я воскликнул запальчиво:

— В ухо бы ему ударил!

— Ударил в ухо? — удивленный таким ответом, директор снял очки. — Что я слышу? Боже мой! Я думал, что воспитываю детей, и благонаправленных детей, а получают драчуны! Ведь таких нельзя держать в гимназии! Как вы думаете, Генрих Густавович?

— Я так же думаю. Им не место в гимназии.

— Теперь скажи мне ты, Янис Крамс, что бы ты сделал, если бы при тебе кто-нибудь оскорбил твоего отца?

— У меня нет отца.

— Ну, скажем, кто-либо побранил твою мать?

— У меня матери тоже нет. Оба утонули в море.

— Но кто же тебя воспитывает? Ведь есть же кто-нибудь из взрослых дома?

— Моя сестра Аустра.

— Сестра? Сколько же ей лет?

— Аустре пятнадцать лет.

— Пятнадцать? Разве она может быть воспитательницей?

— О, Аустра может, даже очень! — сказал с уверенностью Янис. — Она как ударит ложкой-поварешкой по лбу или ущипнет за ухо, так и подскочишь до потолка.

— Довольно, Крамс! Не говори глупостей! Разве у тебя дома нет взрослых?

— Есть. Дядя — Карлис Крамс. Он живет с нами, когда не уходит в море.

— Он ловит рыбу?

— Нет, он получает с проходящих в море иностранных пароходов кокосовые орехи, финики и бочонки рома.

— Значит, он контрабандист?.. Разве я могу держать в моей гимназии сына или племянника контрабандиста?

Я испугался: что же теперь будет?

Директор нахмурился и продолжал:

— Слушайте, Янис Крамс и Михаил Петушков: передайте вашим родителям или воспитателям, чтобы они завтра же обязательно пришли ко мне. Я должен с ними поговорить. Ступайте в класс!

Янис и я вышли из кабинета директора на цыпочках, полные страха.

БУРЯ В РЫБАЦКОМ ДОМИКЕ

После пятого урока я направился домой с кислым чувством на сердце, ожидая грозы. Близ подъезда гимназии, под старыми каштанами, я увидел опять Яниса Крамса. Он, видимо, подждал меня и быстро подошел.

— Послушай, Миша, пойдем сейчас ко мне и обдумаем, что нам дальше делать? Ведь нам обоим влетит: мне поделом, а ты же не виноват.

— Этот раз я, правда, не виноват, но ведь раньше и я много раз кричал: «Цапля!» А Генрих Густавович не мог меня поймать. Что ж, я рад пострадать за товарища.

6 Янис вытер рукавом глаза и прошептал:

— Я этого никогда не забуду, и тоже, может быть, мне когда-нибудь еще удастся пострадать за тебя.

Так мы шли по многолюдным улицам Риги и рассуждали, пока не очутились на берегу Двины, в том месте, где протянулся ряд маленьких одноэтажных домиков. В них, как объяснил Янис, жили моряки, рыбаки, матросы, грузчики — все те, кого наш директор считал отъявленными контрабандистами.

Возле входа в один из домиков стояли прислоненные к стене весла, рядом валялись пустые бочки и свернутые сети.

На наш стук входная дверь открылась, и показалась девчонка лет пятнадцати, в переднике, с засученными выше локтей ру-

кавами и в красной шерстяной высоко подоткнутой юбке.

«Вот это, конечно, Аустра,— подумал я. — Она стирала белье, и мы пришли не вовремя». Мне она показалась удивительно красивой. Ее брови сдвинулись, черные глаза пристально меня осматривали, но потом она ласково улыбнулась:

— Здравствуйте! Не могу подать руки — она в мыле. Входите, если не боитесь, что я вас забрызгаю.

Она быстро обратилась к Янису:

— Это твой товарищ по гимназии? Я так и думала, раз у него ранец с книгами за спиной.

Аустра опять мне приветливо улыбнулась и продолжила:

— У Яниса также бывают уличные знакомые драчуны. Они плохие товарищи, и я их не пускаю в дом.

Мы вошли в небольшую комнату. Близ окна находился стол, покрытый вязаной скатертью. На нем высокие подсвечники, и между ними небольшое старое, тусклое зеркало. На стене висела картина, изображающая морской бой. Посреди комнаты на двух табуретках стояла большая лоханка с мыльной пеной.

Больше всего меня поразил висевший под потолком искусно сделанный двухмачтовый корабль с парусами и крошечным якорем.

Справа закрытая дверь, оклеенная старыми газетами, вела в соседнюю комнату.

Аустра снова принялась усердно стирать белье, разбрызгивая пену, а мы оба, скинув ранцы, молча уселись у стены на длинной скамье.

Маленькая хозяйка окинула нас несколько раз строгим взглядом и сказала:

— Что это вы сидите, точно проглотили червяка? Что случилось?

Янис, заикаясь, стал рассказывать все, что произошло в гимназии.

Аустра внимательно слушала, продолжая стирать, потом вынула руки из пены, медленно вытерла их о передник и вдруг схватила со стола большую деревянную ложку. Она сбросила на пол ранец с книгами Яниса и стала колотить моего друга ложкой по голове и по чему попало, крича:

— Ах ты, негодяй, болтун, предатель! Ты наговорил, будто бы мы не честные моряки-рыболовы, а контрабандисты? Дядя Крамс, посмотри, какой у тебя племянник — предатель и доносчик!

За стеной заскрипела кровать, послы-

шался шум и ворчание, затем боковая дверь с таким грохотом распахнулась, что весь домик затрясся и даже закачался корабль под потолком.

В дверях показался дядя Крамс и шагнул в комнату, огромный, плечистый, в красной полосатой теплой рубашке, заправленной в кожаные штаны.

— Чего ты раскудахталась? Что случилось? — спросил он, протирая кулаками заспанные глаза.

— Я раскудахталась? Как ты смеешь со мной так говорить? — и Аустра гневно повернулась к нему, подняв деревянную ложку.

Крамс быстро отступил назад за дверь и, высунув только голову, стал расспрашивать, что случилось.

— Говори ты, непутевый болтун! — приказала Аустра Янису.

Тот, торопясь, стал рассказывать про наше несчастье в гимназии и в конце концов разревелся как теленок.

— Негодяй! Болтун! — повторяла Аустра, грозя ложкой. — Я тебя еще отколочу!

Тогда дощатая дверь снова распахнулась, и Крамс ввалился в комнату, разъяренный, сжимая огромные кулаки.

— Тысяча чертей и две ведьмы! — закричал он, топнув ногой. — Молчать и не реветь! Стыдно блеять как баран. И кому? Сыну храброго моряка! Что случилось? Ничего плохого не случилось! Янис сказал только правду, и я хвалю его. Как он назвал этого длинноногого и длинноносого учителя? Цапля? Правильно назвал! Не называть же его курицей или поросенком?.. Что он сказал директору? Наврал ли он что-нибудь? Нет, не наврал! Кто у такой, тысяча чертей и одна ведьма?! Честный, бесстрашный моряк! И у меня всегда можно достать не только кокосовые орехи и финики, но даже стакан настоящего ямайского рома. Молодец, Янис! Ты сказал директору правду. Да, я честный контрабандист и уйду в море во всякую погоду, даже в самую отчаянную бурю. Я надеюсь также, что если Янис не испугался Цапли и директора, то он не испугается и бури, и он тоже выйдет в море, когда подрастет и научится управлять кораблем. Он тоже сделается...

— Только не контрабандистом! — воскликнула в ярости Аустра. — Сколько трудов мне стоило убедить тебя отдать моего дерзкого брата в гимназию, где его сделают образованным человеком, полезным

для родины и для нас, латышей, а теперь — вот те на! — ты хочешь, чтобы он тоже стал контрабандистом и торговал тайком ямайским ромом? Не будет этого!

— Молчать! — заревел Крамс. — Тысяча чертей и две ведьмы! Слушать команду и делать так, как я скажу. Я знаю этих испуганных чиновников. Они сперва будут думать три дня, потом сообщат полиции. Те тоже подумают два дня, а затем явятся сюда искать контрабандистов, а более всего ямайский ром, который сами же выпьют. Дудки! Нас тогда здесь уже не будет. Сперва они станут нас искать, а потом это им надоест и они про нас забудут. Мы немедленно уходим в море! Недели на две. Затем вернемся, а предварительно я спрошу наших товарищей, то есть наших моряков, ищут ли нас еще или нет?..

При этих словах, сверкнув глазами, Крамс как-то недоверчиво взглянул на меня.

Ауэстра внимательно слушала, уперев руки в бока, и, видно, обдумывала слова дядюшки. Потом решительно сказала:

— Я еду вместе с вами. Нет смысла тут сидеть и ждать, пока нас перехватят, как цыплят. Но только опять капитаном корабля буду я, а ты, Карлис, останешься моим боцманом. И Янис, конечно, поедет вместе с нами!

Я открыл рот от изумления: девчонка, и вдруг — капитан корабля! Тут мысли бешено завертелись у меня в голове. Мне страстно захотелось попасть на этот удивительный корабль. Но как? Что скажут дома папа и мама? Разве они отпустят меня в море с контрабандистами, да еще в учебное время? Конечно, нет! Значит, нужно или отказаться от этой отчаянной поездки, раз и навсегда став покорным цыпленком... Или? Что же или?

И я решил сперва посоветоваться с Янисом. Что он скажет? Неужели посоветует вернуться домой, а сам помчится вперед через бури и опасности, к необычным приключениям, а может быть, даже к таинственному «Острову сокровищ»?

У меня вспыхнула новая, яркая мысль: я сделаю что-то совершенно необыкновенное!

Я закинул ранец за плечи и протянул руку Ауэстре:

— Прощайте! Желаю вам счастливого пути и оставить в дураках всех полицейских!

8 Ауэстра пожала мне руку своей еще сырой, маленькой, но очень сильной рукой.

— Мне очень жаль, что из-за моего бестолкового братца вы должны испытать также большие неприятности. Приходите к нам опять через месяц. Кто знает... может быть, к тому времени мы вернемся.

Прощаясь, я от волнения даже шаркнул перед Ауэстрой ногой. «Тысяча чертей! Как она красива!» — подумал я. С радостью стал бы последним юнгой на ее корабле, исполнял бы самые трудные ее приказания, лишь бы видеть ее на капитанском мостике за рулем! Наверное, она будет в кожаной морской шапке, в черной куртке с золотыми пуговицами и в непромокаемых сапогах выше колен... А мне снова придется учить латинские слова: «наута» — моряк, «навис» — корабль, «пуэлла» — девушка... «Тысяча чертей и две ведьмы!» — шептал я, выходя на улицу.

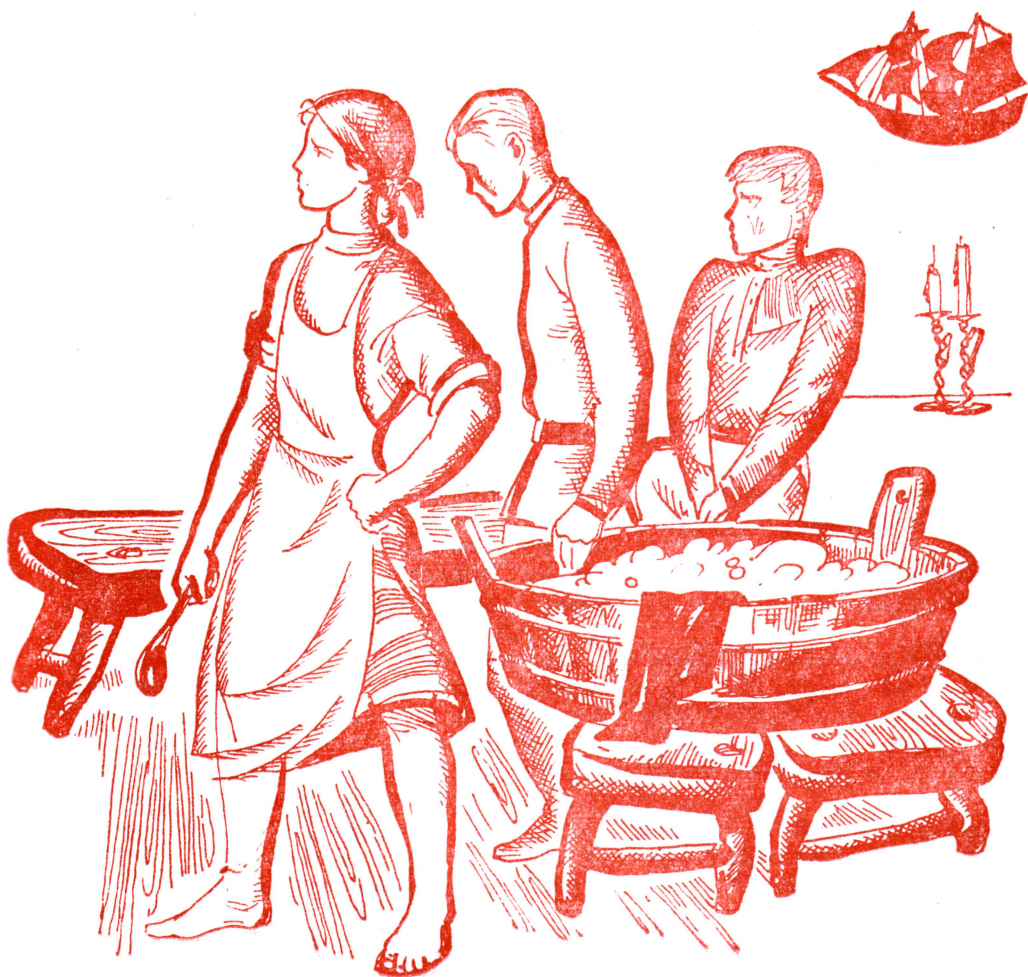
«БЕССТРАШНЫЙ»

Тропинкой по крутому берегу спустился я к Двине, широкой, величавой, полной всевозможных судов, больших и малых, пароходов и огромных старинных трехмачтовых парусников.

От самого берега шли к воде узкие мостки без перил. Они упирались в небольшое двухмачтовое парусное судно. Это была обычная шхуна, называемая у латышских рыбаков лайбой. Я слышал, что на таких лайбах рыбаки доставляют с моря в город наловленную ими салаку и другую рыбу и развозят ее по селениям вдоль морского побережья. Слышал я также не раз, будто владельцы этих парусных лайб — все отчаянные храбрецы, не раз побывавшие в открытом океане, бесстраш-

ные контрабандисты, получающие товары из Дании, Швеции и даже Англии.

Я жадно всматривался в стоявшую передо мной шхуну. Это было стройное, крутобокое, нарядное судно, которое не могла бы залить, опрокинуть никакая, даже океанская волна. Судно было с выпуклыми просмоленными боками и более всего по форме напоминало половину грецкого ореха. Эта лайба была сверху вся затянута палубой от носа до кормы, так что морская волна, даже перекатываясь через палубу, была не страшна. Все люки в трюм были плотно закрыты деревянными крышками. И бочки, и ящики на палубе были прихвачены железными скобами и просмоленными бечевками.

Прошедший близко буксирный пароход развел большую волну. Закачалась лайба и ее стройные мачты. Случайно шхуна повернулась ко мне кормой. Я увидел надпись: «Бесстрашный. Владелец — Аустра Крамс. Рига».

«Как? — удивился я. — Пятнадцатилетняя Аустра владелица этого дивного корабля? Значит, она по праву является его капитаном, и бешеный ее дядюшка должен служить у нее только боцманом?»

Как бы и мне поступить к Аустре на службу и вместе отправиться в далекие морские просторы, в опасные плавания к «Острову сокровищ»? Почему именно к этому острову? Да потому, что мне так хотелось, и я не мыслил себе иного пути.

Я колебался недолго. Когда волны буксира опять качнули корабль и он вплотную придвинулся к мосткам, я смело перепрыгнул на палубу. Мои мысли закрутились: «Я уже на корабле! Только бы меня отсюда не выгнали! Куда спрятаться?»

Я осторожно, на цыпочках, точно меня кто-то мог услышать, обошел палубу. Но

спрятаться некуда! Я посмотрел вверх: на первой мачте был прикреплен бочонок. «Я сумею как-нибудь в нем свернуться». Задыхаясь от волнения, я полез по просмоленным боковым вантам вверх и вскоре оказался в бочонке. Там было тесно и неудобно. Никогда мне еще не приходилось быть в такой тесноте, разве когда мы с ребятами играли в прятки и я забирался в платяной шкаф.

Положив на дно бочонка свой ранец, я уселся на него и, сняв пальто, прикрылся им сверху, так как начал накрапывать дождь.

И я подумал: «Пусть будет еще более неудобно, но я, Михаил Петушков, уже на корабле «Бесстрашный», и пятнадцатилетняя Аустра поведет его через морскую пучину к сказочному острову. Никаких чертей и ни одной ведьмы! Победа будет за смельчачами!»

Так я думал, согнувшись, как селедка, затиснутая в банку, и, устав от всех волнений и переживаний, неожиданно крепко заснул.

ВПЕРЕД! ВСЕГДА ВПЕРЕД!

Мне приснился странный сон. Будто я лежу на земле, на камнях, и множество журавлей или цапель прыгают вокруг меня. Одни клюют и топчут меня тяжелыми жесткими ногами, и перевязывают веревками, а другие, щелкая длинными клювами, кричат:

— Выбирай шкоты! Найтовь брасы! Выравнивай топенанты!

И я проснулся от сильной боли во всем теле: ныли и руки и ноги от неудобного положения, в котором я находился в бочке, а крик продолжался, и он доносился откуда-то снизу. Грубый голос приказывал:

— Выбирай шкоты! Найтовь брасы! Выравнивай топенанты!

Мне показалось, что моя бочка слегка покачивается. Я откинул пальто, тяжелое, намокшее от дождя, и попробовал высунуть голову.

Вечер. Темно. Вдали мелькают огоньки на кораблях. Я начинаю понимать, что это не сон, а я на мачте, и что корабль тихо двигается вперед, увлекаемый течением Двины и белым надутым парусом. Грубый голос внизу опять кричит:

— Крепи шкоты и брасы! Право руля! Так держать!

Я жадно смотрю вниз. Там на капитанском мостике стоит Аустра, положив руки на штурвал. На ней кожаная фуражка с козырьком и темная куртка с золотыми пуговицами, а мой приятель Янис крепит конец каната к борту корабля.

Вдруг грозный и хриплый крик заставил меня задрожать:

— Тысяча чертей и две ведьмы! Кто там прячется в бочке? Сейчас же вылезай оттуда, бродяга, или я прострелю тебе башку вместе с бочкой!

Я спрятал голову, и вдруг послышался пистолетный выстрел. Пуля пробила край бочки, и отскочившая щепка ударила мне в лицо.

— Что ты делаешь, сумасшедший! — воскликнул знакомый мне голос Аустры. — Мы сейчас проверим, кто там спрятался.

— Знаю, знаю, кто там! — отвечал сердитый дядюшка. — Это, конечно, бродяга и пьяница, каких много шатается в гавани, и он залез в бочку, надеясь удрать от рижской полиции. А ночью он бы всех нас перерезал. Выброшу его за борт,

Я с трепетом ждал, что будет. Заскрипели ванты. Кто-то лез наверх, и вдруг голос — он мне показался таким нежным и прекрасным — прозвучал совсем близко: — Мишь-я! Это вы, Мишь-я?

Это была она! Она произносила мое имя не так, как у нас: «Миша», а именно: «Мишь-я», как ни то до сих пор меня не называл.

— Что вы тут делаете, Мишь-я Петушок? Идите к нам вниз! Я вам помогу вылезти из бочки.

С усилиями я выкарабкался из бочки и перебрался на ванты. Аустра все время мне предлагала: «Дайте мне вашу руку! Я вам помогу!» Но мне было стыдно пользоваться ее поддержкой, чтобы она не подумала, что я изнеженный маменькин сынок.

Мое намокшее от дождя пальто полетело на палубу. Я хотел бросить ранец, но подумал: «Книги — это драгоценность». И, перекинув ранец на спину, по вантам стал спускаться вниз.

— Я вижу, Мишь-я, что вы можете сделаться ловким, смелым моряком..

— Только на вашем корабле, Аустра! Позвольте мне навсегда остаться у вас юнгой. Я буду делать всякую самую трудную работу, только не прогоняйте меня.

— Но я не могу самовольно держать вас на своем «Бесстрашном». Что скажут ваши папа и мама и господин директор?..

Все это мы говорили, спускаясь медленно и осторожно по веревочным вантам.

— Я хочу доказать, и я это сделаю, что могу стать хорошим моряком. Тогда никто не сможет упрекнуть меня в чем-либо.

— Прямо по носу огни! — раздался громкий голос дядюшки Крамса, стоявшего у штурвала. — Убрать фок! Привожу к ветру!

Аустре было уже не до меня. Она быстро, как кошка, спустилась вниз. Там, на палубе, мой приятель Янис и еще два юных матроса, лет по семнадцать, быстро разматывали канаты, и вскоре большой квадратный парус — фок — спустился вниз. Остался только косой треугольный передний парус — кливер.

Мне показалось, что мы стоим без движения. Волны только слегка плескались за бортом. Ко мне подбежал Янис и стал меня трясти за плечи:

— Как хорошо, что ты поехал с нами! Теперь мы будем настоящими боевыми товарищами. Ты только сними сапоги, как я сделал, и засучи штаны до колен. Мы все

так ходим. Вода плещет, часто переливается через борт. Сапоги ты снова наденешь, когда мы спустимся на берег и пойдем гулять по Испании или Абиссинии.

Янис говорил это с большой важностью, как-то по-новому, как заправский моряк. Он даже без надобности откашлялся и плюнул в сторону.

Подошли оба матроса и по очереди пожали мне руку крепкими мозолистыми лапами.

— Здравствуй, Михель, — сказал один. — Я слышал, что тебя так зовут. На корабле ничего не бойся: ни ветра, ни бури, ни снега. Бойся только капитана.

— Но здесь капитаном Аустра? — удивился я.

Перемигнувшись, все трое расхохотались, а первый юноша, его звали Оярс, воскликнул:

— Когда она тебе набьет морду линьком, ты поймешь, что она страшнее зимнего урагана, снега и ветра.

— Бойся также штиля! — сказал второй юноша, Арвид. — Это самый худший враг моряка.

— Почему? — опять удивился я. — Ведь во время штиля можно дышать.

— А также подохнуть с голоду, если штиль продлится две недели. Одним словом, ты все эти морские прелести узнаешь прежде всего на своем брюхе.

КОРАБЕЛЬНЫЙ МАЛЬЧИШКА

Впереди послышались тревожные гудки парохода. Он надвигался прямо на нас, сверкая яркими огнями. Два огромных колеса по обоим бокам громко шумели, шлепая по воде, поднимая волну, отчего наша шхуна закачалась.

Ясно видны были пассажиры, толпившиеся у борта, и даже донесся крик матроса:

— Какого дьявола вы прете под самый нос? Морские бродяги! Ступайте ловить камбалу подальше от нашего курса.

Дядюшка Крамс, держа рупор у рта, громко заорал:

— Берегись, чтобы ты сам не пошел ко дну ловить раков! Набрал тысячу чертей и три тысячи лысых ведьм! Они тебе помогут перевернуть твою ржавую посудину перед самой Ригой!

С парохода послышались ответные крики, а дядюшка важно повесил рупор на крюк и сказал:

— Старая лоханка эта «Каролина». Я хорошо знаю боцмана этого парохода. Старый морской волк Юхан Юхансен. Он, безжалостный морж, утопил две наши шхуны, разрезав их пополам, и рыжий черт остался без наказания. Но уж и я вволю потрепал его поганую бороду, когда встретился с ним в трактире «Дикий ледь». Я выдрал целый клочок!..

— Ладно! Довольно, дядюшка, сердиться! — спокойно сказала Аустра. — Я стану у штурвала, а ты займись-ка обоими мальшами и объясни, что им придется делать на корабле. И успокой, пожалуйста, закипевшую кровь — выкури свою трубочку.

Дядюшка отошел от штурвала, за который стала Аустра, и поманил меня пальцем.

— Подойди-ка сюда, Михель!

12 Я решил, что буду беспрекословно повиноваться боцману, подошел к нему и ос-

тановился, вытянув руки по швам, как привык делать это перед директором и Цаплей.

Дядюшка снова закричал:

— Если тебя зовет боцман или капитан, нужно подходить не как пастор в церкви на панихиде, а бежать со всех ног, точно за тобой гонятся собаки.

— Хорошо, — ответил я.

— Я тебя не спрашиваю, хорошо или плохо то, что я тебе приказываю. А ты отвечай: «Есть!» и отвечай громко, а не себе в ноздрю...

— Есть! — крикнул я изо всех сил, а сам подумал: «И не на такие жертвы я готов ради прекрасной Аустры и Янтарного острова».

А она, холодная и непонятная, стояла у руля, и ее мысли были далеко впереди, куда она пристально вглядывалась и где светился одинокий огонек.

— Янис, — позвал дядюшка.

Янис подбежал быстро и встал рядом со мной. Оба юнги тоже подошли и, улыбаясь, наблюдали, что будет дальше.

— Вы оба, Михель и Янис, поступаете в полное подчинение этим корабельным юнгам: ты, Михель, к Оярсу, а ты, Янис, — к Арвиду.

— Есть! — воскликнули мы оба.

— Они будут вашими воспитателями в морском деле. Оярс и Арвид плавают на этом корабле третий год, достаточно просолились и уже изучили многое в великом мореходном искусстве. Это самое важное дело на свете — быть настоящим моряком, и только сухопутные крысы могут не понимать такой простой истины. А вы оба пока еще сухопутные крысята.

— Есть! — опять гаркнули мы.

— Впереди, на носу, две каюты. В левой помещаются корабельные юнги, а в правой будете жить вы — корабельные мальчишки. Смотрите, чтобы в каютах

всегда было чисто, как в аптеке. Если я загляну туда и найду грязь и беспорядок, будут наказаны линьком и вы, и корабельные юнги. И вот еще что... Кроме отведенных вам кают, никуда свой нос не суйте. Поняли? Ступайте!.. Нет! Еще подождите! Сейчас уже поздно, темно, а завтра с утра, если будет продолжаться этот проклятый штиль, все вы четверо начнете красить шхуну в зеленый цвет. Сверху, вдоль борта, вы проведете полосу в четыре ладони. Вся окраска должна быть окончена к полудню. Ты, Арвид, спустишься сзади и вдоль

кормы выведешь надпись: название шхуны и фамилию владельца. До сих пор шхуна называлась «Бесстрашный», а теперь станет называться «Победа». Владелица остается прежняя: Аустра Крамс. И если полицейские будут вас допрашивать, не эта ли шхуна «Бесстрашный», то вы поклянитесь, что так всегда было: шхуна никогда иначе не называлась как «Победа». Чего разинули рты? Ступайте!

— Есть! — ответили мы все четверо.

Янис взял меня за руку и сказал:

— Держи курс в нашу новую гавань!

Я СТАЛ МАЗИЛКОЙ

В передней части шхуны находились две крошечные каморки, в которых нельзя было даже выпрямиться. В правой расположились мы с Янисом. Там я увидел одну деревянную, очень узкую койку и над ней еще висячую койку, сделанную из рыболовной сети. На висячей лежал вместо матраца старый сложенный парус, вернее кусок его. Такой же кусок паруса служил мне подушкой. Была еще деревянная полочка, на которую я положил мой ранец с книгами и гимназическую фуражку с серебряным гербом РАГ — «Рижская Александровская Гимназия».

Свою шинель я повесил на деревянном гвозде. Ночью она будет служить мне вместо одеяла.

На нижней деревянной койке должен был спать Янис. У него была и соломенная подушка, и старое ватное одеяло, и тощий соломенный матрац. Он предложил мне спать с ним рядом на койке, но я наотрез отказался, предпочитая висячее ложе. «Я люблю одиночество и свободу», — сказал я важно.

Ночь прошла спокойно. Я собрался в комок на своей висячей койке и крепко уснул.

Во сне я увидел, будто лечу через море верхом на журавле. Вокруг меня летают чайки и вороны, и все стараются ущипнуть меня. Я отбиваюсь учебником латинского языка. Но птицы снова налетают и клюют меня.

А впереди, на горизонте, виден прекрасный остров, сделанный из прозрачного янтаря. На нем сияет огнями чудесный золотистый дворец, тоже янтарный. А все небо красное, как вишневый сок. Затем я вижу, как весь янтарный остров погружается в море и темнеет. А птицы продолжа-

ют клевать меня, и я боюсь — долечу ли до острова и найду ли его?

Тут я проснулся. Тяжелая рука опустилась мне на плечо и трясла без всякой жалости.

— Михель, вставай! Довольно спать! Принимайся за работу!

Около себя я увидел голову Оярса. Он стаскивал меня вниз.

— Скорей, скорей! Боцман ругается! Твой товарищ Янис уже в люльке, и ты полезешь туда же.

Раздумывать было некогда. Я соскользнул на нижнюю койку, Оярс же продолжал учить меня:

— Заверни рукава до локтей и штаны выше колен. Пойдешь босой. Сапоги поставь на полку рядом с книгами, а то их в два счета сгрызут крысы. Сейчас полный штиль. Боцман выжмет из тебя все сало, которое ты нагулял на берегу у твоей маменьки.

Я сделал все, как сказал Оярс, и быстро выбежал из каюты. Был, действительно, полный штиль. Паруса на шхуне обвисли.

Оярс, тоже босой, с засученными рукавами рубашки, потащил меня за руку, и мне пришлось бежать рысью. По пути он подхватил банку с зеленой краской и большую кисть.

Боцман Крамс уже следил за нами с капитанского возвышения и кричал:

— Скорей поворачивайтесь, увальни! Этот чертовский штиль скоро кончится, и налетит буря. Мы ничего не успеем сделать! Сажай малька в люльку!

Мне очень не понравилось, что боцман назвал меня мальком.

«Я ему покажу еще, каким могу быть, тысяча чертей!»

В ЛЮЛКЕ НАД МОРЕМ

Сюда, за мной! — крикнул Оярс и ловко перемахнул через борт.

Я постарался сделать то же самое и чуть не свалился в море. С наружной стороны корабля на канатах был подвешен деревянный ящик, в нем уже стоял мой Янис и усердно мазал кистью, обмакивая ее в банку с зеленой краской.

— Вот тебе прямая дощечка, кусок мыла, а вот банка с краской и кисть. Доска тебе вместо линейки. Ты проведешь мелом прямую черту, а ниже другую. Затем очень осторожно всю полосу между двумя чертами замажешь краской.

Дело мне показалось легким, и мы с Янисом стали быстро наводить зеленую полосу вокруг корабля. Оярс же постепенно передвигал люльку вдоль борта.

Море оставалось гладким и блестящим, как наш гимназический ледяной каток. Солнце обжигало и лицо, и руки. Хотелось пить, но я боялся сказать что-либо, так как Оярс все время торопил нас. Два раза над нами с борта склонялось мрачное лицо боцмана, который хрипел:

— Как вы мажете, точно у бабушки на именинах. Это вам не сметана, которая у вас не обсохла на губах, а дорогая масляная краска. Вы же ее настолько не жалуете, что она потекла по борту. Соскоблить сейчас же все подтеки.

Тут я понял, что быть моряком — это значит не только охотиться за акулами и воевать с пиратами или лазить в бурю на верхушки мачт, а значит также исполнять всякое приказание свирепого боцмана, как бы строго и дико оно ни казалось. И я подумал еще, что, кажется, жить дома, где мама обо всем заботится, куда приятнее и легче, чем мазать кистью борт корабля над морской бездной, когда по носу кажутся капли пота, а их нельзя даже смахнуть: одной рукой держишься за веревку, в другой — кисть, а под ногами глубокое

море, где стайками вьются серебристые рыбки, а иногда под ними проплывает тень большой камбалы.

Работа наша все же подвигалась. Я старался не показывать виду, что устал до смерти, и боялся свалиться из люльки в воду. Глаза слипались, и вдруг я услышал нежный голос, который пел грустную песенку.

Кто это? Неужели строгая Аустра может петь такую жалобную песню? Я потом записал эту латышскую народную песню со слов Яниса. Вот она:

Я увидела в море трех рыбаков.

Они ловили рыбу шелковыми сетями.

Лодка у них золотая, а парус серебристый.

— Скажите мне, честные рыбаки:

Не видели вы моего брата?

Это красивый мальчик, белолицый.

С желтыми волосами.

— Увы, милая мамина дочка!

Такой мальчик лежит на дне моря,

Песок ласкает его бледные щеки,

А вода полощет его нежные волосы.

— Молю вас, добрые рыбаки:

Вытащите его на берег!

Одному из вас я подарю вышитую рубашку,

Другому — шелковый платочек,

А третьему, младшему, — сердце подарю.

Сердце подарю и буду стирать его паруса...

Хоть и белая пена на воде,

Но еще белее будут паруса!

Подняла лодочка белые паруса

И ушла, долго мерцая, как звездочка вдали...

«Кому она подарит свое сердце? — подумал я. — Какому-либо моряку? Нет, это невозможно! Я готов и дальше служить ей и повиноваться, но только, если она всегда будет такая недосыгаемая».

БУРЯ

Крупные капли дождя забарабанили по доскам, на которых мы с Янисом стояли. Одинокая пролетевшая тучка послала первое предупреждение о надвигающейся грозе.

14 Голос боцмана прогремел:

— Скорей кончайте, вы там, мазины! Мы с Янисом делаем торопливые последние мазки. Теперь боцман должен быть нами доволен — мы назначенный нам урок выполнили. Но он был всем недоволен, продолжал ругаться и кричать:

— Убирайте к черту люльку! Убрать паруса! Сейчас налетит буря!

Наша люлька была вытащена на палубу. Оярс уже ловко, как обезьяна, вскарабкался по реям на переднюю фок-мачту и там подтягивал небольшие треугольные паруса.

Море вдруг совершенно переменялось. Зеркальная бирюзовая гладь потемнела, стала цвета железа и покрылась мелкой рябью. Быстро стали возникать волны. Пронесшийся ветер срывал их верхушки, качнул нашу шхуну и стал трепать ее паруса.

Темная туча закрыла недавно пылавшее жгучее солнце. Шхуна понеслась вперед, гонимая ветром, гордо расправив паруса, рассекая грудью встречные валы, то вздымаясь, то ныряя в бездну. Иногда большая волна, ударившись о борт, обливала всю палубу. Я стоял у борта, крепко вцепившись в ванты, и даже любовался, как уверенно держал штурвал боцман.

— Что, Петушок, небось испугался такой бури? — спросил он.

Я рассердился, что боцман меня так назвал, и дерзко ему ответил его же словами:

— Я в море не боюсь ничего и никого, кроме капитана, тысяча чертей и две ведьмы!

А юный капитан Аустра стояла у двери своей каюты в черном резиновом плаще с капюшоном, покрывавшим ее голову, и хоть бы раз посмотрела в мою сторону!

Но беда надвигалась быстро. Ветер усиливался. Видимо, сам боцман испугался. Он закричал:

— Оярс, Арвид, быстро! Убрать фок! Живо!

Оба юнги бросились выполнять приказание Крамса, но шквал налетел и поднял наш корабль, как пробку, на гребень огромной волны, потом швырнул его вниз. Большой парус — фок — лопнул с треском пушечного выстрела, и его обрывки замотались, как тряпки.

— Не парус, а немецкое гнилье! — воскликнул Крамс и яростно выругался.

Новая волна обрушилась на палубу, сорвала одну плохо прикрепленную бочку, сбросила ее в воду.

Я уже решил, что мы гибнем, так как шхуна казалась уходящей на дно, — водяные пенистые стены поднимались выше палубы и обрушивались на нас.

Боцман стоял у штурвала, полуогнувшись, весь напряженный, точно готовясь к

борьбе, широко расставив босые ноги, и пристально вглядывался вперед.

Ауэра прижалась к двери, бледная, как мел, и ее глаза казались черными. Она что-то кричала боцману, тот отмахивался, точно хотел сказать: «Не вмешивайся, сам знаю, что надо делать!»

Но приближался новый шквал. Он подхватил скрипевшую шхуну, поднял ее снова на гребень волны так высоко, что она чуть не перевернулась, и с яростью бросил вниз.

«Ну, теперь уж нам каюк! — подумал я. — Прощай, латинская грамматика!» Но, видно, надежные мастера строили эту упрямую шхуну. Она скользила по морю, черпая воду бортом. Я повис в воздухе, вцепившись в ванты руками и ногами. Шхуна опять с неопишваемым стоном под-

нялась на пенный вал. Но тут с грохотом сломалась грот-мачта и свалилась на борт, концом окунувшись в воду. Шхуна накренилась.

— Рубить ванты! К чертям эту гнилую дубину! Ауэра, становись на мое место!

Ауэра в три прыжка оказалась возле штурвала и вцепилась в него. Арвид и Оярс, быстро достав два топора из стоявшего у борта ящика, стали рубить ванты и остальной такелаж мачты. Вскоре сложенная мачта была сброшена в море, шхуна выпрямилась. Крамс вернулся к штурвалу, но Ауэра подняла руку:

— Не подходи! Какой ты боцман? Какой ты морской волк? Испакостить и погубить такую чудесную шхуну! Отправляйся в Ригу, нанимайся извозчиком во-

зить в коляске городских купчих. Да и то ты, наверное, опрокинешь коляску с франтихами в канаву.

Боцман закрыл лицо руками и, не говоря ни слова, медленно ушел в свою каюту.

Ауэтра крикнула Оярс, и они вдвоем остались у штурвала, о чем-то тихо переговариваясь.

Я опять соскочил на палубу и с удовольствием почувствовал под ногами ее прочные доски.

МОРСКОЙ АД

Но положение наше становилось с каждой минутой все страшнее, все опаснее. Я никак не мог себе представить, что волны бывают такой высоты. Положим, они же поднимают и огромные военные корабли, но когда я увидел своими глазами, какие горы прозрачной зеленой воды несутся по морю, то я уже удивлялся тому, что мы еще живы, и восхищался Ауэстрой, продолжавшей смело стоять у штурвала. Она что-то мне крикнула. С трудом удерживаясь на ногах, я подошел к ней.

— Надень пробковый пояс и пока прихвати себя к остатку мачты. Иначе волна тебя смочет. Пояс найдешь там, в боковом ящике.

— А ты почему не надеваешь?

— Не спорить, а слушать команду! Если будут отмели и волна ударит корабль о скалы, то моя шхуна развалится как яйцо.

В ящике я нашел несколько пробковых нагрудников. Один из них я надел, два других принес Ауэстре. Она их оттолкнула, сказав:

— Если погибнет моя любимая шхуна, то больше я жить не стану! Пусть жадное море поглотит и меня!

Но шхуна не хотела разваливаться и тонуть. Она продолжала подниматься на гребни гигантских волн и проваливаться к чертям в кипящую бездну. Я прикрутил себя веревкой к какому-то крюку около каюты боцмана. Я себя презирал: мне казалось, что я похож на мокрую собаку, привязанную к будке.

Вдруг Ауэтра мне крикнула:

— Мишь-я! Да ведь ты молодец, храбрец! Ты ни разу не заплакал и прекрасно переносишь шторм. Ты станешь отличным моряком! А Янис уже с самого начала бури лежит в каюте мертвым телом.

Здесь я почувствовал, что я действительно создан для моря. Не зная, что ответить, я крикнул:

— Если мы будем тонуть, я хочу быть около тебя!

Она махнула рукой и ответила:

— Не стоит!

Оярс надел пробковый нагрудник и насильно стал натягивать второй на Ауэстру. Тут я заметил, что Ауэтра плачет, как-то неловко утирая слезы кулаком. Другой рукой она не оставляла штурвала.

Я не выдержал и, отвязавшись, проскользнул в каюту боцмана. Крамс равнодушно лежал на койке, положив голову на старый матросский кожаный ранец с двумя ремнями.

— Боцман, пожалуйста, боцман! — стал я трясти его за плечо.

— Я больше не боцман! Ступай к чертям! Я рижский пьяный извозчик!

— Боцман Крамс! — продолжал я трясти его. — Ауэтра плачет! Вероятно, дело очень плохо.

Крамс поднялся и спустил ноги на пол, удивленно уставившись на меня.

— Ауэтра плачет! — продолжал я. — Она говорит, что если судно потонет, то она не будет жить, не хочет жить!

Крамс сделался страшен, с полуседыми, всклокоченными волосами и вытаращенными глазами, которые ворочались, как у безумного.

— Ауэтра плачет? — прохрипел он. — Я никогда не думал, что она может заплакать, как обыкновенная девчонка! О!

Крамс вскочил и ударился головой о низкий потолок.

— Ауэтра плачет! Тысяча чертей и две ведьмы!

Он снова повалился на койку, вцепившись руками в волосы.

Он вздрагивал и глухо что-то бормотал.

Вдруг дверь отворилась, и нежный знакомый голос нараспев сказал:

— Крамс! Милый моряк! Я дам тебе вышитую рубашку.

Боцман оставался неподвижным, а голос продолжал:

— Милый рыбак! Я дам тебе шелковый платочек!

Крамс со злобой проворчал:

— Подари его настоящему рыбаку, а я только плохой извозчик.

А нежный голос проговорил совсем ласково:

— Не сердись, Крамс, прости меня!

Боцман поднялся, схватил Аустру за плечи и крепко прижался к ее щеке своими щетинистыми усами.

— Не бойся, Аустра! — сказал он. — Наша чудесная шхуна так прочно построена, что она выйдет целой из всякой бури. Ей страшны только мели и подводные скалы. Идем!

Крамс вернулся к штурвалу и стал возле него, спокойный и уверенный, как всегда. Рукой он отстранил Ояrsa.

— Я вижу, впереди мелькнул огонек. Это старый маяк на острове Руно. Мы идем прямо на него. Через полчаса мы будем там. Я знаю одну бухточку, в которой сможет укрыться наша шхуна. Придется ставить новую мачту.

— И мы сможем продолжать наше плаванье? — спросила Аустра. — И ты снова будешь нашим боцманом?

— Если ты, собственница корабля, этого пожелаешь.

— Да, я хочу этого!

Как сказал Крамс, так и случилось. Шхуна, изрядно потрепанная, без грот-мачты, медленно, но счастливо добралась до небольшого острова и бросила якорь близ берега, рядом с двумя двухмачтовыми рыбацкими лайбами.

Бухточка была искусственно создана с помощью каменного мола неподалеку от белой башни маяка.

Буря промчалась. Ветер затихал. Вскоре я уже лежал на койке в нашей каюте корабельных мальчиков. «Что же будет? Что мне делать?» — раздумывал я и кусал себе пальцы.

А подо мной, измученный морской болезнью, крепко спал Янис, безмятежно похрапывая.

НА ОСТРОВЕ РУНО

Я проснулся от резкого пистолетного выстрела. Затем послышались тяжелые шаги многих людей и громкие крики. Я растолкал Яниса.

— Вставай, сонная тетеря! Что-то неладное случилось на шхуне.

Мы с Янисом осторожно выглянули. Какие-то люди перелезали через борт, другие прыгали обратно в море. Крамс, потрясая огромным дуствольным пистолетом, кричал и ругался. Рядом стояла Аустра, в руках ее тоже был маленький старинный дуствольный пистолет. Подойдя к борту, мы увидели близ шхуны три больших рыбацких лодки. Находившиеся в них люди, по-видимому рыбаки, отчаянно кричали, переругиваясь с Крамсом. Молодой рыбак, отплевываясь, плыл от шхуны. Одежда мешала ему. Скоро его втащили в лодку.

Крамс кричал:

— Что вы хотите от меня? Все рыбаки мира друзья и братья. А тут вдруг несколько рыбаков, как злые разбойники, взобрались на нашу израненную шхуну и стали меня душить. Одного я сбросил в воду и сделаю то же с каждым, кто сюда полезет, или всажу ему пулю в дурацкий лоб.

Один из рыбаков, сидевший в лодке на руле, по-видимому их старшина, прикрикнул на остальных и стал объясняться с нашим боцманом.

— Послушай-ка, ты, долговязый! У нас,

шведов, свои старые морские законы. Если корабль потерпел крушение близ наших берегов, мы его считаем своим.

Рыбаки закричали:

— Это верно! Таков старый шведский закон! Теперь этот корабль наш!

Крамс, потрясая пистолетом, яростно возражал:

— Наша шхуна испытала трепку в море, но она не потерпела крушения — это первое. Бока у корабля совершенно целы — это второе. Сломалась только грот-мачта, а с кливерными парусами мы приплыли сюда. Я думал, что вы встретите нас как братья, а вы хотите нас ограбить, как пакудные немецкие бароны, которые не знают жалости. Да к тому же вы осмелились грозить мне, боцману славного русского фрегата «Паллада», Карлису Крамсу. Поэтому я, боцман Крамс, от имени владелицы этой шхуны, которая стоит вот здесь рядом, предлагаю вам: помочь нам поставить новую прочную мачту и натянуть ванты. А запасной парус у нас есть. За это мы вам заплатим честно, как принято у старых рыбаков.

Островитяне в лодке снова подняли крик:

— Не надо нам денег! Не слушайте его! Полезем на корабль и затолкаем этого грубияна боцмана в трюм.

Крамс ответил:

— Вам не удастся влезть на корабль и

его захватить. У меня в трюме два бочонка пороха, и я взорву их в тот миг, когда вы захотите выполнить свое грязное дело!

Человек, сидевший в лодке на руле, стал успокаивать других руновцев:

— Молчать, ребята! Послушайте, что я вам скажу. Выберем двух старых опытных товарищей и пошлем их на корабль для переговоров. Не лучше ли уладить дело миром и помочь нашим гостям в беде?

Ведь такое несчастье с каждым может случиться.

Переговоры кончились благополучно, и в тот же день руновцы принялись за починку корабля.

Мы с Янисом хотели было помогать, но Крамс заявил, что от нас пользы будет мало и поэтому он нам дает свободу на несколько дней.

МЫ БРОДИМ ПО ОСТРОВУ

Мы очень обрадовались полученной свободе.

— Вот теперь мы вдоволь погуляем по острову! — воскликнул Янис. — Пойдем искать пещеру, в которой запрятаны сокровища погибших здесь кораблей.

Мы оба спустились на берег и пошли вокруг острова. К нам пристало несколько мальчишек, приблизительно наших лет, и мы с ними кое-как стали понимать друг

друга. Один из них знал латышский язык, и он нам рассказал много любопытного о жизни на этом маленьком островке.

Я стал убеждать Яниса:

— Ведь мы сейчас отправляемся в далекий путь, и кто знает, что с нами будет? А вдруг нам не удастся уехать далеко и нас обоих вернут в Ригу, где нам опять придется ходить в гимназию и готовить уроки? Ведь Осип Осипович требует,

чтобы мы на уроке географии рассказали все, что узнали про остров Руно: кто на нем живет и какие здесь водятся звери. Давай спросим хорошенько этих мальчиков...

И вот что мы узнали после того, как обошли остров кругом, потратив на это день. Никаких скал или пещер на острове мы не нашли. Встречались нам пашни, на которых местные жители сеют рожь, ячмень и овес. Были луга, где паслись коровы и овцы. Лошадок немного, и все они низкорослые и рыжие. Мальчики уверяли, что эти лошади отлично прыгают через трещины во льду, когда рыбаки зимой едут по замерзшему морю, отправляясь на промысел. На острове всего одно селение. Возле него старая деревянная церковь и при ней домик, где живет пастор. Мальчики объяснили также, что по воскресеньям все руновцы ходят молиться в эту церковь и слушать проповедь пастора, а также петь псалмы под звуки органа. Около церкви кладбище. Кресты сделаны из старых обломков кораблей, прибитых волнами к берегу.

Мы расспрашивали ребят, какие здесь водятся звери.

— Тут есть зайцы, — рассказывали мальчики, — но зайцев так мало, что убивать их воспрещается. В земле роют себе норки кроты и полевые мыши. Но зато в

море, близ острова, появляются в большом количестве тюлени. Они вылезают на лед и греются на солнце. Убить тюленя очень трудно. Тюлени крайне чутки, пугливы и близко к себе не подпускают. Но на острове имеются очень ловкие охотники, которые к ним подползают на выстрел, покрявшившись белыми простынями.

Единственное каменное здание на острове — это маяк. У маяка один светящийся глаз, который поворачивается кругом и ярко светит, помогая мореходам идти правильным курсом. На маяке живут смотритель и сторож, оба бывшие моряки. У обоих имеются жены, много маленьких детей и две коровы.

Янис сказал мне:

— Осип Осипович также потребует, чтобы мы рассказали, какие здесь водятся птицы.

Руновские ребята объяснили, что здесь водятся только ласточки, воробьи, вороны, сороки и очень много чаек. При осенних перелетах спускаются стаи косачей, диких лебедей и гусей. Однажды прилетели два аиста и хотели свить гнездо на маяке, но смотритель их прогнал.

Здесь растут низкорослые сосенки, вереск, брусника и черника, но последней мало.

Вот и все, кажется, что мы узнали.

«ЭГЕ-ГЕ! ВОТ ВЫ ГДЕ!»

Посреди селения руновцев мы увидели длинный дом, на нем красовалась вывеска, где по зеленому полю было выведено: «Крогс», что значит — корчма. В ней старый корчмарь, бывший матрос, продавал посетителям ячменное пиво и водку.

По воскресеньям и праздникам молодежь острова приходит в корчму, устраивает там танцы и поет свои шведские песни.

Так как сегодня было воскресенье, то мы с Янисом решили посмотреть, как веселятся руновцы.

Длинные столы были вынесены наружу. Вдоль стен поставлены скамейки. В раскрытое окно глядел на гостей бородатый старый корчмарь в большом переднике. На широком подоконнике выстроился ряд бутылок и глиняных кружек.

На скамьях чинно сидели дородные разряженные шведские девушки. Их светлые косы были уложены вокруг головы и украшены лентами. Каждая девушка дер-

жала в руках расшитый цветным узором платочек.

Увидев нас, девушки, как хозяйки острова, пригласили сесть рядом на скамейке.

Появились два музыканта. Сперва играл гармонист, а когда он кончил, сейчас же начал играть скрипач, лихо ударяя смычком по струнам.

Девушки сперва танцевали свой любимый танец в три такта — «ринг данс». Они вертелись парами, потом сходились в круг. Затем вмешались парни и даже пожилые рыбаки. Обняв за талию девушек, они ловко кружились, старательно выбивая ногами три такта.

Все девушки были в полосатых, немного ниже колен, шерстяных юбках, очень широких, со множеством складок. При танцах юбки развевались веером. Наши соседки пригласили меня и Яниса танцевать с ними. Так как в гимназии у нас преподавались танцы и мы уже умели танцевать и

вальс и польку, то мы смело завертелись, с трудом обнимая своих рослых и пышных «дам».

Все от души веселились, и я жалел только об одном, что я танцую не с Аустрой, которая осталась на шхуне.

Вдруг, взглянув по направлению дороги, я обомлел и, покинув свою партнершу, отлетел в сторону. К нам подходили новые гости. Впереди шел высокий и худой человек с длинным носом — это был Цапля! За ним следовали какой-то офицер и два матроса. Они явно кого-то искали.

Мне хотелось убежать, провалиться сквозь землю, спрятаться в какую-нибудь щель, но было уже поздно.

— Эге-ге! Вот вы где! — воскликнул густым басом Цапля и длинным пальцем стал манить меня к себе.

Музыка умолкла. Девушки рассыпались и уселись по скамьям. Я и Янис старались спрятаться за спинами других, а офицер, в полной форме, с саблей на боку, улыбаясь, обратился к гармонисту:

— Что же ты перестал играть? Про-

должай. Мы пришли полюбоваться на вашу веселье.

Строгий помощник классного наставника Генрих Густавович Шульц большими торжественными шагами направился ко мне, взял меня под руку и повел прочь.

— Ты же знаешь, Петушков, что ученикам не разрешается посещать питейные заведения. Ты должен был показать пример также Янису и удержать его от недозволенных поступков. По приказанию господина директора гимназии я приехал за вами, чтобы доставить вас обратно в Ригу... Ай-яй-яй! Сколько беспокойства ты доставил своей матушке, глубокоуважаемой Людмиле Порфирьевне! Она так плакала, думая, что ты лежишь уже на дне моря и тебе объедают лицо камбалы. И что же я вижу? Ты лихо отплясываешь со шведскими девушками «ринг данс»! Какой позор! И это после того, как ты доставил всем столько волнений и хлопот!.. Сейчас ты отправишься на пароход береговой пограничной стражи, который доставит тебя в Ригу... Эй, Янис, ты тоже поедешь со мной!

ПОСЛЕДНИЕ ПОРУЧЕНИЯ АУСТРЫ

Цапля отвел меня на небольшой пароход, пришвартованный к каменному молу. В общей каюте Цапля указал на диванчик, приказал сесть на него и никуда не уходить.

— Тут ты будешь сегодня ночевать.

— Но мое пальто и ранец остались на шхуне.

— Завтра утром ты сходишь за ними. А сейчас уже темно, и тебе нечего бродить по острову.

Я кое-как улегся на диванчике. Матрос накрыл меня казенным шерстяным одеялом. Я укутался им с головой и незаметно уснул.

Рано утром я встал и решил сходить на шхуну, стоявшую поблизости. На пароходе все еще спали. Часовой на меня покосился, зевнул, но не остановил. На шхуне тоже все спали. Я забрал свое пальто, надел его и подхватил ранец. Меня удивило, что ранец был открыт, точно в нем кто-то рылся, и там не оказалось латинской грамматики в потертом красном переплете. Я надеялся увидеть Аустру, но Оярс, вышедший на палубу, сказал, что она отправилась на остров.

Тогда я решил во что бы то ни стало

найти ее, чтобы попрощаться перед отъездом.

Итак, мне предстояло возвратиться домой! Я представил себе, как будут смеяться надо мной и Янисом товарищи по школе: «Вот они — знаменитые пираты». А что я увижу дома? Мама будет плакать и жаловаться, что я ее не люблю, не ценю ее забот, что я бездушный и бессердечный мальчишка. А об отце страшно и подумать: он из меня выколочит пыль длинным чубуком своей турецкой трубки! А что скажет господин директор? Наверное, посадит на несколько дней в карцер. А если опять убежать, но как можно дальше? Только на чем? Крамс останется на острове, пока не будет починена шхуна. На этом маленьком острове и укрыться-то негде!.. Янису легче: Аустра и дядюшка его не прогонят, а, наверное, возьмут в дальнейшее плавание...

Так я раздумывал, проходя по каменному берегу под равномерный плеск набегавших волн. Они оставляли на берегу дохлых рыбок с двумя колючками по бокам, белые, синие и розовые маленькие раскрытые ракушки, изредка мелкие кусочки янтара.

«Что же делать? Надо сейчас решать,

потом будет поздно. Меня все равно разыщут, а затем матрос или пограничный солдат, ухватив за плечо большой жесткой лапой, потащит на пароход, который отвезет нас обратно в Ригу».

Тут я увидел на бугре над морем знакомую стройную фигуру Аустры. Закрывая от солнца глаза рукой, она смотрела по сторонам и кричала:

— Мишь-я! Где вы? Мишь-я! Ау!

От ветра билось и трепетало ее красное платье. Она поднялась еще выше и опять кричала:

— Мишь-я! Где вы пропали? Отзовитесь! Ау!

Я бросился к ней со всех ног и одним духом взлетел на бугор.

— Пойдемте со мной, Мишь-я! Мне нужно поговорить по очень важному для меня делу. Я думаю, что вы исполните все, о чем я вас попрошу? Не правда ли?

Зайкаясь, я клялся, что сделаю все, что она захочет.

Мы спустились с бугра к скошенному ячменному полю, прошли по меже и уселись, укрытые кустом бурьяна.

Сердце мое билось, как у пойманного зайца. Как бы мне доказать Аустре мою преданность?

— Я сделаю все для вас, Аустра, даже могу броситься в море со скалы, если вы мне это прикажете. Ведь я... — тут я запнулся и не решился сказать вслух то, что я переживал.

Она улыбнулась, сорвала запоздалый цветок ромашки, стала обрывать белые лепестки, говоря:

— Любит, не любит, плюнет, поцелует, к черту пошлет, к сердцу прижмет...

Я жадно следил. Последний лепесток сказал: «не любит».

— Видите, что вышло? Глупый цветок! — и Аустра отшвырнула его в сторону. — Сейчас, Мишь-я, вам придется возвратиться в Ригу. Я же пока останусь на острове наблюдать за починкой шхуны. И Янис останется со мной.

— Позвольте и мне остаться с вами?

— Нет, это не нужно. И не удастся. Вас приказано доставить в Ригу. И я сделала бы преступление, если бы оторвала вас от школы. Учитесь! Кончайте гимназию и сделайте хорошим, честным. — Она задумалась на мгновение. — Да, честным гражданином! Вы знаете, что это такое — гражданин?

— Я думаю, что знаю. По латыни — «цивис».

— Это еще совсем не то, чему вас учат в школе. Быть гражданином — значит любить свой народ больше своей жизни и быть всегда готовым ради него пойти на смерть. Это мне всегда говорил мой отец, а он погиб в Сибири на каторге. За что? За то, что он любил наш бедный латышский народ, замученный немецкими помещиками и царскими жандармами, и участвовал в кружке молодых латышских революционеров. Вы знаете, кто такие революционеры? Об этом в школе вам не говорят и дома, конечно, тоже. А у нас, в квартире отца, собирались его друзья и все мечтали о счастливых днях, когда латышская страна будет свободной и все немецкие бароны-помещики побегут прочь. Понимаете ли вы меня, Мишь-я?

— Кажется, начинаю понимать, но до сих пор я об этом ничего не слышал.

— Когда Янис по глупости проболтался перед директором, то дядя Крамс особенно перепугался. Ведь он не ром и не бананы перевозил с моря, это была только отговорка для полиции, в случае чего. Он перевозил книги и журналы, издававшиеся нашими друзьями за границей и по-латышски, и по-русски.

— Я никогда об этом не думал! — прошептал я.

— Боже мой, что я вам наговорила! — всплеснула руками Аустра и пристально посмотрела мне в глаза. — Вы, Мишь-я, обещайте мне молчать и забыть то, что вы сейчас услышали. Но через много лет, когда вы станете уже настоящим гражданином, вы вспомните наш разговор на острове Руно, вспомните отчаяние Крамса, Аустры, Оярса и Арвида — ведь все мы связаны одним делом, одной клятвой. Может быть, нас уже не будет в живых, но вы скажете: «Они недаром жили, они погибли за родину, за свободу, за счастье народа».

Я сидел, изумленный тем, что только что услышал.

Уже не «Остров сокровищ», как маяк, горел передо мной, а пронизательные, ясные глаза Аустры, и звучал с необычайной силой ее уверенный голос.

— Я никогда не думал, что так может получиться! — прошептал я.

— Теперь, Мишь-я, вы должны исполнить мою последнюю маленькую просьбу. Я взяла из вашего ранца одну книжку — это учебник латинской грамматики, — и Аустра показала мне мою книгу. — Этот учебник не может вызвать подозрений по-

лиции и начальства. А в книге написано письмо нашим рижским друзьям. Запомните адрес, который я вам скажу. Нигде его не записывайте. Вы пойдете по Суворовской улице, по той, где стоит ваша гимназия, и, пройдя от гимназии три квартала, увидите по правой стороне выкрашенный желтой краской двухэтажный деревянный дом. Войдите во двор. Там, в глубине, окажется второй дом, небольшой, одноэтажный. Вы постучите в окно с правой стороны три раза с промежутками. Вам откроет девушка моих лет. Это моя подруга Мария. Или выглянет ее бабушка, мадам Меднис. Вы скажете, что вас прислала я, Аустра Крамс, и передадите эту книгу, латинскую грамматику, сказав трижды: «три — пять, три — пять, три — пять». Поняли, Мишь-я? Я кивнул.

— Конечно, понял! А если никого не будет дома?

— Тогда я вас прошу пойти еще раз, пока вы лично не увидите Марию или ее бабушку. И никому другому книги не отдавайте, только им — из рук в руки. А через неделю вы получите грамматику обратно.

— Я сделаю так, как вы мне приказываете.

— Вот вам ваша книга. Прощайте, Мишь-я! Торопитесь на свой пароход. Слышите, он уже подает тревожные гудки. Я бережно уложил книгу в ранец.

Аустра крепко пожала мне руку своей маленькой сильной рукой, потом порывисто обняла за шею и неожиданно, слегка укусив меня за щеку, быстро убежала прочь...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Рукопись Миши Петушкова на этом заканчивалась. Но передо мной еще лежит его латинская грамматика, которую я приобрел вместе с рукописью у почтенной старушки в черном поношенном пальто. По-видимому, это та самая грамматика, о которой при последнем свидании с Мишей на острове Руно говорила Аустра.

Я начал рассматривать эту книгу. Первоначально я не нашел в ней ничего особенного. В чем дело? Заглавие было знакомое:

«Грамматика латинского языка для гимназий. Составил Э. Кесслер, преподаватель II С.-Петербургской гимназии. Издание 5-е, исправленное. С.-Петербург, 1884 г.»

Когда-то я сам учился по этому учебнику.

Но как понять слова Аустры: «Три — пять! Три — пять! Три — пять?»

— Женские причуды! — сказал я и на этом успокоился.

Я стал снова перелистывать, на этот раз начав с конца, вглядываясь пристально в каждую третью страницу и пятую строку сверху. Опять ничего не получи-

лось! Теперь я попробовал читать ту же третью страницу, но пятую строчку брал уже снизу. И вдруг у меня начало что-то получаться.

Нашел! Я заметил в лупу, что некоторые буквы вроде бы были когда-то подчеркнуты, и стал их выписывать. Долго я мучился. Наконец из букв стали получаться слова... А из слов получились фразы! Вот они:

«Привет Айзупу! Я передал товарищам все, что он мне поручил. Когда обо мне забудут полицейские ищейки, то я постараюсь вернуться в Ригу.»

Бодман Крамс.

Для наших юных читателей добавлю: упомянутый Айзуп — латыш, офицер царской армии, революционер-народоволец, распространял листовки «Народной воли», обучал молодежь обращению с оружием, что и было одним из главных пунктов обвинения на его процессе. Об Айзупе и его замечательной жизни следует написать особую книгу.

Может быть, мне или кому-нибудь другому удастся сделать это, а также описать дальнейшую жизнь и приключения Миши Петушкова.

ЖАЖДА СТРАНСТВИЙ

Родился я в Киеве, детство провел в Риге, затем в Ревеле (Таллин), окончил классическую гимназию, где греческий и латынь преподавал мой отец, — писал Василий Григорьевич Ян. — Отец перевел на русский язык «Илиаду» и «Одиссею» Гомера и часто читал нам вслух эти произведения. Скитания и приключения Одиссея, а также рассказы одного старого матроса, объехавшего весь свет, внушили мне жажду путешествий, и мальчиком я даже бежал однажды на корабле, в надежде увидеть сказочные далекие страны».

Отец В. Яна, Григорий Андреевич Янчевский (1846—1903 гг.), известный в свое время педагог и переводчик, в молодости путешествовавший по Греции, старался всячески развить в своих детях и гимназистах любовь к родине, краеведению, для чего организовывал далекие пешие экскурсии по берегам Рижского и Финского заливов, в Нарву и Псков, к Чудскому озеру, на поле Полтавской битвы.

«Жажде путешествий», о которой пишет В. Ян, способствовал еще один интересный эпизод детства писателя. «Однажды, когда мы жили на даче в Дуббельне (Дубулаты), я застал отца беседующим с незнакомым пожилым мужчиной... Это был И. Гончаров. Отец читал нам описания плавания на фрегате «Паллада», и я застыл, как зачарованный, безмолвно глядя на счастливого, обогнувшего земной шар, видевшего столько необычайного.

Гончаров спросил, кем я хочу стать. Я долго не мог ничего ответить от волнения, а потом воскликнул: — Путешественником!»

В. Ян (1875—1954 гг.) прожил долгую, интересную жизнь.

Жажда странствий неутолимо влекла писателя. Окончив в 1897 году Петербургский университет, В. Ян почти три года с котомкой и посохом бродил по России и Украине. Затем он уехал за границу: на велосипеде объездил Южную Англию, верхом проехал горы и пески Средней Азии; пересек Северную Персию (Иран), Белуджистан, дойдя до границ Индии.

Русско-японская война призвала В. Яна на Дальний Восток. После войны он бывал неподолгу то в Петербурге, то в Средней Азии, на берегах Черного, Красного, Белого, Балтийского, Мраморного и Средиземного морей, в Европе, на Ближнем Востоке, на Балканах.

Эти путешествия не были праздным туризмом. Везде В. Ян — активный участник событий, происходящих в местах, которые посещает: член научной экспедиции, специальный или военный корреспондент, чиновник, редактор, учитель, даже «смотритель колодезь пустыни Кара-Кум»...

Как говорил В. Ян, этот «период скитаний» стал для него той неиссякаемой «кладовой образов», откуда он черпал материалы для своих художественных произведений.

Но только после Великой Октябрьской революции, когда В. Ян поселился в Москве, «скитания закончились, родилось творчество — период упорной работы над материалами для давно задуманных исторических повестей».

Сорок лет назад, в сентябрьском номере московского журнала «Всемирный следопыт» был

опубликован первый историко-краеведческий рассказ В. Яна «Письмо из скифского стана».

Редактором журнала был замечательный друг молодежи, покровитель романтиков, фантастов, путешественников и открыватель талантов — Вл. А. Попов. На страницах своего журнала он сумел собрать блестящую плеяду писателей, таких, как Александр Грин, Ал. Новиков-Прибой, Александр Беллев, Степан Злобин, В. Бианки, М. Зуев-Ордынец и многих других, чьими произведениями зачитывалась молодежь.

В дальнейшем во «Всемирном следопыте» и его приложениях были опубликованы еще несколько рассказов В. Яна — того же жанра, ставшего основным в его творчестве. А затем в издательстве «Молодая гвардия» и других стали появляться исторические повести В. Яна — о походах Александра Македонского, об уральских молодобойцах, о битвах Александра Невского, о Чингисхановом и Батыевом нашествиях — книги, принесшие их автору признание и славу.

Летом 1948 года В. Ян с женой Лидией Владимировной приехал на Рижское взморье, в Дом творчества писателей «Дубулаты», в те места, где когда-то мальчик Вася обещал стать путешественником автору «Фрегата «Паллада». «Проезжали через город, — записывает В. Ян в дневник, — как он вырос и украсился по сравнению с той Ригой, какую я помню.

Мы пошли по оживленным улицам... и вдруг я остановился, пораженный, — это была старая Суворовская улица: я увидел двухэтажное солидно построенное здание, и оно мне напомнило родную Александровскую гимназию, в которой я учился 60 лет назад!... Дальше должен быть Верманпарк²... Да, это он, старые липы и каштаны... и дорожки, где мы бегали детьми...»

Не в силах противиться волне налетевших воспоминаний, В. Ян, занятый в то время окончанием трилогии о монгольском нашествии, помечает в дневнике: «Надеюсь написать повесть о том, как я бежал в Америку и был задержан на острове Руно».

Все лето 1948 года В. Ян отдал работе над этой повестью.

В годы детства писателя в Риге выходила газета на русском языке «Рижский Вестник». В ней был напечатан только что появившийся тогда «Остров сокровищ» Стивенсона. «Эта повесть звала у меня, — пишет В. Ян, — замысел бежать отыскивать Остров сокровищ».

«Пишу главу за главой повесть «Мое бегство на Остров сокровищ», описываю рижскую гимназию эпохи своего ученичества.

Я записал много новых слов и выражений, относящихся к кораблю, лодке и морю... Утром были в Домском музее, зарисовывали парусные корабли. Мне нужны корабельные термины, крики команды: «Убрать кливера! Подтянуть овершкот!.. Помню, в детстве, мы читали и переводили оригинальнейшую повесть из жизни англий-

¹ Теперь в этом здании помещается Рижская консерватория.

² Теперь бульвар имени Кирова.

Василий Григорьевич Ян (Янчевецкий).

ского парусника, полную таких причудливых морских выражений. Называлась книга, кажется, «Три моряка».

...Я бы хотел, чтобы моя повесть призывала нашу русскую молодежь любить море».

Образы героев повести имеют свои прототипы. Автор даже пишет в подзаголовке: «Записки рижского гимназиста 1889 года. (С предисловием В. Яна)». И ведет повествование от имени этого «рижского гимназиста».

«Передо мною всплывают из пучины далекого прошлого маленькие мои товарищи — мальчики и девочки, они повторяют фразы и слова, прозвучавшие 60 лет назад. Я вижу перед собой своих учителей, «хранивших юность нашу» (по словам Пушкина). Хочется сказать им слова приветия и благодарности».

Описывая директора гимназии, по прозвищу Багор, автор рисует портрет своего отца, трудолюбивейшего Григория Андреевича. «Минувшее всплывает предо мною...», и я уже вижу давно забытое, вспоминаю имена, которые не произносил более полувека... товарищ по парте Вася Крупников, Вася Терентьев, Саша Савинич (лучший ученик по способностям)... учитель математики Павлов и помощник классного наставника, которого мы ненавидели и называли Цаплей».

Фамилия Петушков дана гимназисту, от чьего имени написана повесть, не случайно. В канун первой мировой войны в Петербурге издавался журнал для юношества «Ученик», где из номера в номер печатался «Дневник Пети Петушкова». Дневник велся от имени гимназиста, фантазера, любителя приключений и путешествий, озорного мальчугана Фигура Пети Петушкова была настолько реальной, что юные читатели «Ученика» вели с ним переписку.

И никто из них не подозревал, что Петя Петушков — литературный герой, придуманный редактором-издателем «Ученика», учителем 1-й Петербургской гимназии, журналистом В. Г. Янчевецким, ныне известным как писатель В. Ян.

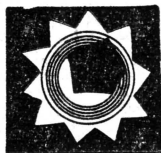
Повесть заканчивается неожиданным для ее героя открытием, кем в действительности были хозяева шхуны «Бесстрашный».

«Под покровом официальной русской государственности, — писал В. Ян, — подземные, неизвестные большинству общества, течения латышских и русских революционеров были в полной силе». Юный Миша Петушков случайно прикоснулся к покрову глубокой тайны.

Мой отец не успел рассказать нам о дальнейшей судьбе своих героев. Но мы знаем, что мечты капитана шхуны, отважной девушки, носящей прекрасное имя Аустра (Аврора — утренняя заря), о «счастливых днях, когда латышская страна будет свободной», сбылись.

Великая Октябрьская революция принесла латышам, как и всем народам бывшей Российской империи, возможность свободно строить свою жизнь и национальную культуру в братской семье наций — Советском государстве.

М. ЯНЧЕВЕЦКИЙ

ЗДРАВСТВУЙ, ЛЕНЬКА!

«Дорогие друзья-следопыты!

Вы принадлежите к великолепному и благородному племени, ибо искать — это великолепное занятие: и увлекательное, и нужное, и полезное. Оно развивает волю, учит мыслить логически, строить гипотезы и догадки, искать доказательства, опровергать самих себя, находить новые, более убедительные доводы и достигать, наконец, намеченной цели.

Так воспитываются характеры, тренируется мозг, завязывается подлинный интерес к предмету, потому что предмет становится не вообще интересным, а интересным из интереснейших, главным, своим.

С симоновским героем это у вас получилось убедительно. И хорошо получилось. Вообще из вас выйдут отличные краеведы. Что может быть интереснее, чем знать собственный край, его прошлое, читать его в трех измерениях: в прошлом, в настоящем и понимать, куда он идет в будущем. Сколько можно найти замечательных документов, собрать неизвестных фактов. Такие места! Такие судьбы у людей! Такая история!

Желаю вам, дорогие друзья, успеха, успеха и еще раз успеха. Во всем. В поисках. В учебе. В осуществлении дальнейших планов. В нахождении верной дороги в жизни. И желаю не забывать вам друг друга и ту следопытскую ячейку, которую вы составили и представляете сегодня на суд людей.

Жму ваши руки.

Ваш Ираклий Андронников».

А ЛЕНЬКА ЖИВ?

Этот вопрос задали на уроке литературы пятиклассники села Подберезцы на Львовщине. С этого вопроса и начался поиск следопытов литературного клуба «Звезда Гайдара».

Первое письмо ушло к автору, писателю Константину Симонову.

Он ответил: «...что касается судьбы того человека, которого я вывел под фамилией лейтенанта Петрова, то я о нем ничего не могу сказать. После 1942 года я не был на Северном фронте... Но Константин Михайлович сообщил, что прототип у Леньки Петрова действительно был. И тогда мы снова вернулись к стихам.

Вот такая история

Про славные эти дела
На полуострове Среднем
Рассказана мне была.

Полуостров Средний... Далеко на Севере в Баренцево море вдается полуостров Рыбачий, к нему и примыкает полуостров Средний. Здесь начинался огромный фронт Великой Отечественной войны. Здесь-то К. Симонов услышал историю о Леньке.

Мы стали искать в военных очерках и рассказах писателя упоминание о Северном фронте. И нашли. Очерк назывался «На Ры-

Ленька — Иван Алексеевич Лоскутов у следопытов в селе Подберезцы Львовской области.

бачьем и Среднем». В нем К. Симонов описал героические действия артиллеристов. И вот:

«Провода идут вперед, на второй наблюдательный пункт — он всего в пятистах метрах от немцев. Впрочем, однажды, когда это было нужно, он был не в пятистах метрах от немцев, а в пятистах метрах за немцами. Артиллерист лейтенант Лоскутов с радиопередатчиком прополз в тыл к немцам и трое суток корректировал огонь оттуда».

Ленька Петров в поэме «Сын артиллериста» и лейтенант Лоскутов в очерке «На Рыбачьем и Среднем» совершили в 1941 году на полуострове Среднем один и тот же подвиг. Не был ли лейтенант Лоскутов прототипом героя? И тогда следопыты отправили в «Пионерскую зорьку» письмо-обращение, в котором просили всех, кто знал бывшего артиллериста Лоскутова, воевавшего в 1941 году на Северном фронте, откликнуться и сообщить все, что о нем известно.

Через несколько дней после передачи в школу стали приходиться письма от родственников лейтенантов Лоскутовых, не вернувшихся с фронта. Комсомолка из Дружковки Донецкой области писала о своем дяде, артиллеристе Алексее Матвеевиче, а Коля Лоскутов из Великого Устюга Вологодской области — о дяде Евангеле Александровиче. Они просили помочь узнать о судьбе этих людей. Но оказалось, что ни один из них не воевал на Севере.

Между тем адрес Лоскутова, который искали сотни ребят, и взрослых, лежал в Москве в письменном столе поэта Николая Ивановича Букина, автора популярной лирической песни

«Прощайте, скалистые горы». Помните эти слова?

А волны и стонут, и плачут,
И плещут на борт корабля,
Растаял в далеком тумане Рыбачий —
Родимая наша земля.

В 1941 году Н. И. Букин служил на Рыбачьем и Среднем во взводе, которым командовал лейтенант Лоскутов.

Шли военные годы. Боевые друзья расстались. Н. И. Букин стал редактором фронтовой газеты «Североморец», затем в звании полковника ушел в запас. Не раз он пытался разыскать своего бывшего командира. В ноябре 1963 года Николай Иванович опубликовал в «Красной звезде» фронтовые записки «Далеко на Рыбачьем». Тогда-то и откликнулся Лоскутов.

Стал искать своего героя и Константин Симонов. И когда он встретился с Н. И. Букиным, то сразу же написал следопытам в Подберезцы: «...Лоскутов, как я недавно узнал, жив, но я его еще не видел. Думаю, что о нем вам может рассказать поэт Николай Иванович Букин, который во время войны служил на Рыбачьем и Среднем полуостровах...»

Скоро на Дальний Восток, где служил подполковник Иван Алексеевич Лоскутов, полетело письмо со Львовщины. Ответ от «сына артиллериста» пришел накануне летних каникул. «Здравствуйте, дорогие друзья! — писал Иван Алексеевич. — С большим волнением прочитал ваше письмо и до глубины души тронут вашими поздравлениями с праздником Победы, а также вашими усилиями, которые вы приложили к поискам!»

Однополчанин И. А. Лоскутова, бывший комиссар 104-го полка Д. И. Еремин.

Артиллерист, сын артиллериста

Письма И. А. Лоскутова, его фотографии, старые газеты, сборники стихов Н. И. Букина и его книга «Они с Рыбачьего» — об артиллеристах Севера — складывались в папку «Здравствуй, Ленька!»

Откликнулись на наши письма комиссар пушечно-артиллерийского полка, стоявшего на Рыбачьем, Дмитрий Иванович Еремин и бывший командир сводной батареи Яков Дмитриевич Скробов, ныне генерал-лейтенант артиллерии. Это он стрелял по врагу, пользуясь координатами «Леньки».

Интересна история портрета Ефима Самсоновича Рыклиса — «майора Деева», второго отца Леньки. Его прислали нам следопыты из поселка Красногорский Марийской АССР. Это они разыскали «майора Деева» — полковника в отставке Е. С. Рыклиса, кавалера многих боевых орденов.

А весной этого года в Подберезцах побывал и сам Иван Алексеевич Лоскутов, артиллерист, сын артиллериста.

Теперь вернемся к поэме и попробуем восстановить события далекого 1941 года.

Был у майора Деева
Товарищ — майор Петров,
Дружили еще с гражданской,
Еще с двадцатых годов.

А у майора Петрова
Был Ленька, любимый сын...

Да, служили два друга в одном полку — Ефим Самсонович Рыклис и Алексей Лоскутов, сначала в Перми, потом в Забайкалье. Хорошо знал Ефим Самсонович сына Лоскутова, мальчишку Ивана. Незадолго до Великой Отечественной войны друзья расстались, их «унесло в разные стороны военное ремесло».

Кстати, Ваня Лоскутов — уралец. Родился он в 1918 году в деревне Мироновка Оханского района Пермской области. Отца его, как командира запаса, часто призывали на переподготовку. А потом он совсем остался в армии. Ваня с детства мечтал о военной службе, и когда подрос, окончил артиллерийское училище.

А вскоре в один из пасмурных
Северных вечеров
К Дееву в полк назначен
Был лейтенант Петров.

За несколько месяцев до начала Великой Отечественной войны лейтенант Лоскутов стал командиром взвода в полку, которым командовал друг его отца Е. С. Рыклис на полуострове Среднем.

Н. И. Букин описал этот суровый край в книге «Они с Рыбачьего».

«Именно здесь, у шестьдесят девятой параллели, на черном и обрывистом хребте Муста-Тунтуры отборные горнострелковые полки гитлеровцев так и не смогли перешагнуть нашу государственную границу. Пограничный знак, сложенный из булыжника, всю войну оставался на ничейной полосе. Он был для фашистов как бельмо в глазу. Они в упор расстреливали этот

Ефим Самсонович Рыклис — прототип майора Деева.

непобежденный знак — символ доблести и стойкости советских воинов».

Фашисты рвались к Мурманску — единственному порту, не замерзающему зимой. Но на пути их были полуострова Рыбачий и Средний, которые стали неприступной крепостью. Гитлеровцы отрезали гарнизоны полуостровов от материка. С трех сторон — море, с четвертой — враги. Началась героическая оборона, сломить которую врагу так и не удалось.

Наступил сентябрь 1941 года. Положение на переднем крае тяжелое. Усилились атаки фашистских егерей, посланных для подавления гарнизонов Рыбачьего и Среднего, не хватало боеприпасов и продуктов. И тогда решили отправить в тыл врага корректировщика. Он должен занять там хороший наблюдательный пункт, засечь немецкие огневые точки и корректировать огонь своих батарей.

Это была сложная и опасная задача. Бывший комиссар 104-го полка Д. И. Еремин вспоминает.

«Мне, как комиссару, нужно было подобрать человека на это рискованное дело. И он нашелся. лейтенант Лоскутов, молодой человек, недавно окончивший артичилище. Мы его только что приняли в члены партии... Ваня Лоскутов не задумываясь дал свое согласие и заверил, что честь коммуниста он оправдает».

«Я взял радиостанцию, двух разведчиков, проводника из пехоты, — рассказывает сам Иван Алексеевич — «Ленька», — и под покровом тумана отправился на указанную высоту. Пройти нужно было около трех километров. Не прошли и половины, как туман рассеялся, и немцы немедленно открыли по нашей группе пулеметный и минометный огонь. Проводник из пехоты был ранен, мы его перевязали, отправили обратно с одним из разведчиков. Оставшееся расстояние ползли под огнем. У меня пробило пулей полевую сумку, изорвало карту, спас меня хордогломер.

Добрались до места. С высоты прекрасно просматривались все далекие тылы немцев, мы хорошо видели минометную батарею, пулеметные точки и даже кухню. В этот день мы составили схему целей, определили их координаты и передали в полк».

Орудия зарядили,
Майор рассчитал все сам,
И с ревом первые залпы
Ударили по горам.
И снова сигнал по радио:
— Немцы правой меня.
Координаты пять, десять,
Скорее еще огня!

Огонь батарей, которыми командовал Яков Дмитриевич Скробов, уничтожил многие огневые точки врага. Но фашисты поняли, что так точно попадать можно только с помощью корректировщика, и бросили в атаку около роты горных егерей. Гитлеровцы окружили высоту. И тогда смельчаки решили вызвать огонь на себя.

И. А. Лоскутов вспоминает: «Нам ничего не оставалось делать. Я передал координаты, но командир полка удивился и переспросил, нет ли ошибки. И только после вторичной моей команды на высоту обрушился шквал нашего артиллерийского огня. Частично немцы были уничтожены, а остальные откатились назад. Нашу радиостанцию разбили, мы потеряли связь с полком, и поэтому наше дальнейшее пребывание на высоте было бессмысленным».

Генерал Яков Дмитриевич Скробов.

В полку его, естественно, уже не ждали. Какова же была радость артиллеристов, когда Иван Лоскутов через двое суток явился и доложил о выполнении боевой задачи.

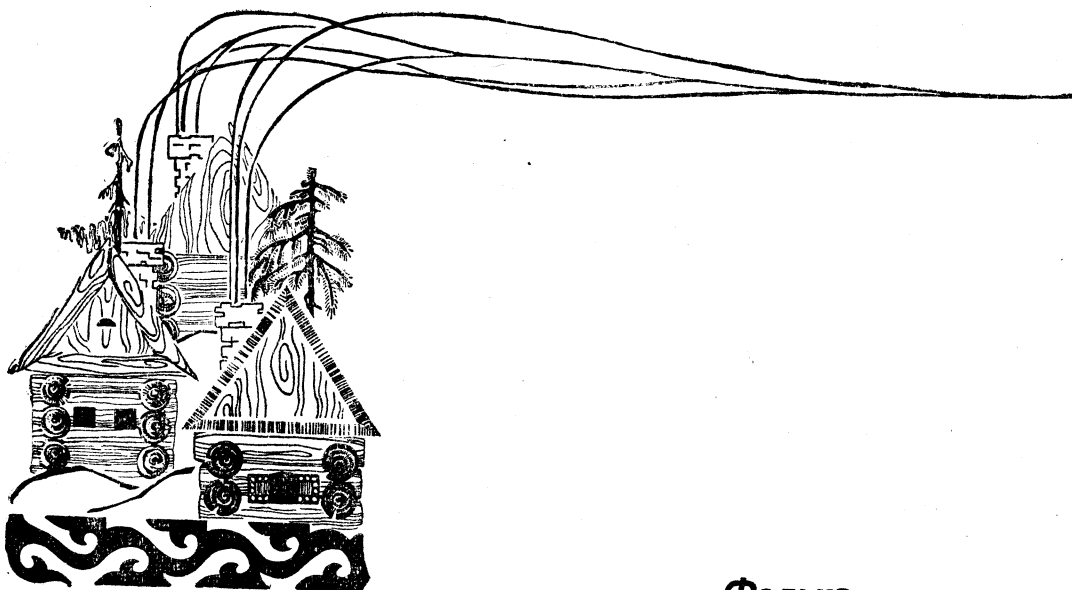
«Судьба Леньки, говорит генерал-лейтенант Я. Д. Скробов, это судьба многих и многих советских людей. Он, как и большинство из нас, проявил старание в учебе, был честным, правдивым, смелым. Он всегда старался точно выполнить приказ командира. И когда ему надо было пойти в тыл врага, чтобы разведать его артиллерийские батареи и уничтожить их, он без колебания пошел и выполнил поставленную перед ним задачу, как подобает советскому воину».

Очевидно, так считали в полку все. Поэтому и Константин Симонов, прибыв на Рыбачий и Средний, не сразу узнал о подвиге Ивана Лоскутова.

Д. И. Еремин вспоминает: «Как-то в беседе за ужином в землянке я рассказал Константину Михайловичу о Лоскутове. Костя уставился на меня и очень внимательно слушал, а когда я закончил, он с упреком сказал: «Да что же ты, комиссар, до сих пор молчал об этом!» Симонов в ту ночь спать не ложился. Писал что-то на клочках бумаги. А к утру будит меня и говорит: «Еремин, слушай, что я написал о твоём лейтенанте Лоскутове».

Так родилась поэма «Сын артиллериста».

И. ВУЛ, преподаватель

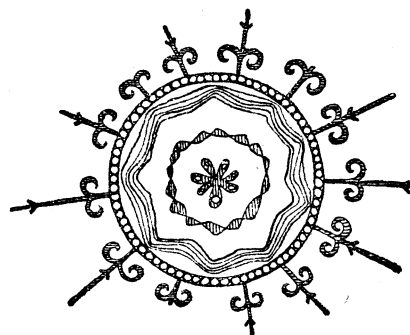
Федька

Был мастером он —
печником, пимокатом,
осанистым, кряжистым,
бородатым.
И так же осанисты,
широкоплечи,
стояли его
знаменитые печи.
И дым расстился
над маленьким городом
для полного сходства,
как темные бороды.
Был мастером —
строил надежно и крепко,
а звали —
не Федор,
не Федя, а Федька.
Быть может, за то,
что, мужик бестолковый,
он брал четвертак
там, где надо целковый.
А где четвертак,
там — только пятак,
а там, где пятак —
он делал и так.
Быть может, за байки!
— Ах, Федькины байки!
Крестились да ахали
древние бабки.
И жены мужьям
повторяли с опаской:
— Ну, что ты затеял!
Все Федькины сказки...

Марк
ЮДАЛЕВИЧ

А в Федькиных сказках —
 весь мир
 на ладони:
 в степи табунятся
 крылатые кони.
 Над облаком мчатся
 они невидимкой,
 и путь до Луны —
 как до ближней заимки...
 Но детство умчало
 далеко-далече
 и Федькины сказки,
 и Федькины печи.
 Ах, Федька! О нем ли
 пространный рассказ мой!
 Быть может, о мире
 большом и цветастом.
 О мире большом
 и цветастом, в котором
 есть полный резон
 доверять фантазерам.

Сартакпай

Высоко в горах на Алтае,
 в Кош-Агаче и Онгудае,
 сказка есть
 старины глубокой.
 Эта сказка о Сартакпае,
 о любви его черноокой.
 Там, где бьется о камень дикий
 речка Чуя, в горах кочуя,
 Сартакпай — богатырь великий
 повстречал пастушку простую.
 Сколько подвигов для любимой
 совершил Сартакпай могучий!
 Для нее разгонял он тучи,
 появляясь в горах незримо.
 А когда она кочевала
 по заснеженным перевалам,
 раздвигал он седые кручи,
 чтоб до самых дальних урочищ
 путь-дорога была короче.
 Усмирял он крутые волны,
 Коль река бунтовала злая,
 и ловил он зигзаги молний,
 тропы горные освещая.
 Годы шли, и века проплыли,
 перепутали сказки с былью:
 мы умеем раздвинуть кручи,
 если надо — прогоним тучи.
 Покорили зигзаги молний,
 усмирили плотиной волны.
 Мы работать Чуе прикажем,
 нас послушает речка злая...
 А любить научились так же!
 Это, правду сказать, не знаю.

Мастер и Наполеон

Тайга да горы —
 чернь да камень...
 Россия, где ты! Далека.
 Но рыба ловится руками,
 и кедры тут под облака.
 И, осенив себя двуперстем,
 забил здесь первый кол Иван.
 Кержацкий край,
 глухое место
 с тех пор прозвали — Кольвань.
 Всему начало на рассветах.
 И увидали мужики,
 что горы, горы многоцветны,
 плавучи горы и легки.
 И камень стал
 не просто камень —
 порфир и яшма, и гранит.
 И слава горной Кольвани
 гремит.
 И не в сибирских залах даже,
 подальше глянь,
 пошире глянь.
 И в петербургском Эрмитаже
 твои изделия, Кольвань.
 И самому Наполеону, —
 мол, вы — для нас,
 а мы — для вас, —

за тыщи верст везут с поклоном
царицу ваз.

Полста коней чубарой масти
везут царицу ваз в Париж.
В карете едет старый мастер.
Дорога, степь,
ночная тишь...

И золоченые палаты,
повсюду бархат да парча,
и вот выходит император —
форсист, а ростом до плеча.
Он мельком поглядел на вазу
и повернулся к толмачу:
спроси его, ну, что там, в Азии,
спроси — про все, я знать хочу!
Как рассказать Наполеону,
что где-то есть
Сибирь-земля,
и темен бор стоит зеленый,
и все плывут, плывут поля!..
И горные крутые кряжи,
Белуха, бела голова!..
Как рассказать!
Ну как расскажешь —
нейдут толковые слова!
Переведи-ка вот что, милый.
У нас и камни, мол, поют.
И враг у нас найдет могилу,
и друг всегда найдет приют.
...Домой вернулся старый мастер,
и камень пел, и шли года,
и хлынула лихой напастью
наполеонова орда.

И мастер думал сокрушенно:
— Толмач, толмач,
твоя вина,
не перевел Наполеону
мои слова —
и вот война...

Маска

Порталы соборов старинных.
Химеры летят косяком,
и древняя маска аршинным,
отвратным дивит языком.

Был старый
Французский обычай,
по мне так — отнюдь не плохой,—
ловили людей злосычных
и в маске водили такой.

И чтобы охватистой было
позорище за клевету,
возили на старой кобыле,
лицом, не спиною, к хаосту.

Будь воля моя —
для острастки,
чтоб ложь замерла на устах,
я сам бы подобные маски
развесил на видных местах.

И в годы технической бури,
в наш век электронных удач
держал бы от старости бурых,
понурых от старости кляч.

1941 год.

*Гравюры
Владимира Старова*

ЭТОГО ЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ.

ОТ ВОЛГИ ДО ШПРЕЕ.

ЖИЗНЬ НАЧИНАЕТСЯ С НОВА.

СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

Те, кто смотрел кинофильм «Жажда», поставленный по сценарию Григория Поженяна, участника защиты города-героя Одессы, запомнили, ценой каких невероятных усилий удалось морякам отбить у немцев захваченную ими водокачку. Считалось, что уцелел только один из добровольцев-моряков, участвовавших в операции. Но школьники Ясиноватской средней школы № 3 (Украина) разыскали еще четырех воинов: командира отряда А. Ножева, старшего лейтенанта К. Петровицкого, бойцов А. Станжула и Д. Рябова.

ЦК ВЛКСМ наградил следопытов за этот поиск почетным выпелом.

* * *

Шесть молодых горняков Узбекистана вместе с секретарем комитета комсомола Ангренской ГЭС Николаем Плахутой установили бюст Владимира Ильича Ленина на самой высокой вершине Кураминского хребта (около четырех тысяч метров над уровнем моря). Они посвятили свое восхождение 100-летию со дня рождения великого вождя.

* * *

Материалы о жизни и деятельности Надежды Константиновны Крупской собирает отряд следопытов 613-й школы Бауманского района Москвы. В созданном ребятами музее немало уникальных экспонатов.

Недавно школьники передали в дар Центральному партийному архиву Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС найденные ими четыре документа, написанные рукой Крупской: два ее письма, одну записку и рекомендацию в партию.

* * *

В школьный музей села Подгайчики Самборского района Львовской области рабочие Рудковского кирпичного завода передали бюст Владимира Ильича. Он находился перед войной в красном уголке завода, а когда немцы захватили Львовщину, группа рабочих вместе с комсомольцем Степаном Решетило спрятала скульптуру. Фашисты схватили Степана, долго пытали и отправили в концлагерь, где он погиб. В боях с захватчиками погибли и его друзья, знавшие о местонахождении бюста.

И вот совсем недавно он был обнаружен при капитальном ремонте одной из обжиговых печей.

ЦАРЕВА

ЛЮСТРА

С. РУЖЕНЦЕВ

Р

анней весной 1944 года, когда на западе еще гремели бои, а растерзанный оккупантами Новгород являл собою печальные, заросшие бурьяном развалины, на тропках среди них появились первые восстановители города и его уникальных архитектурных сокровищ, дорогих сердцу каждого русского человека. Их, восстановителей, было пока еще немного — девять солдат, выделенных одной из воинских частей, да руководитель — тоже солдат, до войны работавший реставратором.

Реставрационные работы приходилось вести в труднейших условиях, подручными средствами. Начали с обследования руин, чтобы найти хоть какие-то материалы и инструменты.

В эти-то дни слесарь Алексей Вольхин, рослый уралец, заглянул в безглазую коробку Софийского собора, разбитого снарядами и разграбленного немецкими мародерами. В гряде мусора и битого кирпича он нашел бронзовую голову какого-то коня, врезанную в металлическую спираль удивительно тонкой чеканки. На всякий случай отнес «чуждого коника» руководителю работ Н. А. Чернышеву.

Реставратор очень обрадовался находке. Наутро пошли в собор вместе. Рылись с рассвета до захода солнца, но, увы, больше ничего не нашли.

Вечером при свете коптилки из снарядной гильзы Николай Александрович долго рассматри-

вал «коника», напряженно роаясь в памяти: было такое чувство, будто встретил давнего знакомого, только не мог вспомнить, где раньше видел его.

И — вот оно... Учебный музей бывшего Пет-роградского училища технического рисования барона Штиглица (ныне училище им. Мухоминой). В витрине — несколько бронзовых деталей, чем-то схожих с найденной здесь. Это были частицы Большого Софийского паникадила, оставшиеся после реставрации его в мастерских училища в 1899 году.

Собор сокровищ

Ежегодно десятки тысяч современных мотозированных пилигримов со всех концов света совершают паломничество в Новгород, этот, по словам историка Д. С. Лихачева, некогда «блистательный центр мировой культуры, не менее важный, чем многие города Италии... один из центров Предвозрождения, центр прославленной во всем мире живописи и архитектуры».

И когда туристы въезжают в Новгород — со стороны ли Москвы, со стороны ли Ленинграда, — их взоры обращены к золотым куполам Софийского собора.

Новгородская София — во всех отношениях собор особый, драгоценная реликвия России. Этот величавый исполин — самая первая, самая древняя каменная постройка на территории собственно России: его тезка — собор Софии в Киеве — лишь на несколько лет постарше. Выстроенный за пятилетие в 1045—1050 годах князем Владимиром Ярославичем, сыном Ярослава Мудрого, он позже, с XII века, во времена новгородской вечевой республики, был символом Господина Великого Новгорода, слава и сила которого неотделимы от России и культура которого — живопись, архитектура, книги — создала ему мировую известность.

В 1215 году князь Мстислав Удалой на новгородском вече произнес крылатые слова: «Где святая София, ту Новгород».

В Софийском соборе еще в XI веке создавалась одна из первых русских библиотек, здесь

писались первые летописи. Это было крупнейшее в те годы книгохранилище. Аналогичное богатство — библиотека Киевской Софии — погубло бесследно во время нашествия батыевой конной саранчи. А редчайшее книжное собрание Новгородской Софии цело до сих пор и хранится в фондах Ленинградской публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина.

Любопытно, что сами стены собора являются своеобразной летописью: на штукатурке выцарапаны интереснейшие надписи, многие из которых сделаны еще в XI—XIII веках. Среди этих автографов наших предков особенно любопытны вольнодумные записи и «критические замечания».

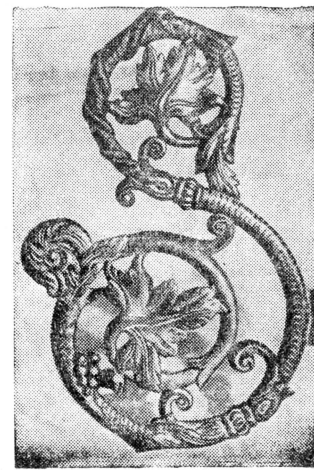
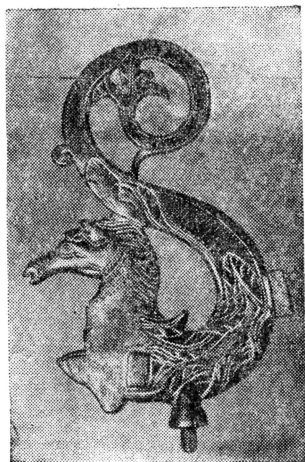
«Якиме стоя усне, а лба о камень не ростепе», — фиксирует один наблюдательный или скачущий «богомалец».

А отчаянный новгородский гончар XI века на пристенном голоснике, глиняном сосуде, служившем резонатором, видимо, в сердцах на заказчика, написал столь сочную фразу, что даже в научных изданиях исследователи и сейчас печатно ее воспроизвести не решаются.

Подойдя к собору поближе, можно заметить на кресте главного купола сидящего голубя, сделанного из свинца в незапамятные времена. Обычно экскурсоводы приводят легенду: новгородцы считали: как упадет, слетит голубь — Новгороду придет конец.

Когда заходишь под своды древнейшего храма, в немой полумрак, наполовину смягченный электричеством, чтобы — в который раз! — полюбоваться мозаикой алтаря или портретами Олены и Константина, самым древним образцом живописи на Руси, открытым реставраторами под шелухой позднейших штукатурок, — невольно задаешься вопросом: а как же освещалась такая махина в древности, в средние века, до прожекторов и ртутных ламп, которыми освещаются современные здания подобного объема?

Для освещения церквей и светских помещений в те далекие времена употреблялись паникадила — подвесные свечные люстры, «свещники о многих свечах», сделанные из железа, меди, серебра или бронзы. В Новгороде они употреблялись еще в XI веке. Но в Софийском соборе висело особое паникадио, которое и до сих пор в народе зовут царским кадиллом, или царевой люстрой.

Его подарил Новгороду царь Борис Годунов. Годуновское паникадило — исполинских размеров люстра — было выдающимся произведением прикладного искусства позднего средневековья.

Увы, этот уникал исчез. А сам собор — в полном смысле собор, собрание русских национальных сокровищ — был сожжен оккупантами и сильно разрушен.

Но живет в Новгороде большой знаток и любитель древностей, опытный реставратор, трудами которого — пока что на бумаге — царева люстра возродилась.

О нем, Николае Александровиче Чернышеве, и его работе и будет идти речь.

С чего начать?

Неожиданная находка долго хранилась у Чернышева, вызывая печальные воспоминания об утраченном шедевре средневековых мастеров. Было тогда не до паникадила: предстояло закончить восстановление памятника «Тысячелетия России». Работы было невпроворот... Люди в солдатских гимнастерках блестяще справились с этой задачей¹.

Весной следующего, 1945 года по особому решению Советского правительства началось восстановление здания Софийского собора.

Н. А. Чернышев, к тому времени начальник инспекции по охране памятников истории и культуры, отдал много знаний и труда, чтобы разграбленный и полуразрушенный собор предстал — четыре года спустя — перед нами таким, каким мы его сейчас видим.

Но Чернышев знал, что рано или поздно дойдет очередь и до восстановления внутреннего убранства собора, и решил исподволь собирать материалы о годуновской люстре. И хотя затем он почти два десятилетия посвятил другой

работе — промышленному строительству возрождаемого Новгорода, но сбор материалов продолжал.

— С чего начал? — переспрашивает меня Николай Александрович. — Начал с литературы.

Увлечшись историей и печальной судьбой этого «знака царской милости», он «преизлиха насыщился сладости книжных»: пришлось перечитать десятки книг — от «Московской хроники» Буссова, панегириков годуновского клеветы — первого патриарха московского Иова, до таможенных книг XVII века.

Рылся в библиотеках и в книжных развалах Ленинграда и Москвы. Сидел в отпускные дни в архивах. И удивлялся, как этому памятнику не повезло: отсутствуют не только летописные и архивные данные, но нет и искусствоведческой литературы о нем.

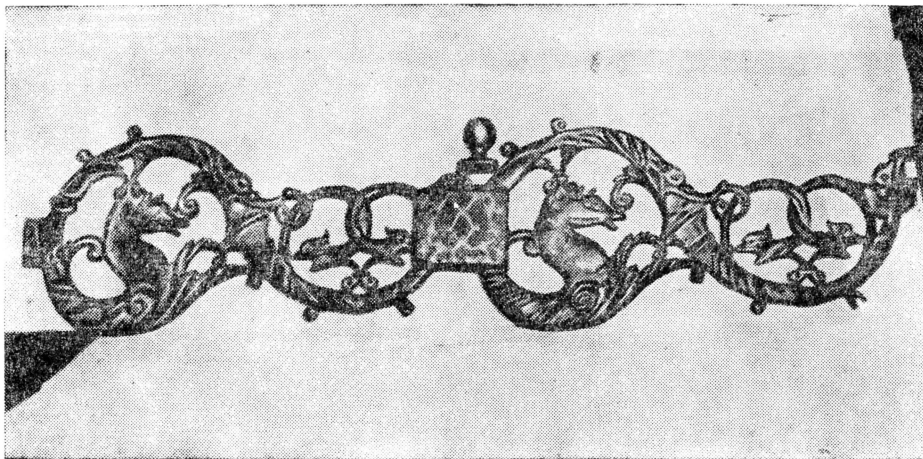
Только два раза упоминается в книгах о вкладе царя Годунова в Новгородскую Софию...

Сто лет тому назад жил в Новгороде интереснейший человек — архимандрит Макарий, в миру — Николай Александрович Мироллюбов, автор многих книг, в том числе первого «Путеводителя по Новгороду».

Чернышев берет со стола его «Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях», изданное в Москве в 1860 году, и дает мне читать 229 страницу:

«...Паникадило, или хорос в Софийском соборе, большое медное, утвержденное над амвоном на пяти железных цепях, с четырьмя ярусами свещников и с литыми херувимами, апостолами и пророками. Наверху одного двуглавый орел, а внизу серебряный шар с надписью вокруг него: «поставлено бысть сие паникадило во Святей, велицей, соборней и апостольстей церкви, в Софiei неизречения премудрости Божия, на украшение церке божии, при державе государя царя и в князя Бориса Феодоровича всея Руси самодержца, во второе лето царство его, и при его государыне благоверной царицы и в княгине Марии, при царевиче князе Феодоре Борисовиче всея России и при царевне Ксении Борисовне, и при Иове патриархе Московском и всея Руси боголюбивым Варлаамом митрополитом Новгорода и в Лук, в 8-е лето святительства его, лета 7108 (1600) месяца февраля в 24 день».

¹ См. очерк «Русский уникал» в № 1 «Уральского следопыта» за 1968 год.

Царева люстра состояла из пяти основных частей — вертикального веретена, высотой около четырех метров и весом около семисот килограммов (45 пудов — по-старому), и четырех ярусов свещников, диаметр нижнего из них — около трех метров. А все паникадило весило девяносто пудов (полторы тонны).

Но самое подробное описание годуновского вклада в Новгородскую Софию Чернышев нашел у Н. Р. Ливенсона в его статье «Подвесные осветительные приборы XII—XVII веков».

Из этой работы он узнал интересную новость: Борис Годунов в то же время подарил еще два паникадила в Кирилло-Белозерский монастырь.

Это послужило Чернышеву основой для гипотезы о происхождении большого паникадила. Она-то и помогла ему составить проект реставрации.

Знак царской милости

Какова же все-таки история этого царского дара новгородцам?

Как известно, царствование Бориса Годунова и сам он, как личность, были очень сложными. Его благополучное вначале правление привело затем к польско-литовской интервенции — одному из самых критических моментов за все многовековое существование Руси. «Книгоочец и временных книг писец», дьяк Иван Тимофеевич писал про Бориса, что «даже враги не отрицали у него ума». Современники свидетельствовали, что он «светлодушен, нищелюбец и неоскудный подаватель», «неправде всякой изыматель нелестен», «ко всему способен, умен, лукав».

Годунов любил строить и украшать — «был строителен зело»: при нем выстроена колокольня Ивана Великого и Белый город в Москве, по его поручению Федор Савельев Конь за пять лет отстроил каменную крепостную стену в Смоленске, длиной в шесть верст; при нем отстраивались Воронеж, Курск, Кромы и Астрахань.

С другой стороны, этот «изворотливый красавец с черными кудрями» был «вчерашний раб, татарин, зять Малюты, зять палача и сам в душе

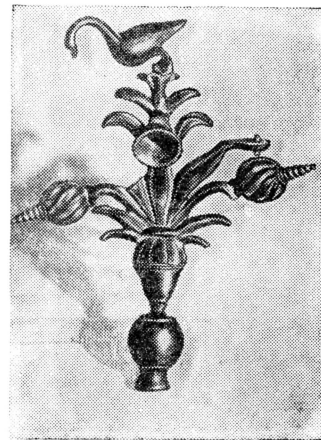
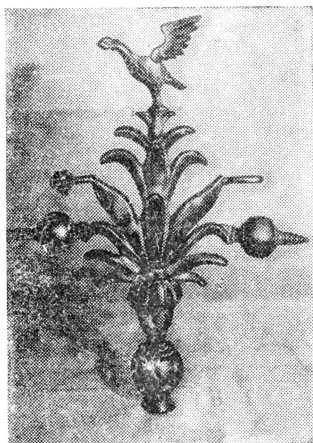
палач», как характеризовал его князь Шуйский в трагедии Пушкина. Правильно подметил позднейший историк «мелкодушие» Годунова. По восшествии на престол он «свою обчину, великое государство Великий Новгород, во всем отарханил» — новгородцы получили особые льготы: младшие посадские люди были освобождены от оброка, два новгородских кабака, от которых новгородцам «нужда, теснота, убытки и оскудение учинилось», закрыли.

Пожалование дорогого паникадила было не только — кажется нам — продолжением генеральной годуновской линии «задаривать, заискивать себе расположение народное расточением милостей, небывалых при прежних государях», как писал один его биограф. Если внимательно прочесть дарственную надпись и сопоставить даты, то можно предположить, что царский вклад был сделан в ознаменование двух событий: в 1599 году исполнилось десять лет, как в результате хитроумного дипломатического плана Бориса Годунова — фактического правителя при царе Федоре Иоанновиче — была вырвана у вселенского патриарха Московская патриархия и учреждена Новгородская митрополия. Более того: в феврале 1600 года исполнялось ровно два года со дня избрания Годунова на русский престол дворянским большинством земского собора. Эти юбилейные даты, очевидно, и были использованы царем для укрепления своей популярности среди жителей важнейшей и сильнейшей провинции государства.

Следует иметь в виду, что и после потери Новгородом своей независимости он был очень большим культурным центром Руси, поставщиком икон для Московского Кремля, а главное — вплоть до XVII века включительно — Новгород и Псков были основными поставщиками книг для Москвы.

Может быть, это был ответный благодарственный дар царя, видевшего в книгах, в науке помощника, который «сокращает нам опыты быстротекущей жизни».

Во всяком случае, еще в начале своей дворцовой карьеры Борис Годунов — конюший боярин Федора Иоанновича — подарил для Софийской звонницы тонкой работы колокол, которым и сейчас любуются туристы.

Страда на Владычном дворе

Зима последнего, замыкающего шестнадцатое столетие года выдалась на диво снежная и вьюжная. Злой ветер-шелонник озверело гнал на Новгород с устья Шелони, с поозерья валы взбаламученного снега. Даже в Детинце-кремле, на территории Владычного двора — резиденции новгородского духовенства владыки, защищенного высокими каменными стенами, не было спасения от пронизывающей снежной крутоверти.

Февральским днем 1600 года от Никитского корпуса, из палат Варлаама, первого новгородского митрополита, утопая в снегу, шел в боярской шубе дворецкий Гневаш Лутохин.

На рундуке дворцовой избы — своей канцелярии — Лутохин остановился отдышаться, вытирая рукой бороду, залепленную снегом. Несмотря на метельный, прошивающий насквозь ветер, дворецкому было жарко: только что в «келье» — своих палатах — владыка учинил очередную встряску своему приказному.

Десять лет прослужил боярский сын Гневаш Лутохин дьяком приказного двора в Софийском доме. И всего два года, как сел в дворецкие. И хоть дана ему власть огромная — заведовать всеми служилыми людьми Владычного двора, чинить над ними суд и расправу, — никак не мог Гневаш привыкнуть к интригам черныярских старцев, ябедничавших на него владыке, а от гневных наставлений митрополита его бросало и в жар и в холод.

Вот только что он получил нагоняй за недогляд — охромел лучший возник, упряжной конь Вихляй, ходивший в Москву в числе двенадцати подвод с обозом — доставить царский подарок Софийскому дому. А ковал лошадей «большими подковы все ноги» подключник Данило Семенов, и дано ему за это шестнадцать алтын. Дворецкий уже учил его собачьей цепью на конюшне, когда заметил охромевшего возника, но конюшennyй старец Гурий не стерпел-таки, снаушничал о недогляде владыке.

Вспоминая багровое от гнева, рыкающее

бородатое лицо митрополита, дворецкий перекрестился: «Аки зверь! Господи Иисусе праведный, за что наказуешь мя?»

Остывши и очнувшись от дум, порожденных заботами, Гневаш Лутохин спустился с дворцового крыльца и зашагал по снегу, чтобы проверить главное поручение — как идет подвеска и подготовка к освящению царевой люстры в Софии.

В соборе, скупо освещенном свечами, былолюдно: здесь орудовали сноровистые мужики со всего Плотницкого конца, во главе с Андреем Никитиным — плотником первой руки.

Подвеска царского дара, «весом 90 пуд», потребовала вделать четыре кованых крюка в главном куполе и на цепях подвесить сорокапятпудовое веретено — стержень, на который потом крепились перья со свещниками и украшениями.

Веретено втаскивали по слегам — наклонным лежням из бревен. На леса и подмости, выросшие до самого купола, срубили 120 мачтовых сосен в Перынском скиту.

Не обошлось без несчастий — все делалось в суматохе, за две недели — при подъеме веретена раздавили ногу молодому плотнику Ярофею.

На цареву люстру «о 48 свечах» пошло два пуда свеч — скал их Никита-звонец. Когда остались неразобранными только центральные подмости, произвели пробу свечей — в соборе стало светло и торжественно.

Наверху еще возились «владычныи серебряные мастера», Гриша Яковлев и Федор Быков, протирали и наводили блеск на бронзу. В углу красили специальную, на деревянных катках, стремянку для смены свечей и их зажигания.

В воскресенье, 24 февраля 1600 года установилась легкая оттепель, весна обещала быть ранней. Дворецкий Лутохин был на ногах со вторых петухов: еще затемно выставил дополнительных воротников-стражей на всех входах в Детинец и у Софийских ворот. И вовремя — народ уже валил со всех концов, в Софийском соборе пели молебен по случаю освящения царевой люстры.

Сам владыка, господин митрополит Варлаам, читал раскатыстым басом «царский столбец» — жалованную грамоту:

«Поставлено бысть сие паникадило во святой, велицей, соборней и апостольстей церкви... при державе государя царя и великого князя Бориса Феодоровича всея Руси самодержца...»

И все истово крестились на «божью мѹку» — распятие, непривычно ярко освещенное и поэтому казавшееся еще страшнее: на руках и ногах распятого кровь казалась животекущей, а не нарисованной...

Задача с 700 неизвестными

Во время немецко-фашистской оккупации Новгорода — а она длилась почти два с половиной года — годуновский дар Новгородской Софии погиб. Остались лишь отдельные фрагменты паникадила, некоторые детали с изображением сказочных животных и херувимов, хранящиеся в Русском музее в Ленинграде.

Эти детали остались от первой реставрации, произведенной, как уже говорилось, в центральных мастерских училища Штиглица в 1899 году. По этим крохам — учитывая даже симметричность люстры — удалось определить всего 74 детали из 790, из которых состояло паникадило. Предстояло решить задачу с 700 неизвестными!

— На мое счастье, — рассказывает реставратор, — мне удалось наткнуться в фотоархиве Института археологии Академии наук СССР на фотографию Большого софийского паникадила. Сделана она была в 80-х годах прошлого столетия членом-корреспондентом Академии художеств И. Ф. Барщевским.

С нее-то и началось проектирование годуновской люстры.

Оригинал фотографии укладывался изображением вниз на «световой стол» — стекло, ярко освещенное снизу. На обратной стороне фотографии проводилась ось симметрии по веретину-стержню, на котором была смонтирована и подвешена вся люстра. Затем каждая деталь обводилась карандашом на кальке — приходилось работать с сильной лупой. Если была видна только одна половина детали, то она зеркально, симметрично относительно оси веретена, дочерчивалась. После такой операции по сохранившимся деталям определялся масштаб фотоизображения, и деталь вычерчивалась на ватмане в натуральную величину.

Так постепенно в келье Чернышева, прекращавшего свою работу лишь для краткого сна и на время приступов стенокардии, на белом ватмане стали возникать из небытия отдельные детали этого редкостного творения обронных (чеканных) мастеров средневековья...

Но и фотография И. Ф. Барщевского помогла восстановить не все детали. Некоторые из них не просматривались или были очень неясно изображены. Оставались невоспроизведенными львиная голова, фигуры апостолов, венчающий паникадило двуглавый орел, дужки подсвечников и другие важные детали.

Тогда на помощь пришла эрудиция реставратора, его богатейший опыт работы. Чернышев сделал предположение, что уничтоженное паникадило — работа нюрнбергских мастеров XVI века. Но как это доказать? То, что в Кирилло-Бе-

лозерском монастыре подаренные Борисом Годуновым два паникадила бесспорно нюрнбергской работы — еще не доказательство в отношении новгородского.

Чернышев сфотографировал все уцелевшие детали паникадила. Снова на световом столе их изображения наносил на кальку и определял геометрические центры всевозможных завитков украшений. Таких графических анализов пришлось проделать более двухсот.

И тут он обнаружил разноразность, разностильность различных украшений люстры. В чем дело?

Реставратор вспомнил свою другую работу, проведенную им еще в 1935 году.

...Во время строительства первенца первой пятилетки — Днепрогэса, в 1928 году, при рытье котлована под плотину были найдены четыре древних меча и один клинок без рукоятки. Находка эта большая редкость — их всего в нашей стране не более 70 штук. Ученые предполагали, что это оружие иноземного князя или дружинника.

Однако Н. А. Чернышев, которому поручили реставрацию найденного оружия, доказал, что все пять клинков изготовлены в одной мастерской в Скандинавии, где шло, так сказать, товарное производство на экспорт. Так была разгадана тайна франкских мечей...

Вот и теперь, по аналогии, родилась мысль: какой-то прославленный нюрнбергский мастер, делавший до этого разные светильники и украшения, получив неожиданно срочный заказ из далекой России, скомпоновал паникадило из деталей разных моделей, имевшихся у него ранее, но приспособиваясь к вкусам русских церковных заказчиков.

Начались поиски подобных примеров в литературе. Вот тогда-то и пригодилась купленная по случаю многотомная «История промышленного искусства», изданная Бруно Бухером на немецком языке в Берлине в 1893 году.

Статья, рассказывающая об основоположнике целой династии знаменитых мастеров-литейщиков из Нюрнберга Петере Фишере, оказалась щедро иллюстрированной. Решетка могилы Фугеров около Нюрнбергской ратуши, погибшая в начале нашего века, содержала геометрические элементы, аналогичные по стилю и исполнению элементам, вычерченным реставратором по фотографиям, деталям паникадила!

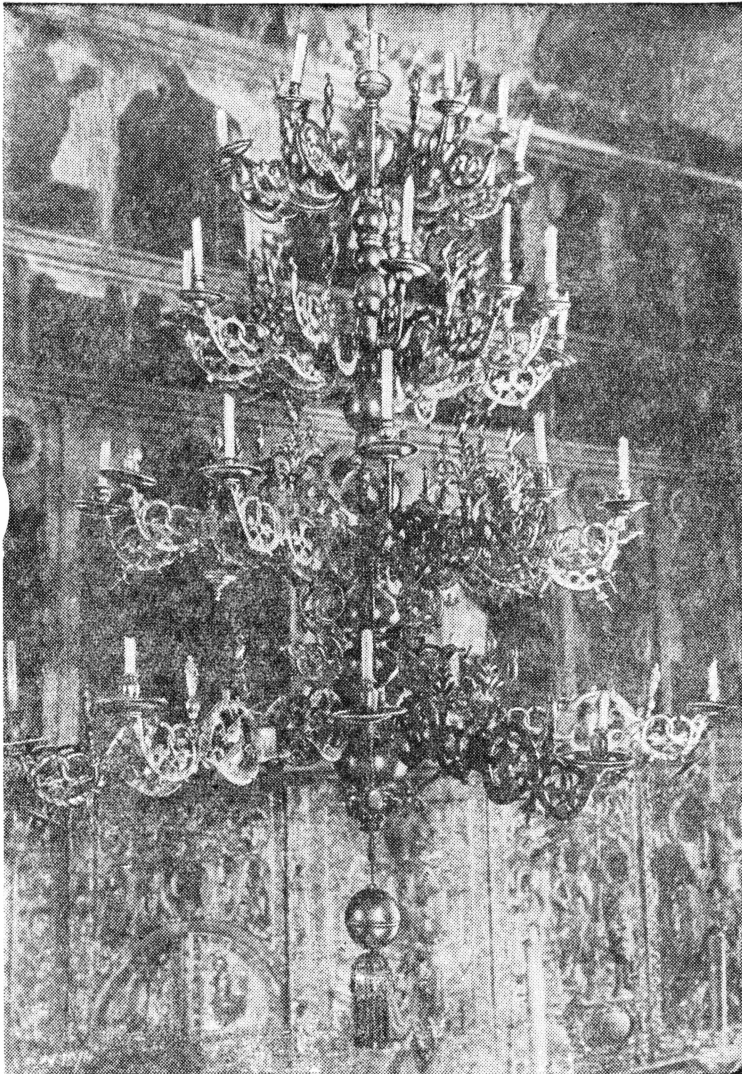
Доказательство найдено! Но этого мало.

Пригодилась и цветная литография картины Вермеера Дельфтского «В мастерской художника» (XVII век). На восьмисвечной люстре, изображенной на картине, оказался сходящий двуглавый орел — с крыльями веерообразной формы, загнутыми вверх, как у геральдических орлов запада.

Но самое интересное, что на картине Вермеера в верхнем ярусе люстры — непосредственно под фигурой орла — изображена точно такая же дужка из бронзы, как и дужки на паникадиле Софийского собора! Этого-то двуглавого орла и осталось лишь вычертить в масштабе реставрируемого памятника.

Львиную голову готической работы Чернышев нашел в церкви Дмитрия Солунского (XVI век) в самом Новгороде. Фигуры апостолов были взяты из работ Петера Фишера.

Помимо чертежей Н. А. Чернышев написал очень интересный стилистический анализ как ос-

Такой была и такой будет «Царева люстра».

новой композиционной схемы паникадила, так и отдельных деталей, чтобы определить время его изготовления.

Паникадила XVII века, в отличие от более ранних, имели точеное веретено, а не скульптурно-архитектурное из литья. Значит, дар Годунова изготовлен в XVII столетии? Но тогда...

— Нет, — говорит старый мастер реставрации, — хотя токарный станок широкое распро-

странение получил в XVII столетии, но появился он все же в XVI веке, при жизни Годунова.

Характерно для паникадил XVI века и другое — строго горизонтальное направление перьев со «свещниками», плоскими ажурными пластинами, заполненными спиральным рисунком.

А львиная голова — это же основной довод для датировки таких изделий XVI веком, в последующих веках такие головы не делали.

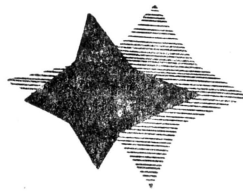
Наконец труд, который по объему исследований и просто чертежно-графической работы под силу лишь большому коллективу, выполнен. И выполнен одним человеком.

Шедевр обронной работы средневековья предстал во всем своем великолепии на белых листах ватмана.

Прочитываем один документ — протокол заседания реставрационного совета Ленинградских реставрационных мастерских: «...отметить высокий уровень проекта восстановления паникадила Новгородского Софийского собора (дар Бориса Годунова) и большую научно-исследовательскую работу, сделанную автором проекта по изучению объекта и исторических источников».

Сейчас в келье у реставратора уже не только ватман, но и глина и пластилин. Чернышев лепит модели деталей царевой люстры, часто бывает на новгородских и ленинградских заводах, где будут изготавливаться детали паникадила, экспериментирует, советуется.

Теперь уже скоро годуновская люстра во всем своем блеске и великолепии снова будет подвешена под куполом Новгородской Софии на место, где она провисела почти три с половиной столетия.

НЕ ВЕРЬ ТИШИНЕ

В. ТУРУНТАЕВ

Рисунки Н. Мооса

Марина сползла с обрыва к мосту и у самой воды наткнулась на них обоих — Катковича и лейтенанта, живых, лишь слегка оглушенных взрывом.

— Никого не задело? — спросил у нее лейтенант.

Получив успокоительный ответ, пополз к ожидавшим его разведчикам.

Каткович задержался.

— Ноги, черт ее дери, выкупал, — тоскливо выдохнул он. — Как из бочки окатило.

Зацепив сапог за сапог, Каткович подергал ногой, и стало слышно, как там, в сапоге, зачавало.

«Вот беда-то!» — подумала Марина.

— Выжми портянки, — сказала она.

— Когда теперь? — и Каткович пополз вверх.

«Вот беда-то!» С ледяной водой в сапогах ползти на задание... Мороз крепчает, через какой-нибудь час мокрые сапоги превратятся в мерзлые колодки. В ушах у нее все звучал тоскливый шепот Катковича.

Немцы продолжали время от времени навешивать ракеты и наугад выпускали по нашему берегу очередь за очередью.

При каждой вспышке разведчики вжимались в колючий снег. Четверо, что поздоровее и по-

опытней других, заняли место в середине цепи. Они должны первыми проникнуть во вражескую траншею, а остальные разведчики — справа и слева, когда потребуется, прикроют их огнем.

Каткович был в этой четверке. Марина передала лейтенанту, что у Катковича мокрые ноги. Но лейтенант находился в противоположном конце цепи, и Каткович, видимо, перехватил «радиограмму».

Медленно продвигались разведчики вверх по склону. Снизу был плохой обзор. Ползти почти вслепую. Стрелки на светящемся циферблате с часу ночи передвинулись на два, затем на три часа утра.

Но как ни медленно продвигались разведчики, расстояние между ними и вражеской траншеей понемногу сокращалось, и наконец наступил момент, когда они вдруг очутились перед невысоким, заснеженным бруствером. Последовала команда: «Всем приготовиться!»

Потянулись томительные — всегда самые трудные — минуты ожидания. Вот сейчас начнется... Сейчас...

Но ничего не начинается. Почему так тихо? Случилось что-то непредвиденное?

Разведчик, лежавший справа от Марины, вдруг приподнялся и, знаком показывая следовать за ним, неслышно перемахнул через бруствер немецкой траншеи.

Еще не вполне понимая, что происходит, Марина послушно подалась вперед и тоже нырнула в траншею.

Но — что такое? Где же немцы? Куда они подевались, на самом-то деле? Ведь днем наши наблюдатели видели их.

Тихо вокруг. По цепи передали, что слева обнаружен ход сообщения. Снова потянулись томительные минуты ожидания. Марина не выдержала и потихоньку стала переползать по траншее в середину цепочки.

Каткович, полулежа на дне траншеи, стягивал с ноги сапог. Сапоги у него трофейные, голенища раструбами, только воду в них и наливать. Ватные брюки, мокрые до колен, уже схватились коркой льда.

— Если что — напиши домой, — зашептал Каткович на ухо Марине. — Адрес вот... — и сунул ей в руки бумажку.

— Да ты что, Юрка!.. Брось... — она не находила слов. — Столько воевали — еще повоюем.

Тут вернулись разведчики, обследовавшие ход сообщения. Нигде немцев не было: ход обрывался метрах в сорока от траншеи.

Пятый час утра. Медленно, осторожно ползут разведчики вверх по склону. Все выше поднимаются они, выше. Где-то уже совсем близко вторая траншея. А вдруг и там нету немцев? Тогда придется ползти на самую вершину горы...

Резкий свет знакомо ударил в глаза, и тотчас из траншеи на разведчиков обрушился шквальный огонь. Марина вскинула автомат и, не дожидаясь команды, но зная, что никакой другой команды и быть сейчас не может, нажала на спусковой крючок. Одновременно открыли огонь и остальные разведчики. В траншею к немцам полетели гранаты. Взрывы. Крики. Справа, из-за моста, сильно и ровно ударил один пулемет, а с вершины горы, от трубы-обелиска, — другой.

— Левая — отход!

Марина вместе с разведчиками группы левого обеспечения отбегает вниз по склону, падает рядом с лежащим на снегу бойцом. У него легкое ранение в руку.

— Катковича не видел? — накладывая повязку, спрашивает у него Марина.

— Тут сейчас был.

— Правая — отход!

И почти тотчас же:

— Лейтенант ранен, Марина!

Кинулась на голос. Лейтенант сидел в неглубокой воронке, привалился плечом к ее краю и крепко зажав обеими руками — ладонь на ладонь — нижнюю часть лица. Между пальцами сочилась кровь. Капая на грудь, она растекалась по белому маскхалату широким черным пятном. Пуля попала в челюсть, и он не мог говорить, только глухо и жалобно стонал. Марина велела убрать руки и стала накладывать повязку. Лейтенант мычал и все старался ухватиться руками за лицо, и Марине то и дело приходилось отрывать его ладони от повязки и уговаривать его, как ребенка:

— Чуть-чуть потерпите, сейчас будет хорошо. Еще разик оберну... ну, еще... Теперь осторожно-осторожно завяжем... Можете сами ползти, товарищ лейтенант? Ползите, я вас прикрою!

Лейтенант стал отползать к реке, а Марина, все думая о Катковиче, медлила уходить. У нее было такое чувство, что Юрка где-то рядом. Кто-то отстреливался из соседней воронки. Не он ли?

Вспыхнула ракета, и Марина узнала Туманова. — Саша, там есть раненые? — крикнула она ему.

— Никого нет, — ответил Туманов. — Отходи!

Он дал очередь, и в это время Марина отбежала назад. Теперь надо было ждать следующей ракеты. Вот она взлетела, вспыхнула и стала медленно опускаться. Марина быстро осмотрелась. Мост был далеко, туда не добежать. Да и не пропустят немцы через мост. Они вон уже, рядом, немцы. Низко пригнувшись, бегут сюда.

— Саша, отходи!

Очередь. Туманов кубарем влетел в воронку, где сидела Марина.

— Где Каткович? — спросила она.

Но Туманов ее не слушал:

— Отходи, живо!

А немцы уже кричат «хальт», но не стреляют. Хотят, видно, взять разведчиков живыми.

Вдруг заговорила наша артиллерия. Снаряды стали ложиться по всему склону. Чем-то тяжелым ударило по руке. Рука сразу онемела и повисла. В это время Туманов командовал:

— Прыгай в воду!

Марина оглянулась и увидела, что лежит почти на самом краю обрыва. Раздумывать было некогда, и она прыгнула.

Вода в реке — ей так показалось в первый момент — была горячей-горячей. Сразу захватило дыхание. Чувствуя, что погружается с головой, она попыталась достать дно ногами. Но дна у реки не было. Ноги свободно болтались в воде, а мокшая одежда тянула вниз.

Потом ворот телогрейки как будто за что-то зацепился, и в следующий момент Марина почувствовала ногами дно, в легкие вошел воздух, и над самым ухом раздался сердитый голос Саши Туманова:

— Ну, очухалась? Давай быстрее.

Разведчики находились пока что в мертвой зоне. Немцы могли вести по ним огонь только с самого края обрыва, но наши пехотинцы все время били по обрыву из траншей, не давая немцам подползти.

Чем меньше оставалось до берега, тем тяжелее было идти. Мокрая одежда обвисала и сковывала движения. Когда, наконец, выбрались на берег, то едва хватило сил добежать до ближайшей воронки.

Туманов стянул с Марины валенки и выплеснул из них воду.

— Надевай! — и стал сам разуваться.

Марина одной рукой натянула валенки на мокрые, быстро заледеневшие носки. Другая рука не действовала.

— Что, ранило? — спросил Туманов.

— Да нет, так... ушибло.

Пока переобувались, маскхалаты обледели и примерзли к ватникам. При каждом движении одежда гремела, словно была сшита из фольги. — Ну что ж, давай выбираться к своим, — сказал Туманов.

Он спокойно оглядел свой автомат, прицелился и дал короткую очередь по противоположному берегу реки. Затем проверил автомат у Марины.

— Ты Катковича видел? — спросила она.

— Нет.

— Боюсь я за него.

Всходило солнце. Теперь хорошо просматривалась вся низина, за которой, на бугре, располагались наши траншеи.

Эту низину, метров четыреста ровного, сплошь

усеянного воронками пространства, им и предстояло преодолеть. От той воронки, где они сидели, шел ход сообщения. Он был засыпан снегом, и по снегу промята дорожка. Желобок такой. Видно, наши пехотинцы ползали здесь ночью за водой. Но сейчас, при свете дня, по этому желобку не поползешь — мелко.

Туманов прицелился в кромку обрыва и выпустил несколько коротких очередей, Марина за это время успела в своей негнушейся, гремящей одежде перескочить в другую воронку. Немцы открыли бешеный огонь, словно перед ними была целая рота. По краям воронки, на сером закопченном снегу, вскипали белые бурунчики. Это бил пулемет, Марина притаилась на дне воронки и как заворожженная смотрела на кипящий перед ее глазами снег.

Но вот пулемет умолк. Теперь можно выгладывать.

— Саша, ты жив?

— Жив! — отозвался Туманов словно из-под земли.

— Беги, Саша! — и выпустила длинную очередь.

Туманов проскочил. Стрелки часов показывали десять ноль-ноль.

— Сашка, а мы молодцы! Тот пулемет, за мостом, — о нем ведь никто даже не догадывался?

— Нет. Ты вот что: береги патроны. А то нам будет хана.

— У меня еще много.

— Порядок. Бей короткими.

Стрельба снова поухлила. На этот раз Туманов не стал ждать, а побежал сразу за Мариной, и они почти одновременно скатились в воронку. Немецкий пулеметчик и на этот раз опоздал.

Наши пехотинцы все время садили по обрыву из винтовок.

— Давай, Марина!

Но едва она пошевелилась, как над головой засвистели пули и перед ее глазами опять вскипели снежные бурунчики. Пришлось выжидать. Без четверти одиннадцать. Солнце уже высоко. Маскхалат начинает понемногу размягчаться и не так гремит. Все тело теперь словно в компрессе, тепло и влажно. Из рукавов идет пар.

Она проскочила, а Туманов не успел. Прошло еще четверть часа, пока он тоже решил перебежать. И на этот раз им повезло. Но ей вдруг пришло в голову, что в один прекрасный момент везение кончится — ведь не может же везти без конца — и кого-то из них убьет. И если первым погибнет Туманов... Нет, нет, только не это! Она на секунду представила, как останется одна, как немцы будут охотиться за нею до тех пор, пока, в конце концов, не подстрелят, как белку...

— Саша, Сашенька, осторожнее! Голубчик...

Сейчас он был ей роднее брата, и если только что-нибудь с ним случится... Нет, этого не может случиться. Потому что если его убьют, то погибнет и она. А она не может погибнуть: неужели, проведя на передовой два с лишним года, она не доживет до конца войны? Кто-то ведь доживет. Но если кто-то — почему не она? До сих пор ей везло. А может, всю жизнь ей будет везти? Может, ей не стоит даже и беречься? Просто встать во весь рост и пойти к своим траншеям. Прийти и сказать: «Здорово, ребята! Дайте чего-нибудь горячего — умираю от голода и холода»...

— Саша, тебя не ранило? Как ты долго...

— Ну, чего ты...

Пройдено было меньше половины пути. Но от следующей воронки начинался довольно глубокий ход сообщения, и они стали продвигаться по нему, разрывая руками снег, как кроты. Несколько раз они наткнулись на скорчившиеся, обледеневшие трупы. Трупы перегораживали ход сообщения, и через них приходилось перебираться под пулями.

Но самое страшное ожидало их впереди. Перед самой траншеей, в каких-нибудь двадцати метрах от нее, был открытый ровный взгорок, сплошь заваленный трупами наших солдат. Валялись пустые котелки. Видно, мало кому из тех, кто ходил к речке за водой, удалось проскочить здесь. Туманов долго немигающим взглядом смотрел на этот взгорок, что-то соображая. Наконец покачал головой.

— Будем ждать темноты.

Солдаты на взгорке застыли в самых причудливых позах: некоторые сидели, уронив головы, другие приготовились к прыжку, третьи ползли по мерзлой стылой земле, с которой ветром сдуло почти весь снег.

После полудня солнце спряталось за облака, и снова стало примораживать. Маскхалаты опять задубели, и холод пробирал до костей. Ушибленная рука распухла и сильно ныла.

— У тебя есть хлопец? — спросил Туманов.

Марина покачала головой.

— А моя девушка в Одессе осталась.

Туманов посмотрел на пригорок. Потом взглянул на часы.

— У меня больше нет патронов.

— Послушай, — сказала ему Марина. — Я больше не могу. Пока стемнеет — оба замерзнем. У нее зуб на зуб не попадал.

— Я побегу!

— Подожди... — остановил ее Туманов.

Он надел на ствол автомата шапку и поднял ее над краем воронки. И сейчас же вокруг засвистели пули и забрызгал, задымил над воронкой снег.

— Видишь, что делают, гады, — Туманов с сосредоточенным видом рассматривал свою продырявленную в нескольких местах шапку.

Из траншеи наши солдаты открыли ответный огонь. Они все время что-то кричали разведчикам, но их голоса из-за бруствера звучали невнятно и глухо.

— Будь что будет, — сказала Марина.

Она чувствовала, что вся смерзается без движения в стылой и мокрой одежде. И рука прямо разламывается. А до темноты еще часа три.

Обидно погибать в нескольких шагах от своей траншеи.

— Саша! — Марина дотронулась до его твердого, словно из железа, рукава. — А мне не страшно бежать. Не может быть, чтобы меня сегодня убили. Ведь сегодня мой праздник.

Туманов молча покачал головой:

— Отменяется праздник.

— Ты слушай, — Марине показалось, что стало как будто даже теплее. — Ты за меня не бойся, Саша. Это самое главное. Я никогда не боялась, что меня могут убить. Может, потому и не убили. Знаешь, сколько я уже на передовой? — Она задумалась. — Если не считать госпиталей, то года два чистых... Нет, правда, Саша: давай побегу! Не успеешь оглянуться, как буду там.

— Где?..

— В траншее, конечно! Нет, серьезно, Саша, я нисколько не боюсь. Знаешь, чего только я всегда боялась? Страшно, страшно боялась. Знаешь чего? В плен попасть. Мы ведь в сорок первом освобождали Верею. Это рядом с Петрищево, где немцы повесили Зою. Насмотрелась я там такого, что и во сне не приснится... С тех пор у меня всегда на поясе граната — на всякий случай... Больше всего на свете боюсь плена.

Туманов снова надел на ствол автомата свою продырявленную шапку, приподнял ее, и снова густо затенькали над воронкой пули.

Марина выскочила из воронки в тот момент, когда огонь с того берега достиг наивысшей силы. Как будто нарочно, в припадке отчаяния, бросилась под пули.

Но это было единственно правильное решение: ведь все внимание немецких стрелков сосредоточено на шапке, и не так-то легко сразу перенести прицельный огонь на новую, неожиданно возникшую перед ними бегущую цель.

Пули пощелкивали у нее под ногами о мерзлую землю, глухо стучали по закоченевшим трупам, и было такое впечатление, словно кто-то разбрасывает вокруг нее пригоршнями камешки.

— Давай, Маринка, давай!.. — кричали ей из траншеи наши солдаты.

Она ничего не видела впереди себя. Ничего не слышала, кроме сухих частых щелчков под ногами.

Так и свалилась на руки солдат. Тут же толкались и разведчики. Они ее обнимают, целуют, а она вырывается и кричит сведенным ртом: — Саша там! Туманов! Пустите же!..

Ей дали выглянуть из траншеи и посмотреть, где Туманов. Она сразу его увидела, сидящего в воронке, и махнула рукой:

— Саша-а!..

Тут ее оттащили от бруствера. Тенькнула одинокая пуля, и там, где стояла только что Марина, брызнула во все стороны с бруствера мерзлая земля.

Гоша Павлов налил ей из фляжки спирту:

— Погрейся, Маринка!

— Юрка вернулся? — быстро спросила она.

— Все вернулись.

И тогда она опять спохватилась: «Туманов же там!.. — и оттолкнула кружку, расплескав спирт.

— Гоша, надо Туманова спасать! Он же замрзнет! Ну, сделай что-нибудь!

Но тут солдаты закричали:

— Бежит, бежит!

И Марина бросилась к брустверу.

Туманов свалился в траншею. Он улыбался, тяжело дыша.

Им дали спирту, и они выпили его. Марине стало жарко, и она принялась развязывать застывшие тесемки маскхалата. Наконец развязала. Просунула здоровую руку под ватник, пощупала плечо. Мокро. Посмотрела на ладонь: кровь!

— Э, да ты ранена! — сказал Туманов.

Но это уже было не так важно. Главное, что они были опять среди своих, и теперь осталось только дойти до расположения разведроты.

— А Каткович... — словно в полудреме проговорила Марина. — Почему же он не пришел...

— Спит. Ноги промочил.

— Ну ладно, — сказала Марина, едва ворочая языком, чувствуя, как теплота от выпитого спирта разливается по всему телу. — Пускай... спит.

Так счастливо закончился для нее этот праздничный день 8 Марта 1944 года. А утром ее отравили в Смоленск, в госпиталь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«В смоленском госпитале я пробыла с месяц. Вернулась опять в свою 92-ю отдельную разведроту. На должность санинструктора уже была назначена моя лучшая подруга по медсанбату Оля Березовская. Тогда я попросила зачислить меня просто разведчицей. Изменилось наименование должности, я одновременно была и разведчицей, и санинструктором.

Потом меня назначили командиром отделения, затем — помощником командира взвода. А в августе 1944 года, когда дивизия вышла к государственной границе СССР, я исполняла обязанности командира взвода разведки».

I

Там, за рекой Шешупе, была уже Восточная Пруссия. Виднелись красные островерхие крыши города Ширвиндта. Тот берег реки был высок и обрывист. Сразу от обрыва начинались минные поля и проволочные заграждения. А дальше, несколькими поясами, располагались траншеи, блиндажи, доты и дзоты. Немцы еще до

войны построили здесь мощные укрепления и теперь крепко засели в них.

Хотя Марина — с тех пор, как ранили лейтенанта Егорова, — и состояла в должности командира взвода, старшим в готовящейся операции все же был назначен рядовой разведчик Туманов. А Марина, как обычно, возглавила группу правого обеспечения.

Между нашими позициями и берегом реки было метров четыреста. Но в одном месте нейтральная полоса сильно сужалась. Там, почти у самого берега, стоял маленький домик с обвалившейся стеной и наполовину снесенной крышей. Разведчики пробирались к этому домику по низине, заросшей высокой, по пояс, травой.

Возле домика стоял сарай, в котором по утрам кудахтали куры. В саду уцелело несколько яблонь, густо обсыпанных румяными яблоками. Разведчики, сидя на чердаке дома, с воодушевлением поглядывали на сарай и на яблоки. Нет-нет и кто-нибудь вздохнет. Как-то раз Юра Каткович вызвался слазить в сад, нарвать на всю братию яблок. Туманов, до этого словно бы не слышавший красноречивых вздохов разведчиков, не выдержал и резко оборвал Катковича:

— Вот что: яблоки — штука хорошая. Но если мы из-за них провалим дело, грош нам будет цена. Так что, Юра, сиди и поглядывай вон туда!..

В той стороне, куда показал Туманов, сплошным заревом горели ракеты. Тянулись во всех направлениях разноцветные пунктиры трассирующих пуль.

Под утро кто-нибудь один отправлялся с доставкой к командиру роты. Остальные продолжали наблюдать за противоположным берегом.

Вот по ходу сообщения, пригнувшись, прошли двое солдат с термосом. Разведчики записывают время. Еще немного, и перестрелка почти прекратилась — немцы приступили к завтраку. А вон немец с котелком осторожно спускается к реке — воды набрать. Руки у разведчиков так и чешутся — дать бы очередь-другую. Но — нельзя.

Иногда как бы сам собой возникал негромкий разговор. Больше о том, как все будет после войны.

— Сколько всего порушено! — с тоской скажет кто-нибудь.

— Долго ли восстановить, — возразит другой. — Были бы руки целы.

— Ну, раз до границы дошли — теперь уж скоро...

А однажды Туманов показал Марине фотокарточку своей девушки, той, что осталась в оккупированной Одессе. Кто-то из разведчиков заметил:

— Ты вот ждешь ее, надеешься, а тебя, может, завтра убьют. Я так думаю: ждать — жди, но если подвернулся случай, надо пользоваться. Встретилась мне недавно в одной деревне девушка. Ласково так поглядела... Ах ты, боже мой!.. Думаю: может, она — последняя в моей жизни.

Туманов спрятал в карман фотокарточку.

— Это все равно что ничего, если без любви, — сказал он и надолго ушел в себя.

И вот — очередной поиск. С наступлением темноты разведчики выползли на берег реки. Группу провожал сам начальник разведки дивизии майор Галкин.

В прибрежных кустах надули резиновую лодку. Кто-то первым должен переплыть реку с бечевкой. Майор Галкин собрал вокруг себя разведчиков.

— Кто?..

Разведчикам не приказывают. Самое опасное дело можно доверить только тому, кто сам желает пойти.

Марина подняла руку. Она хорошо плавала. Но Галкин на нее даже не посмотрел.

— Павлов.

К дереву привязали веревку. Другой ее конец Павлов прицепил к поясу. Неслышно, без малейшего всплеска, вошел в воду...

Разведчики уже разбились на группы: обеспечение слева и группа захвата во главе с Тумановым — в центре.

В воздух взлетела ракета, за ней — другая. Поверхность реки вспыхнула слепящими бликами. Разведчики затаили дыхание. Марина считала про себя: раз-и, два-и, три-и... Так быстрее идет время. Немцы не открывали огня. Значит, ничего не заметили...

«Гошка, держись, Гошка!..» — беззвучно шевелила губами Марина.

Ракеты погасли. На несколько секунд все вокруг погрузилось в непроглядную тьму. Марина

протянула руку к бечевке. Та свободно лежала на траве. Значит, Павлов еще не переплыл реку. Слышно было, как рядом дышали разведчики. Изредка постукивал в отдалении пулемет.

Глаза уже привыкли к темноте. В бинокль угадывались очертания противоположного берега.

На том берегу словно бы мелькнула серая тень. Было по-прежнему тихо. И вдруг бечевка натянулась!

Майор Галкин придвинулся к разведчикам:

— Ну, счастливо ребята!

Спустили на воду лодку. Трое скользнули на ее дно, поплыли, перебирая руками бечевку. Непогода один из них вернулся.

— Быстро!..

Марина следом за Тумановым подалась было к лодке, но ее удержал за руку майор Галкин.

— Ты же командир взвода. Остаешься со мной.

— Товарищ майор, разрешите!..

— Не разрешаю!

Прошло несколько минут — может, две, а может, все десять, — как небо вновь озарилось вспышками ракет. Марина поднесла к глазам бинокль и увидела на том берегу, на взгорке, несколько неподвижных, распластавшихся фигур в масках.

Потом опять наступила темнота и началось томительное ожидание. Марина испытывала в эти минуты неприязнь к Галкину, который неизвестно зачем обрел ее на эту муку неведения и бездействия — куда легче было бы ползти вместе с группой. По крайней мере, знала бы, что и как...

И вдруг — ракета, вторая, третья... Автоматная, затем сразу пулеметная очередь, и вот уже всюю идет перестрелка, рвутся гранаты...

Марина припала глазами к биноклю. Она видела бегущие фигуры разведчиков. Вот они прыгали в траншею к немцам. Вот двое высочили на бруствер, ухватив под мышки третьего. «Язык!»

— Молодцы! — сказал майор Галкин.

И в этот момент громко и отчетливо, так, словно все остальные звуки боя вокруг утихли, исчезли совсем, простучал пулемет. Двое разведчиков уже перемахивали через бруствер, увлекая за собой схваченного ими немца. И в глазах у Марины словно отпечаталась фотография: в то короткое мгновение, когда раздалась пулеметная очередь, она ясно видела над бруствером плечи и головы этих трех, не успевших залечь.

Бой продолжался. Разведчики перебежками отходили назад. Вот они уже на берегу. Вплавь перебираются через реку. А немцы навешивают ракеты, серию за серией, и лупят по разведчикам из пулеметов.

Рано утром, еще только-только забрезжил рассвет, Марина, Прохоров, Каткович и Ерошкин отправились на наблюдение — на старое место, в полуразрушенный домик с яблоневым садом.

Разведчики молча расположились на чердаке, молча занялись своим обычным повседневным трудом. У них не было времени предаваться скорби по убитым в ночной операции товарищам. И только у Марины нет-нет да и навернутся на глазах слезы. Они мешали наблюдать за противником, и Марина прогоняла их напряжением воли. И только горестной мысли она не в силах была прогнать из головы: она думала о Саше Туманове, который погиб в эту ночь.

II

Федя Иванов, бежавший впереди, вдруг обхватил обеими руками живот и медленно присел на корточки в снег.

Поравнявшись с ним, Марина припала рядом на колени и хотела прямо тут же перевязать рану. И в это время увидела, что остальные разведчики уже заняли приземистую каменную постройку, до которой они с Ивановым не добежали совсем немного.

Разведчики шли в атаку в рядах пехоты и с самого начала вырвались вперед. А потом, когда немцы ударили сразу из двух пулеметов впер-

крест и положили пехоту, разведчики — все одиннадцать человек — оказались по ту сторону огневой завесы. Они продолжали бежать дальше и выбили немцев из этой постройке с широченным, в треть стены, сквозным проходом посередине и единственным крохотным, похожим на бойницу оконцем с правой стороны. А задача перед разведчиками стояла совсем другая, куда более важная. Они должны были вместе с пехотинцами ворваться в расположение противника, взять «языка» и доставить его в штаб дивизии.

Вокруг Марины и Иванова то и дело взметался облачками снег, слышался посвист пуль. Надо было скорее укрыться в постройке.

— Держись за меня! — сунув нераспечатанный пакет за пазуху, Марина поднялась сама и помогла Иванову встать на ноги.

Одной рукой он все держался за живот. Его голубоглазое лицо было мертвенно бледно и кричало от боли. Сделав шага два, он стал опять оседать, и у Марины не было сил тащить его по глубокому снегу.

— Ребята, помогите! — крикнула она разведчикам.

Гоша Павлов высочил из постройки, и они вдвоем втащили Иванова под крышу.

— Они вон лежат, а мы тут... — раздувая ноздри, Гоша поглядел в сторону бугра, за которым залегли пехотинцы. Подумал и добавил еще пару крепких словечек.

— Ну, хватит! Разошелся! — зло прикрикнула на него Марина.

Павлов не стал спорить. Из хутора по разведчикам бил пулемет. Пули пощелкивали о стены, выбивая кирпичную крошку и пыль. Разведчики отстреливались из автоматов, улегшись в ряд во всю ширину прохода. Они оказались в этом проходе как в мышеловке. Отсюда нельзя было проникнуть ни в правое, ни в левое крыло постройки, ни на чердак.

Когда разведчики ринулись в атаку, немцы высочили из обоих крыльев постройки через двери на той стороне и побежали к хутору. Но пулемет на чердаке продолжал бить по нашей пехоте.

Немного погодя немцы, оглядевшись и увидев, что разведчиков горстка, решили вернуть себе прежние позиции. Растянувшись неровной цепью по заснеженному пустырю, отделявшему постройку от хутора, они теперь продвигались сюда.

Марина разорвала на Иванове маскхалат, растегнула телогрейку и приспустила брюки. На руки ей хлынула кровь. Живот вокруг раны вспучился и был тверд. Промокшее белье липло к телу. Иванов шарил рукой по животу, пытаясь нащупать пальцами пулевое отверстие.

— Теперь — все... Ну надо же... — запекшиеся посиневшие губы плохо слушались.

— Не мешай! — резко сказала ему Марина. — Все будет хорошо.

Она наложила на рану подушечку

— Приподнимись. Можешь?

Иванов не мог приподняться и только стонал. Он лежал, привалившись плечами и головой к стене и раскинув в стороны руки. Одна рука свешивалась наружу через порог. Марина попробовала просунуть под его спину бинт. Опять позвала на помощь. Иванова приподняли, и Марина обмотала бинтом его поперек живота. Кровотечение приостановилось, но Иванов мерз. Кожа у него на животе покрылась пупырышками, и он дрожал.

Набухшая кровью рубашка начала схватываться ледком. Марина оторвала от его маскхалата кусок сухой материи, свернула вдвое и подложила под рубашку. Застегнула телогрейку.

— Лежи спокойно, все будет хорошо.

— Пить...

— Нету, родной...

— Марина, все горит во рту!..

— Нету ни капли, правда.

Ему нельзя было воды. Ни глотка.

Кто-то из разведчиков крикнул:

— Справа немцы! Обходят!

А лейтенант Еговкин, старший группы, лежал вместе с другими разведчиками у порога и очередь за очередью садил из автомата по наседавшим со стороны хутора немцам.

— Товарищ лейтенант! — крикнула Марина, выглядывая наружу. — Они нас обходят!

— Где?.. — спросил Еговкин, поглядев на не ошалелыми глазами. Он был не в себе.

Взяв с собой двух разведчиков из новичков, Марина выбежала наружу со стороны, противоположной хутору. Здесь, метра на три вдоль сте-

ны, было мертвое, недостижимое для немецких пуль пространство. Марина добежала до угла, осторожно выглянула. Немецкие автоматчики были совсем близко. На белом снегу резко выделялись их согнутые фигуры в зеленых шинелях и темные, почти черные каски.

Марина вскинула автомат.

— Ребята, бей!

Разведчики залегли, открыли огонь, и немцы попятились. Трое остались в снегу.

— Ребята, не пропускайте их тут, гадов! — Марина кинулась к другому углу постройки.

— Карташев, ко мне! — крикнула она.

Подскочил Карташев. Марина велела ему залечь на углу, слева, и смотреть в оба. Затем вернулась под крышу. Там все было по-прежнему: шестеро разведчиков — и лейтенант Еговкин с ними — держали под наблюдением пустырь, отделявший сарай от хутора. Седьмой — Иванов. Марина доложила Еговкину:

— Товарищ лейтенант, я расставила посты на флангах!

Еговкин обернулся, посмотрел на нее светлыми невидящими глазами и махнул рукой:

— Давай, действуй. А я уж тут буду.

Выбежав наружу, она увидела ползущего ей навстречу разведчика, одного из тех двух новичков, которых она оставила караулить правый угол. Лицо у него было залито кровью.

— Товарищ помкомвзвода, глаз, глаз!..

— Ну-ка, дай посмотреть! — Марина опустилась перед ним на колени. Раненый крутил головой и вздрагивал при каждой автоматной или пулеметной очереди и испуганно озирался одним глазом.

Захватив под мышку его голову, Марина вытерла марлей ему лицо. Глаз был цел. Пуля процертила по надбровью.

— Марина, как же я теперь без глаза, а?..

— Сиди ты!

Только она принялась бинтовать ему рану, как услышала сзади себя резкий предостерегающий крик:

— Марина, ложись!

Пригнула голову, и в тот же миг возле самого ее уха раздался оглушительный треск. Ударило в нос пороховой гарью и паленым волосом. Она глянула вверх и увидела белую пухлую руку с перстнем на пальце, втягивающую автомат в окошко. Павлов, оскалась, бил из автомата очередь за очередью по окошку.

— Что, окружили?! — в ужасе закричал раненый разведчик и кинулся было бежать, но Марина успела ухватить его за ремень.

— Куда ты, дурень, под пули кидаешься! — Она отвела его под крышу, подальше от окошка, усадила рядом с Ивановым и здесь закончила перевязку.

— Ну-ка, бери автомат! Ничего, одним глазом еще удобней целиться!

Значит, немцы уже проникли в правый и левый отсеки! Теперь их от разведчиков отделяли лишь глухая переборка да дощатый потолок, да стены с окошком...

А лейтенант Еговкин словно забыл, что он командир группы. Суетливо топчется на месте. Лицо красное, распаренное...

— Товарищ лейтенант, немцы в сарае!

— Знаю.

Знает...

— Ладно, будьте тут, а я пойду проверю фланги.

Пригнувшись, выскочила из сарая и чуть не налетела на Павлова. С озорным, даже веселым выражением на лице, припав на одно колено, он целился в окошко.

Марина приостановилась. Вот в окошке мелькнула рука. Очередь. Рука исчезла... Но что это? У Марины по спине пробежали мурашки: по притоптанной вдоль стены дорожке, прямо под ноги залегшему на углу и ничего не подозревавшему разведчику катилось, шипя, голубое яйцо...

— Граната! — закричала Марина. Она забыла, как зовут разведчика: он пришел в роту только вчера. Разведчик вел огонь и не обратил внимание на крик...

Перед глазами у Марины мелькнула фигура Павлова. Он подхватил гранату рукой и забросил ее в окошко. Взрыв, крики. Из окошка пошел дым. Разведчик на углу обернулся и с любопытством уставился на Марину, не понимая, что произошло. На него тут же налетел Павлов:

— Гляди, вон уже где! — и, плюхнувшись рядом в снег, открыл огонь.

А в этот момент из окошка выпала и покати-лась прямо под ноги Марине другая граната. Первая мысль была — отскочить... Граната шипела и катилась, катилась по притоптанному снегу. Цветом и формой она и впрямь напоминала гусиное яйцо. Крутился, как хвостик, шелковый шнурочек.

Марина схватила гранату рукой. Скорей отбросить в сторону, в снег!.. Но, повинувшись какой-то непонятной силе, она в самый последний момент передумала и сделала, как Павлов: бросила гранату обратно, в окошко. Хлопнул взрыв. Немцы закричали.

Она бросила гранату почти не глядя и только после подумала, что легко могла промахнуться, ведь окошко такое маленькое.

Утирая рукавом выступивший на лбу холодный пот, Марина побежала на левую сторону. Там сидел, скорчившись, Карташев.

— Что, ранен?

— Нет...

Марина выглянула за угол. Немцы с этой стороны уже почти вплотную подошли к боковой стене постройки.

— Ты чем смотришь? — крикнула Марина Карташеву и, повалившись в снег, полоснула по ближним немцам очередью.

Карташев тоже открыл стрельбу. Немцы отступили.

— Бей одиночными, — сказала Марина. — А то патронов не хватит.

У нее самой оставался еще запасной диск. «Что будем делать, когда патроны кончатся?» Об этом не хотелось думать. Да и вообще некогда было думать. Немцы — слева, немцы — справа, немцы — спереди, немцы — сверху...

— Марина!

Опять...

— Сиди, не пропускай немцев, а то — ко-нец! — наказала она Карташеву и бросилась на зов.

Еще один разведчик ранен. Правда, легко, в руку. Когда Марина его перевязала, он вернулся на свое место и продолжал стрелять одной рукой.

— Пить... — стонал Иванов.

Марина смочила ему губы мокрой марлей. Он жадно облизнул губы языком.

— Потерпи, родной...

Сверху посыпался какой-то мусор. Что-то закричало. Зрачки у Иванова расширились. Он смотрел в потолок и силился что-то крикнуть, но, видно, спазмы сжимали ему горло. Он задергался. Марина не сразу сообразила, в чем дело. Думала, что Иванов кончается. И только когда грохнула автоматная очередь и на доски чердака упало что-то тяжелое и мягкое, Марина увидела веселое, оскалившееся лицо Павлова, а потом взглянула на потолок и увидела торчащий между раздвинутыми досками ствол немецкого автомата — ей стало ясно, отчего так расширились у Иванова зрачки.

— Ну и реакция у Гошки! — с восхищением и облегченно сказал кто-то из разведчиков.

— Гошка, — спросила она, — а ты почему здесь?..

— Лейтенант прислал.

— Он что, сам вместо тебя остался?

— Нет, командует.

«Хорошо, что командует», — с облегчением подумала Марина. Растерялся было Еговкин, лейтенант. Что ж, первый раз попали разведчики в

такую переделку. При нем — первый раз: Еговкин недавно пришел в разведроту, уже здесь, в Восточной Пруссии.

— Марина, смотри: корова! — крикнул кто-то из разведчиков.

— Где корова?

— Да вот же! Эй, Каткович, может, подоишь? Корова шла наискосок через пустырь к постройке. Пестрая, безрогая и худая.

— Эй, Буренка, Буренушка!.. — позвал Каткович.

Корова услышала зов, остановилась, повернула морду и жалобно замычала.

И тут Павлов испустил радостный возглас:

— У, гад! — вскинул автомат и дал очередь.

Корова взбрыкнула, отскочила в сторону, и разведчики увидели прятавшегося за нею немца. Он шлепнулся в снег и быстро пополз обратно к хутору. Прикрывая его, из хутора ударил по разведчикам пулемет. Но Павлов все же успел пустить в немца еще одну очередь, и тот затих.

— Марина, к лейтенанту!

Лейтенант Еговкин и Карташев лежали у левого угла. Они отстреливались от наседавших с этой стороны немцев.

— Черт, хотя бы все-таки взять нас живыми! — сказал Еговкин. — Лезут и лезут!

Немцы и впрямь, словно поддразнивая разведчиков, выманивая у них последние патроны, молча и упорно продвигались вперед, то ползком, то перебежками, прячась в сугробах. Когда разведчики открывали огонь, немцы отбегали назад, к хутору, там некоторое время выжидали и снова начинали обходить сарай справа и слева, пытались замкнуть кольцо и совсем отрезать разведчиков от пехоты. В снегу валялось уже десятка полтора трупов, но и патроны у разведчиков были на исходе. А когда кончатся патроны...

— Слушай, Марина, что делать? — спросил лейтенант. И без того всегда красное, словно распаренное, его лицо совсем стало пунцовым. — Надо бы с донесением кого-то послать, хоть дать знать своим, что у нас тут, на чердаке, пулеметная точка. Пускай жажнут по сараю... Черт с ним, примем огонь на себя. Лучше уж от своих снарядов погибнуть, чем сидеть в этом мешке и ждать, когда тебя возьмут голыми руками...

Марина проследила взглядом единственный путь, по которому связанной мог добраться отсюда к своим: метров пятьдесят открытого, ровного пространства, которое насквозь простреливается. А там еще надо перескочить через бугор...

— Как думаешь, кого можно послать с донесением? — снова спросил Еговкин.

Марина мысленно перебирала всех уцелевших товарищей: Павлова, Катковича, Карташева... Кого из них послать почти на верную смерть?..

Немцы опять начали обходить сарай, и разведчики открыли огонь. Отстреливаясь, немцы отошли, оставив еще несколько убитых.

— Я сама попробую проскочить, — сказала Марина.

Лейтенант бросил на нее оценивающий взгляд и промолчал. И тут вызвался Карташев:

— Товарищ лейтенант, пошлите меня! Я пойду!

...Когда он выскочил из сарая и побежал зигзагами, оставляя за собой глубокие пушистые следы, немцы, видимо, не сразу сообразили, в чем дело: стрельба на короткое время утихла. И в этой напряженной тишине разведчики с замиранием сердца отсчитывали секунды.

Вот Карташев пробежал мимо пушки, брошенной немцами в самом начале нашей атаки. Вот он уже на середине поляны... Вот подбегает к бугру. Еще несколько мгновений. Чем меньше ему остается бежать, тем томительнее тянутся мгновения!

Карташев уже миновал поляну, когда воздух разорвала пулеметная очередь с чердака и следом — другая, из хутора. Затрещали автоматы. Брызнул во все стороны снег вокруг Карташева, и он упал на бугор. Марина закрыла лицо руками.

— Ну, все!.. Эх!.. — выдохнул Павлов и вдруг, сорвавшись с места, двумя громадными прыжками отскочил от стены и, извернувшись, остревенело стал бить из автомата по чердаку. Пулемет на чердаке умолк. А когда Павлов, так же стремительно, отпрыгнул назад, к стене, Карташева на бугре уже не было. Зато снег на том месте, где он только что лежал, кипел и дымился от пуль.

Марина подбежала к Павлову, порывисто схватила его за плечи и только нашла сказать:

— Гошка, ну и молодец!..

Лейтенант Еговкин вытер холодный пот, крупными каплями выступивший у него на лбу.

— Не надо было ему падать, не надо было падать!..

А Павлов, прислонившись спиной к створке ворот и тоже весь мокрый, весь словно распаренный, судорожно глотал воздух ртом и рассказывал:

— Смотрю, зашевелился... Ноги подобрал... А потом не помню уж, что потом... все как во сне...

Разведчики одобрительно смотрели на него, как смотрят на товарища по работе, который сделал лучше, чем они, достоин похвалы, но и каждый из них может в другой раз сделать подобное. Да и сам Павлов уже через несколько минут позабыл про эту свою вылазку, потому что стали бить по сараю наши минометы.

Первая мина разорвалась между сараем и хутором, вторая — в самом хуторе.

«Значит, Карташев передал донесение!» — подумала Марина.

Следующая мина хлопнула у самой стены, засыпало снегом и мерзлой землей разведчика, следившего за правым флангом. А он был даже рад этому:

— Вот дают, черти!

Похоже, никто из разведчиков не думал о том, что в любой момент их может накрыть своя собственная мина. Они следили за разрывами, награждая крепкими словечками минометчиков. А минометчики словно нарочно посылали мины то с недолетом, то с перелетом. Но даже и такая стрельба заставила немецких солдат попрятаться в укрытия, и только пулемет на чердаке все стучал и стучал, вжимая пехотинцев в снег и не давая им ни подняться в атаку, ни вести прицельный огонь. Второй пулемет, из хутора, вторил первому.

Минометный огонь прекратился так же внезапно, как и начался. Немцы опять стали наседать со всех сторон. Те, что сидели за стенкой, пытались вступать в переговоры: «Рус, сдавай!»

Это даже не раздражало, настолько было привычно.

— Смените кто-нибудь меня! — сказал Каткович.

Еговкин направил ему на смену разведчика, и Каткович вышел наружу. Огляделся, провел рукой по рыжеватым заиндевелым усам.

— Братцы, — сказал он удивленно, — а чего это пушка зазря стоит?

Все, кто в это время находился у восточной стены — Марина, Еговкин, Павлов и один из новичков, посмотрели на брошенную немцами пушку. Про нее как-то совсем забыли в суматохе. Возле пушки виднелись ящики со снарядами.

Еговкин прищурился, что-то соображая.

— Товарищ лейтенант, я в артиллерии служил! — подскочил к Еговкину новичок, тот, которому Марина перевязывала глаз.

Еговкин оглядел разведчиков, те смотрели на него. Наконец Еговкин распорядился:

— Павлов, Парфенов, прикройте нас!

Еговкин, Каткович и новичок подбежали к пушке и стали разворачивать ее, а Павлов и Марина стали бить из автоматов по чердаку и окошку.

Первым снарядом, выпущенным из пушки, взметнуло на углу постройки облако кирпичной пыли. Второй снаряд срикошетировал.

— Бегут, — крикнул кто-то из разведчиков. — Бегут, гады!

Марина, следившая за окошком, увидела, как оттуда вылетела граната и упала на снег. Она, как и в первый раз, мгновенно схватила ее и бросила в окошко. Тем временем пушка вкатили в сарай.

— Ребята, ура! — закричала Марина.

— Ура! — подхватили разведчики.

Тут и наша пехота поднялась в атаку. Марина и Павлов ворвались в помещение. Там было темно и вдоль стен шли кирпичные перегородки. В полумраке, у дальней стены, Марина разглядела живого немца. Он прижался к стене и тарачил на разведчиков полные ужаса глаза. Павлов бросился на немца и молча всадил ему в спину финку.

— Гошка, не надо! — закричала Марина.

Но было поздно: немец уже валялся на полу. И тут Марина увидела за перегородкой другого немца. Он смотрел умоляюще. Павлов тоже увидел немца и бросился к нему. Но на этот раз Марина успела встать между ними.

— Не смей, Гошка!

— Пусти, убью гада! — хрипел Павлов за ее спиной, пытаясь дотянуться до немца рукой.

«Убьет», — подумала Марина. Ей было жаль немца.

— Гошка, «язык» же нужен!

Павлов выпрямился, вытер финку и вложил ее в ножны. Он тяжело дышал, но уже вполне владел собой. Магическое слово «язык» оказало свое действие.

— Сама поведешь?

— Конечно!
Павлов повернулся и быстро зашагал к выходу.

Пехотинцы заняли хутор и продолжали наступать дальше. Когда Марина, конвоируя немца, вышла из сарая, к ней подбежал командир полка Сидоров. Потный, в полушубке с развевающимися полами, он обнял ее, и слезы покатались по его небритым щекам.

— Мариночка, дочка!.. Где ребята?.. Кто убит?..

Марина, тоже плача, стала докладывать.

— Убитых нет, товарищ подполковник... Трое ранены...

Подполковник глянул на немца:

— Ну, паразитина! Ну, паразитина!.. Что вам надо всем, а? Подохнуть все захотели?

Немец закрутил головой:

— Не стреляль, не стреляль...

— Все вы, когда в плену, не стреляете,— сказал подполковник.— Ну, ступай, дочка, в дивизию вас ждут.

— Раненых надо отправить, товарищ подполковник,— сказала Марина.

— Я распоряжусь,— и побежал дальше.

По другую сторону бугра Марина увидела лежащие цепью, застывшие в разных позах трупы пехотинцев. Перешагивая через них, бродили вдоль бугра в поисках раненых санитары с носилками.

Марину нагнали товарищи. Они вели с собой еще двух пленных.

Разведчиков встретила чуть ли не вся дивизия. Их обнимали, подбрасывали в воздух, кричали «ура!». А разведчики отбивались, требовали повара: как-никак, было около четырех вечера, а в атаку они пошли в девять утра.

Повар уже накладывал в котелки кашу, когда в роту приехал генерал Городовиков, командир 184-й стрелковой дивизии.

Разведчики построились. Генерал поздравил их, как положено, покрутил ус и сказал:

— Ну, что ж, начнем награждать. Кто командовал группой?

Молчание.

— Лейтенант Еговкин был старшим, товарищ генерал,— сказала Марина.

Еговкин вышел вперед. Генерал обнял его и обернулся к писарю:

— Пазюк, пиши: за умелое и успешное про-

ведение боевой операции, за инициативу и мужество — к ордену Александра Невского!

Следующим был Каткович.

— За инициативу и мужество — к ордену Красной Звезды!

Павлов.

— За инициативу и мужество — к ордену Красной Звезды!

Дошел до Марины.

— Ну, а тебя чем наградить? Ишь ты: Красная Звезда есть, даже две. Орден Отечественной войны есть, медаль «За отвагу» есть... — генерал посмотрел на разведчиков. — Ну, что, ребята, воевала Марина?

— Товарищ генерал, конечно, воевала! — загудели разведчики. — Если бы не она, мы все погибли бы.

— Ну уж, так и погибли бы? — генерал понимающе подмигнул разведчикам. — Пазюк, пиши: Парфеновой Марине Васильевне за личный подвиг — орден Славы!.. Начнем с третьей степени.

...Часа через два после этой торжественной церемонии пришло известие о том, что во время наступления погиб подполковник Сидоров. В тот же вечер умер и раненный в живот разведчик Иванов. Высокий, симпатичный, голубоглазый парень.

А до конца войны оставались считанные месяцы.

«День Победы я встретила в Восточной Пруссии. А затем дивизию перебросили на Дальний Восток. Пришлось еще и там повоевать.

После демобилизации — в октябре 1945 года — вернулась в Москву. Решила продолжать занятия в механико-элеваторном техникуме. Поступила на четвертый курс дневного отделения. Одновременно работала ночным директором в пекарне.

Окончила техникум весной 1946 года. Вышла замуж.

В 1950 году сдала вступительные экзамены в Московский технологический институт. На производственную практику после четвертого курса ездила уже с двумя сыновьями на руках.

С 1955 года я — инженер. Сначала работала в Коломне на заводе «Текстильмаш», затем в Кургане преподавала уроки труда в средней школе № 42.

В настоящее время живу и работаю в городе Камбарке, в Удмуртии.

СУКСУНСКАЯ ШКАТУЛКА

Суксунские умельцы, изготовившие еще в середине XVIII века четвертину, из которой М. В. Ломоносов сделал первый перегонный куб¹, кроме того, были еще и авторами своеобразных шкатулок. «Казанские известия», давая 16 июня 1916 года подробный отчет о мусульманском празднике «сабантуй», к которому купцы из разных мест привозили самые разнообразные товары, писали:

«...Большим спросом на «сабантуе» пользуется суксунская посуда и прочие изделия из меди и бронзы, в особенности с охотой раскупались впервые появившиеся на базаре бронзовые восьмиугольные, с травным узором шкатулки».

На снимке одна из таких шкатулок. Размер ее 16×11,5×6,5 сантиметров, крышка шкатулки покрыта орнаментом по краям и по выпуклостям, стенки граней имеют красивый

чеканный орнамент. Как видно на снимке, есть ручка, а также пробой и накладная планка для замка. Внутри шкатулка покрыта оловом.

По архивным данным, Суксунский завод изготовлял и значительно большие по размерам шкатулки.

¹ См. об этом в «Уральском следопыте» № 10 — 1960 г. и № 6 — 1961 г.

А. ШАРЦ

В Центральном архиве древних актов сохранилась часть документов, проливающих свет на судьбу последних дружинников Ермака и их потомков. Интересна челобитная «отставного певчего дьяка» из Тобольска Ульяна Козьмина (1647 год). Свою деятельность в Тобольске он возводит ко времени Ермака. Ульян Козьмин пишет, что он — внук соратника Ермака, казака Семена Федоровича Шемелина, который «пришел в Сибирь с атаманом с Ермаком Тимофеевичем, с товарищи, в казаках и Сибирь тебе, Государь, очистил». Семен Шемелин достиг звания атамана при царе Василии Ивановиче Шуйском и был убит «на приступе под Тулой». Челобитные У. Козьмина удовлетворили. Он был «поверстан на выбылой оклад тобольского конного казака», то есть принят на «государеву службу».

В «Прибыльной» книге Си-

ЕРМАКОВЫ КАЗАКИ

бирского приказа за № 367 (лист 110 и последующие за 1625 год) изложена царская грамота о выдаче денежного и хлебного жалованья престарелому конному казаку Гавриле Иванову за его службу в Сибири со времени Ивана Грозного и за то, что «с Ермаком и Сибирь взял».

Значит, в 1625 году еще были живы дружинники Ермака!

В грамоте от июля 1624 года отмечается, что старый Успенский монастырь в Тобольске пришел в упадок, люди его немощны и обнищали, ибо «иные и безо вkladу стриглись, еще де Ермаковских казаков подстрижники, лет со ста и больше». Выходит, и здесь, в монастыре, оказались участники былых походов Ермака.

А вот еще интересный до-

кумент из «Прибыльной книги» за 7175—7177 годы (1667—1669).

Сын казака из дружины Ермака Яков Мартышов в челобитной писал, что его отец, польский выходец Гаврил Мартышов (Мартыш Угренин), был послан из Москвы к Ермаку. Сам Яков по старости нести рейтарскую службу не может, не годеи, а по родству его один брат служит «поручиком солдатского полка», другой брат — «по Тюмени в дворянах». Яков Мартышов просил и его записать в дворяне.

В челобитной подчеркивается героизм Гаврилы Мартышова и его друга казака Григория Ясырева, как отважных дружинников Ермака.

А. КОРОВИН, краевед

ПО ПРИКАЗУ ИЛЬИЧА

Документальная новелла

В. ПЕТРИЦКИЙ

Ветхие деревянные хибарки. Приземистые строения складов. И ни огонька. Город словно вымер. Только нечастый предосенний дождик шуршит по брезенту, прикрывающему орудия.

На балтийских миноносцах, которые отшвартовались у Рыбинской пристани, шла обычная флотская жизнь. Пробили склянки. На мачтах зажглись разноцветные сигнальные огни. Военморы стояли на вахте, вполголоса спорили о мировой революции. А в каморке телеграфиста потрескивал аппарат, тянулась и падала на стол узкая белая лента. Из точек и тире рождалось:

«Срочно. Рыбинск. Комиссару отряда миноносцев. Старшему командиру. Копия исполкому Совдепа.

Приказываю самым срочным порядком закончить погрузку орудий, снарядов и угля и незамедлительно следовать в Нижний. Работа эта должна быть выполнена в самый кратчайший срок. Местный Совдеп и советские организации должны оказать полное содействие. Каждая минута промедления ложится тяжелой ответственностью и повлечет соответствующие меры по отношению к виновным. Телеграфируйте исполнение. Председатель Совнаркома Ленин»¹.

Это было 23 августа 1918 года.

— Вестовой, к комиссару!

Четкий щелк каблуков:

— Есть!

— Доставьте это в местный Совдеп. Скажите товарищам, что ответ нужно дать немедленно.

— Есть!

И вот уже по булыжной мостовой Крестовой улицы постукивает пролетка. На козлах рядом с извозчиком сидит балтиец с большим портфелем под мышкой. В портфеле — пакет с пометкой «Секретно».

В окнах Совдепа темно. Дверь открыл встрепанный сонный сторож.

— Чего грохаеть-то? Кого тебе?

— Кого-нибудь из товарищей...

— Эка! Ночью ему товарищей подавай! Спят все. Утром приходи.

— Сейчас надо, браток! Срочный пакет.

Сторож открыл дверь в горницу, откуда доносился сладкий храп.

— Фрось! Фрося! Да очнись ты!

— Ай?..

— Вставай-ка проворней да проводи матроса к товарищу комиссару. Срочно, сказывает, надо.

И опять постукивает пролетка. Сеет дождь. Город спит настороженно и чутко. Изредка от вокзала доносятся хлопки одиночных выстрелов.

— Стреляют,— вяло замечает извозчик.

— Бандитов ноне развелось страсть как много,— откликается Фрося, зевая, и потихоньку крестит рот.

Вестовой поторапливает извозчика:

— Подбодри-ка своего одра, отец! Еле тащимся!

— Одра...— ворчит извозчик.— А ты спроси, когда он последний раз овес ел. Бывало...

— Стой! — командует Фрося.— Вон ихнее окошко светится.

Комиссар не спал. Мучился над передовицей для «Известий Рыбинского Совета». Выслушав вестового, сказал коротко:

— Идемте!

— Товарищ комиссар, а ответ? Мне приказано сейчас же получить ответ.

— Ответ будет. Не сомневайтесь, товарищ военмор. Идемте!

Когда спускались по лестнице, комиссар попросил:

— Пожалуйста, тише! Пусть люди спят.

Вышли на улицу. Комиссар запахнул плотнее шинель. Поежился.

— Подъедем? — предложил вестовой, указав на пролетку.

— Не стоит,— ответил комиссар.—
Время позднее, переполненная пролетка может привлечь недоброе внимание. Да нам недалеко.

Каменные купеческие особняки быстро сменились деревянными покосившимися хибарами. Подойдя к первой из них, комиссар постучал. Спросил у вышедшего мужчины:

— Вы грузчик?

— А? Чего надоть?

— Срочно поработать.

— Ночью-то в дождь...

Грузчик почесывался. В нерешительности переминался с ноги на ногу.

— Товарищ Ленин просит помочь революционным матросам.

— Товарищ Ленин? — недоверчиво переспросил грузчик.

— Да, товарищ Ленин. Вы грамотный?

— Разберу, коли печатано...

Балтиец запротестовал:

— Товарищ комиссар, телеграмма же секретная!

— А я не врагу ее показываю, товарищ военмор,— улыбнулся комиссар. И грузчику:

— Читайте.

Грузчик, медленно шевеля губами, зашептал:

— ...Приказываю самым срочным порядком закончить погрузку орудий, снарядов и угля... Ленин...

К пристани за комиссаром и вестовым двигалась плотная, нестройно гудевшая толпа.

На кораблях замигали сигнальные огни. Вахтенные закричали:

— Кто идет?

— Свои! — отвечал вестовой.— Рыбинские пролетарии!

К утру погрузка была закончена. Грузчики и матросы, усталые и вымокшие, не торопясь хлебали горячий флотский борщ.

А через час были отданы швартовы. Суда ушли в Нижний на помощь бойцам Красной Армии. Приказ Ильича был выполнен.

Несколько лет назад в Ленинграде после тяжелой болезни на восьмидесятом году жизни скончался активный участник Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны, бывший военный моряк Иван Иванович Вахрамеев. Незадолго до его кончины я побывал у Ивана Ивановича и услышал от него эту волнующую историю.

РЕДКИЙ СНИМОК

В. И. Ленин беседует с членами делегации Итальянской компартии на II конгрессе Коминтерна в Кавалергардском зале Кремля.

Этот малоизвестный снимок хранится в личном архиве автора новеллы «По приказу Ильича» В. Петрицкого.

Чемпион мира Тамара Ларина.

ШЕЛ ВЕРТОЛЕТ НАВСТРЕЧУ СОЛНЦУ...

Ранние лучи солнца высушили росу на подгоревшей траве аэродрома. Осеннее небо было спокойным, безоблачным. Только у самой земли еще не рассеялась сизая утренняя дымка.

Возле темно-зеленого вертолета, похожего на гигантскую стрекозу, толпились люди: спортивные комиссары, техник, тренер. Тамара поглядывала на часы — пора запустить мотор. До старта оставались считанные минуты. Последние наставления штурмана Иннокентия Яковлевича Гладких. Последний осмотр машины. Техник Александр Зиновьевич Хитов хмур и неразговорчив.

Наконец спортивные комиссары разрешили взлет. Мотор прогрет. Тамара не спеша застегнула ремни, еще раз помахала рукой штурману, технику, всем провожавшим и захлопнула дверь кабины. Взмах флажка. Старт!

Внизу, в утренней дымке, остался украинский город Сумы. Тамара набрала заданную высоту и взяла курс на восток. Мотор гудел ровно, и недавнее предстартовое волнение прошло.

Да, она понимала, на что решилась. Рекордный полет! Даже многие ее товарищи, искренне желавшие ей победы, мало верили в успех.

Для сомнений причин было достаточно. Побить рекорд американской вертолетчицы Клары Дагерти, пролетевшей без посадки 778 километров, пытались многие. Но летчицы или сбивались с курса, или шли на вынужденную посадку. Не выдерживали нервы. Не хватало сил целый день просидеть за штурвалом.

И все же Тамара решилась.

Вертолет шел навстречу солнцу. Тамара поглядывала вниз, сверяла наземные ориентиры с лежащей на коленях картой.

Леса под нею уже оделись в золотисто-красные одежды. Холодно. Темнели ленты рек, серебрились озера. Прямо по курсу ярко выделялись меловые горы. Издали они походили на снеговые вершины. И, глядя на них, вспомнила Тамара двуглавый Эльбрус, который она увидела с воздуха в свой первый полет...

Жила в Эссентуках девчонка, училась в школе, с аттестатом зрелости пришла на консервный завод. Стала работать лаборанткой. И вдруг однажды заглянул в цех комсомольский секретарь, собрал в обеденный перерыв молодых работниц и спросил:

— Девчонки, кто хочет летать на планере?

Руки подняли дружно. Даешь планер! Аэроклуб находился по соседству с заводом, каждый день видела Тамара парящие аппараты. Пробовала представить себя там, в небе — не могла. И вдруг — «Хочешь летать на планере?»

Ей повезло. Одним подружкам дорогу в «пятый океан» закрыли врачи, другим — перепуганные папы и мамы. А она прошла.

После смены Тамара бежала в аэроклуб. Изучала теорию, устройство планера. Незаметно прошла зима. А когда свежей зеленью оделось летное поле, начались полеты.

Первый полет! На трехсотметровой высоте летчик самолета-буксировщика отцепил трос, и

Тамара инстинктивно обернулась: можно искать восходящий поток? Кабина была пуста. Спрашивать было не у кого. Одна! Одна во всем небе.

Самолет ушел. Тишина. Только свист ветра в элеронах. А вдали зубчатые, сверкающие на солнце вечными снегами вершины Кавказа... Первый самостоятельный полет...

Здесь же, в аэроклубе, Тамара научилась летать на самолете. Освоила ЯК-18. А затем попросилась в летную школу. Там, в летной школе, она познакомилась со своим будущим мужем Валерием Лариным.

...Летчица с удивлением посмотрела на компас. Что случилось? Шла курсом 70 — и вдруг картушка резко пошла в сторону... 160... 220... Та-

Шел шестой час полета. Поваляться бы на траве, расправить ноющие ноги... Но ее ждали спортивные комиссары. Каждое движение штурвалом фиксировалось барограммами. Все внимание Тамары было приковано к земле. Ориентиров с картой не сходились. Где Волга?

И только у Хвалынска над долгожданной рекой поняла: сбил ее все-таки к северу боковой ветер. Внесла поправки в курс и немного успокоилась. Теперь можно было запрашивать и свой аэродром. Ее обрадовали — навстречу вылетел Валерий. «Вас поняла, вас поняла!» Развернула карту и сделала отметку, где должна была произойти встреча с мужем...

Тогда, в летной школе, разошлись их пути.

Затаив дыхание, слушают школьники рассказ знаменитой летчицы, и маленькая модель вертолета в ее руках превращается в мощную стремительную машину, преодолевающую антициклоны и облачные фронты...

мара заволновалась. Но, сверив наземные ориентиры с картой, поняла, что идет верным курсом. В чем же дело? «А, — сообразила Тамара, — Курская магнитная аномалия. Вот о чем предупредил Иннокентий Яковлевич». Почти до самого Воронежа Тамара вела вертолет только по карте.

Вдруг вертолет швырнуло вправо — сменился ветер. Усилилась болтанка. Едва приспособилась к лобовому, как ветер опять стал дуть слева. Три раза менялось направление ветра. Да еще два антициклона. От напряжения немели руки, ноги. Тамара начала разминку. Сняла одну ногу с педали, сделала несколько движений, затем другую.

Время тянулось мучительно. По расчету должна уже была выйти к Волге, а ее что-то не видно. И снова холодок сомнения: неужели сбилась?

Валерия направили в Оренбургские степи, Тамару — в Донецк. Переписывались, сообщали друг другу о своем житье-бытье, о своих успехах. Их больше было у Тамары. Она успела установить на Украине республиканский рекорд. А Валерий попал в команду вертолётчиков России.

Потом Валерий прислал письмо, в котором писал, что «больше без нее жить не может». И вслед за письмом приехал сам в Донецк и увез ее с собой в степное Оренбуржье. Вместе они стали работать летчиками-инструкторами в аэроклубе ДОСААФ...

— Тома? Устала? Держись, немного осталось...

Валерий пристроился рядом, помахал из кабины рукой. «Держись молодцом!» Так вдвоем и шли они до самой Шахматовки. Горючее в баках было на исходе, и Тамара пошла на посадку.

Вертолет приземлился у колхозной фермы. Рядом сел Валерий. Он первым поздравил рекордсменку с победой. Потом сюда же, в Шахматовку, прилетели спортивные комиссары. Они зарегистрировали новый рекорд страны и мира. На вертолете МИ-1 Тамара Ларина пролетела по прямой 1239 километров, пробыв в воздухе 9 часов 18 минут. Достижение американки Дагерти было перекрыто чуть ли не в два раза.

На другой день о рекорде еще никому неизвестной оренбургской спортсменки сообщили все газеты, а спустя несколько месяцев рекорд Тамары Лариной был зарегистрирован в Париже в Международной Авиационной Федерации (ФАИ), и степная Шахматовка стала известна далеко за пределами нашей Родины. А сама вертолетчица была награждена золотой медалью.

— Что дальше, рекордсменка? — спросил однажды ее тренер.

— Дальше? Замкнутый маршрут!

— Заманчивая идея, — улыбнулся Алексей Максимович Аносов. — Будем тягаться с Татьяной Руссиян? — Он помолчал, а затем добавил: — Знаешь что? Давай-ка тренироваться вместе. Есть и у меня мыслишка потягаться с американцем...

На тренировки ушел целый год. Ровно через год после первого рекорда с аэродрома поднялся в воздух вертолет, за штурвалом которого была Тамара Ларина. Ей предстояло пройти до за-

волжского города Аткарска, развернуться и вернуться на свой аэродром.

Погода не баловала ее и в этом полете. Почти все время была плохая видимость. В районе Аткарска сильно болтало машину, и усталой летчице пришлось собрать всю волю, чтобы удерживать вертолет на заданной высоте.

Полет продолжался 7 часов 39 минут. Приборы отметили: пройдено — 1004 километра. Мировой рекорд перекрыт на 210 километров.

И еще один рекорд установила Тамара в этом полете. Тысячекилометровую трассу Ларина прошла со средней скоростью 137 километров в час. Быстрее и дальше ее никто из женщин-вертолетчиц до этого не летал.

Так, в течение одного года Тамара Ларина установила три мировых рекорда, стала мастером спорта СССР и мастером спорта международного класса.

Новый рекорд «привез» и Валерий Ларин. Когда МИ-1 совершил посадку, приборы показали, что он пролетел 1660 километров. Новый рекорд мира! Первой поздравила его с победой Тамара.

Так в семье Лариных появился второй чемпион мира.

В. АЛЬТОВ

СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ - СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ

Эта старинная башня — уникальное сооружение в Ижевске.

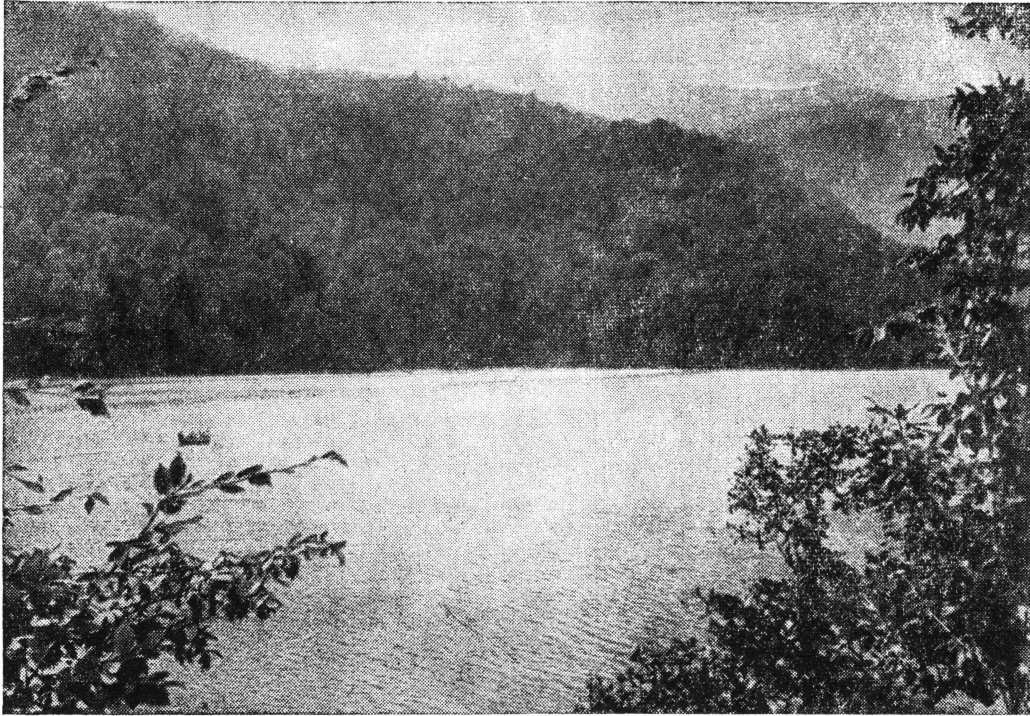
Сто шестьдесят лет назад по проекту «начальника камских заводов, выдающегося горного деятеля Андрея Федоровича Дерябина и выпускника Петербургской Академии художеств Семена Емельяновича Дудина началось строительство на Иже оружейного завода. Башня, представляющая собой единую композицию из боевых знамен, оружия и воинских доспехов, замкнула архитектурный ансамбль заводских зданий и до сих пор напоминает о роли ижевского завода в Отечественной войне 1812 года.

Представим себе, что мы у основания этого архитектурного памятника. Поднимаемся по старинным ступенькам шпоторообразной лестницы. Первая... Четвертая... Десятая... Пятьдесят вторая... Стоп! Здесь сердце башни, ее часовой механизм. С 1838 года десять колоколов точно отбивают время. Самый маленький — четырехкилограммовый — каждую четверть часа, самый большой — десятикилограммовый — каждый час.

Двадцать пять лет назад, во время Великой Отечественной войны, заводские мастера модернизировали ижевские куранты.

Если подняться еще на сорок ступенек, то весь город предстанет как на ладони.

А. АРТАМОНОВ

В горах Малого Кавказа расположено высокогорное озеро Гек-Гель. Оно образовалось в 1139 году при сильном землетрясении.

Озеро называется голубым. Но это не совсем точно. Там, где поверхность Гек-Геля освещает солнце, — вода светло-голубая, в тени она темно-фиолетовая, а под крутым лесистым обрывом — ярко-золотистая.

Любуясь неповторимой красотой озера, народный поэт Азербайджана Самед Вургун писал:

Сядь в Казахе на красного с искрой коня,
Приласкай его, добрую дружбу храня!
Он тебя понесет мимо шумного дня
На вершины Кяпаза, где холод остер:
Погляди на Гек-Гель — королеву озер!

Богаты окрестные леса Гек-Геля. Вон тинькает в кустах можжевельника черная хоросанская синица с красным хохолком, летают кавказские дубоносы, горные вьюрки, серые жуланы. На скалах — стаи горных куронок. А сколько кругом цветов! Рядом с белым донником растет синеголовник. Ковром расстилается эфиопский и мутовчатый шалфей, с ним чередуются чебрец и розовый клевер.

Прошло стадо оленей. Они чувствуют себя здесь вольготно. Лес объявлен заповедником.

ПУТЕШЕСТВИЕ

К ПРАЩУРАМ

Развивая учение Дарвина, немецкий ученый Эрнст Геккель высказал интересную мысль о том, что между обезьяноподобными предками и современным типом людей должна была существовать промежуточная форма, которую он называл питекантропом (питекос — обезьяна, антропос — человек). Геккель рекомендовал искать костные остатки обезьяночеловека где-нибудь на юге Азии.

Другие ученые, Г. Осборн, В. Обручев, П. Сушкин, считали, что родиной человека является Центральная Азия. Они объясняли это тем, что в Центральной Азии раньше всего начали исчезать леса. Человекообразные обезьяны, наши далекие предки, естественно, должны были с деревьев спуститься на землю и вести наземный образ жизни. Переход на землю неизбежно должен был привести к большим изменениям в организме самой обезьяны, а так как растительной пищи становилось все меньше и меньше, то наши предки вынуждены были заниматься охотой и изготовлением орудий труда. Такова в общих чертах гипотеза появления питекантропа в Центральной Азии.

Для подтверждения этой гипотезы в Монголию посылалось несколько экспедиций. Самой большой была американская, побывавшая в Монголии в 20-х годах под руководством крупного палеонтолога Эндрюоса. Эндрюосу в пустыне Гоби удалось найти несколько богатейших поселений каменного века и собрать тысячи каменных орудий. Но возраст их оказался не более десяти тысяч лет. А наши пращуры жили 500—800 тысяч лет назад.

Кто же прав: Э. Геккель или Г. Осборн с В. Обручевым? Об этом старом споре археологов мы вспомнили на берегу Олон-нуур, в Западной Монголии, во время одной из последних экспедиций академика А. Окладникова, в состав которой входил и я.

Наша экспедиция небольшая: кроме А. Окладникова, в ней участвовали кандидат исторических наук В. Ларичев и художник В. Жалковский. Все трое в Монголии бывали уже неоднократно. Археологи Сибирского отделения Академии наук СССР совместно с монгольскими учеными изучают историю далекого прошлого этой страны с 1961 года. Но все годы они работали в основном на юге и востоке Монголии, а теперь Окладников решил исследовать и западную часть. Новой страной Монголия была только для меня. Да и то не совсем.

В детстве я зачитывался книгами о трудных путешествиях и далеких странах. Особенно меня интересовала Центральная Азия. Она представлялась мне страной безмолвных гор, бескрайних степей и пустынь, где исследователей каждую минуту ждут новые и неожиданные открытия.

Н. Пржевальский, П. Козлов, П. Потанин, В. Обручев были моими любимыми авторами. Книгу Петра Кузьмича Козлова «Монголия, Амдо и мертвый город Хара-Хото» я, помню, прочитал несколько раз.

Потом, уже в вузе, я узнал, что загадочный город Хара-Хото, который поразил путешественников своим безмолвным величием, был некогда цветущей столицей Тангутского государства — грозного соперника Китая и монголов в Центральной Азии. В 1227 году Хара-Хото был разрушен монголами. Как рассказывает предание, у стен его умер грозный Чингиз-хан.

Прошло уже немало лет, как я впервые познакомился с удивительным миром загадок и приключений. За это время многое уже выяснено наукой, но меня по-прежнему манила мечта пройти по следам Пржевальского и Козлова и увидеть Центральную Азию собственными глазами. И вот, наконец, я в составе советско-монгольской археологической экспедиции.

На границе, в Ташанте, нам сообщили, что наши коллеги Сер-Оджав и Д. Дорж ждут нас в аймачном центре Баян-ульги. Мы решили на ночлег не останавливаться, а добираться сразу до аймака.

Дорога в Баян-ульги шла через горы, и нам пришлось преодолеть несколько высоких перевалов. На перевалах стоял холодный, густой туман, и мы вынуждены были надеть на себя шубы и все теплые вещи. Около одиннадцати часов вечера показалась высокая мачта с красными огоньками, но прошло еще не менее тридцати минут, пока мы добрались до города.

Быстро нашли гостиницу, а в ней — Сер-Оджаву, руководителя монгольской группы, Д. Доржу и московского археолога В. Волкова, который уже много лет изучает бронзовый век Монголии.

На следующий день с самого утра дул сильный ветер, поднимавший тучи песка. Песок скрипел на зубах, набивался в уши, глаза, и спрятавшись от этого резкого, пронизывающего ветра было негде.

Утро мы решили посвятить знакомству с городом, а во второй половине дня, когда ветер стих, выехали в первую разведку окрестностей

города. И сразу же нас ожидала феноменальная удача. В пятнадцати километрах от самона, на правом берегу речки Олон-нуур, на высоких береговых террасах, мы обнаружили целые россыпи орудий древнекаменного века. По-видимому, на этом месте была мастерская в течение очень продолжительного времени. Просто удивительно, что никто до нас не наткнулся на это стойбище. Орудия, найденные здесь, поражали своей примитивностью и архаичностью обработки и формы. Это были в основном массивные крупные гальки, у которых один конец затесывался с двух сторон. Противоположный конец оставался совсем без обработки. Иногда гальки раскалывались пополам и острые концы подтесывались дополнительно. Все эти орудия были универсальными: ими добывали раненое животное и разделяли туши, разбивали кости, обтесывали дровяки для копий. Орудия были покрыты оранжево-бурой патиной, «пустынным загаром», что также говорило о большой древности этих орудий. Вот там, на берегу Олон-нуур, мы и вспомнили старую гипотезу Г. Осборна, В. Обручева и П. Сушкина о том, что родина человека — Центральная Азия.

Надо сказать, во время своих прежних экспедиций А. Окладников нашел несколько десятков поселений, возраст которых был более пятидесяти тысяч лет. Но опять-таки это были не наши далекие предки, делавшие первые попытки оторваться от мира животных, а люди, которые уже умели изготавливать разнообразные орудия труда и по умственному уровню стоявшие на последней к современному человеку ступени развития.

А сколько же лет нашим находкам?

Сначала мы решили, что олон-нуурские гальки — одни из первых орудий труда, сделанных людьми, настолько они были примитивны и архаичны. Но нас насторожило, что рядом с этими орудиями мы находили и другие, покрытые такой же древней патиной. Однако от первых эти отличались более правильной и более тщательной формой. Мы находили и ядрища, с которых наши пращуры скалывали правильные треугольных очертаний пластины. Из них человек изготавливал ножи, наконечники копий и другие изделия. Такие нуклеусы — пластины известны в Средней Азии, на Кавказе и Ближнем Востоке. А родиной этих орудий считается Франция. Выходит, первые люди пришли на территорию Монголии откуда-то с запада? Возможно, из Средней Азии или с Кавказа? Одна загадка неожиданно потянула за собой другую. Было ясно, что ответ на эти загадки могут дать только другие находки. И мы выехали в Кобдо, где, по нашим сведениям, есть древние поселения человека.

Путь от Баян-ульги до Кобдо был трудным. Нещадно палило солнце. Воздух, казалось, застыл. Машина с большим трудом тащилась по горной дороге. Иногда, при подъемах и особенно на перевалах, приходилось останавливаться, потому что мотор перегревался настолько, что закипал радиатор. Но зато долина Кобдо встретила нас зеленью и свежестью. После раскаленной пустыни река казалась просто раем.

Отдохнув немного после дороги, мы начали обследовать окрестности. И нас снова ожидала удача. В нескольких местах вокруг города Кобдо мы обнаружили мастерские по обработке камня. Человек жил в этой долине на протяжении нескольких десятков тысяч лет. На площади в пять-шесть квадратных километров мы собрали сотни

скребел и рубящих орудий, заостренных двумя-тремя сильными ударами; нашли галечные нуклеусы, применявшиеся, по-видимому, как ножи или наконечники для копий. Человек, очевидно, не очень берег свои орудия: кругом было столько пригодного для обработки камня, что он мог изготовить себе новое в любое время. Возраст самых древних нуклеусов, по предварительным данным, оказался не менее 100 тысяч лет.

В районе Кобдо мы нашли много памятников, относящихся к более позднему времени. Очень много здесь было курганов бронзового и железного веков.

Особый интерес представляли наскальные изображения. Одно из самых замечательных мест, где мы обнаружили массу наскальных рисунков, находится в двадцати километрах от Кобдо, на левом берегу реки Буйант-гол, впадающей в озеро Хара-ус-нур, что по-русски означает Озеро черной воды. На левом берегу реки одиноко поднимается среди ровной степи небольшая скала. Одна ее сторона круто опускается вниз и блестит на солнце словно зеркало, на всей ее черной гладкой плоскости выбиты рисунки.

Чаще всего древние художники изображали лошадь. Она показана и в стремительном беге,

В западной части Монголии нередко можно встретить вот такого воина...

А эти знаки пока загадка.

и отдыхающей после долгого изнурительного пути, с бессильно опущенной мордой.

По технике исполнения можно было выделить рисунки двух типов. Одни были сделаны сплошной выбивкой, другие — контурные. Изображения лошадей выполнены точной рукой мастера: соблюдены все пропорции, тщательно выбита холка, круп, длинный пушистый хвост. На некоторых композициях изображены всадники.

Кроме лошадей мы обнаружили изображения козлов и быков. В рисунках быков древние художники мастерски сумели передать их массивность, медлительность и свирепость. А козлы поражали своей грацией и воздушностью. Особенно тщательно были выбиты у них рога. У некоторых животных рога закручивались в тугую спираль. В одной композиции был изображен мифический козел, у которого вместо рогов была изображена лестница. По этой лестнице, согласно древним легендам, можно было подняться на небо к солнцу.

Рисунки уникальные по выразительности и своей художественной ценности. Но скопировать их было не так-то просто. Скала была почти отвесная и гладкая. Только в некоторых местах на ней виднелись трещины. Под палящими лучами солнца камень раскалился, и даже легкое прикосновение вызывало ожоги. Можно только позавидовать титаническому упорству и терпению древних художников. Для того чтобы выбить один рисунок, требовалось не день, не два. А изображений здесь — десятки. Сколько же потребовалось времени, чтобы создать эту удивительную картинную галерею каменного века?

Но, оказалось, главные находки нас ждут впереди.

Еще в Кобдо, в музее, А. Окладников обратил внимание на копии с рисунков одной из пещер недалеко от Манхан-сомона: какие-то огромные замысловатые птицы, быки, козлы с причудливо изогнутыми рогами, верблюды,

Некоторые рисунки были выполнены красной краской.

Алексей Павлович Окладников вспомнил, что подобная пещерная живопись обнаружена на Памире. Но Памир от Монголии не менее далек, чем Кавказ. Выходит, случайное совпадение?

На общем совете было решено обязательно побывать в пещерах Манхан-сомона, так как рисунки, вывешенные в музее, были перерисованы не специалистами. Они были сделаны на глаз, без точного соблюдения пропорций, и делать по ним какие-то выводы было, конечно, нельзя.

В Манхан-сомон мы приехали вечером.

Главная достопримечательность этого сомона — большой зеленый парк. Вырастить дерево в Западной Монголии можно с большим трудом, ухаживая за ним каждый день. А здесь, среди песков, под палящими лучами солнца зеленели такие милые сердцу белоствольные березки, топорщились хвоей лиственницы и ели. И особенно нас поразила густая, высокая трава. Общее настроение выразил наш художник Слава Жалковский: «Вот бы поваляться!»

На следующее утро, пораньше, мы выехали к пещере. Машина то поднималась, то опускалась по крутым горным дорогам. Наконец подъехали к широкой долине речки Хойт-Цэнкер. С обеих сторон долины поднимались красноватые, обожженные солнцем горы с редкими чахлыми кустиками. Ни дорог, ни тропок. Мы целиком теперь зависели от мастерства и интуиции шофера. Казалось, мы не ехали, а плыли по штормовому морю. Но вот на правом берегу речки показалось черное отверстие пещеры. Она была на высоте ста метров от подошвы горы. К пещере можно было добраться только по крутому, почти отвесному склону. Понадобилась поистине альпинистская цепкость, чтобы подняться на эти сто метров.

Вход. У входа пол завален громадными глыбами когда-то рухнувшего свода. И сразу же, буквально от «порога», дно пещеры круто уходило вниз, а потолок поднимался в виде гигантского купола.

Как только мы двинулись в глубь пещеры, в воздух поднялось облако ядовитой пыли: на дне пещеры лежали многометровые толщи голубиного помета — гуано, который употреблялся кожевниками для выделки кожи особого качества — сафьяна. И до недавнего времени эта пещера обеспечивала мастеров по выделке сафьяна на многие сотни километров вокруг.

В глубине пещеры было темно. Поэтому не удивительно, что первые исследователи не могли точно скопировать рисунки. Собрали «военный совет»: как быть? Мало того, что мы в этой темноте не сможем снять точные копии, многое можем пропустить. И тут неожиданный выход подсказал нам шофер Стасик: «Аккумуляторы!» Но затащить тяжелые аккумуляторы на стометровую высоту было не так-то просто. Тем более, разбейся хоть один из них — и нам надолго пришлось бы застрять в этом довольно неуютном месте.

Аккумуляторы подняли с величайшими предосторожностями.

Через два часа все было готово к работе. Включили свет, и начались тщательные поиски рисунков. После того как находили какой-нибудь рисунок, все предлагали свою трактовку. Рисунки были нанесены краской, и некоторые места настолько сильно поблекли или затекли различными

Жил когда-то могучий хан... Впрочем, по этому «портрету» трудно представить его облик.

ми солями, что расшифровать рисунок без определенной дозы фантазии было невозможно. Поэтому расшифровывали коллективно. Но решающее слово принадлежало Алексею Павловичу Окладникову.

Потом наш художник Слава осторожно обводил рисунок мелом, чтобы его можно было снять на полупрозрачную бумагу — кальку. Рисунки располагались в своеобразных нишах. Древним художникам приходилось рисовать, по-видимому, лежа в неудобном положении. В некоторых местах мы обнаружили сплошное переплетение своеобразно стилизованных фигур животных — лошадей, козлов, быков, птиц. Особое внимание привлекла одна композиция, нарисованная красной краской. В ней было несколько изображений горных козлов в самых различных позах. Одни фигурки — в стремительном беге, другие — готовы к головокружительному прыжку, третьи — в спокойной, свободной позе.

В этой коллекции нас поразили изображения больших птиц с массивным телом и длинной изогнутой шеей, а также рисунки могучих животных с хорошо выраженным длинным хоботом. Изображения птиц удивительно напоминали страусов. А животное с хоботом? Конечно, это слон! Но страусы в Азии, как считают некоторые ученые, изучающие древнюю фауну, вымерли около миллиона лет назад. Правда, некоторые палеонтологи считают, что эти гигантские птицы жили на территории Монголии и в Забайкалье еще 15—20 тысяч лет назад. Позднее ни слоны, ни страусы в Центральной Азии жить не могли никак. Но это значит, что рисунки сделаны не позднее 15-го

тысячелетия и относились к верхнему палеолиту! Это новое открытие потрясло нас.

Прекрасные палеолитические пещерные росписи известны были до недавнего времени только в Северной Испании и Южной Франции. Только Запад считался родиной искусства. И действительно, всех поражали красочные и яркие росписи пещер Алтамыры, Ляско, де Гом... Во Франции, кроме того, находили великолепные скульптуры людей, животных, птиц. Палеолитическое искусство Франции вошло во все учебники по археологии. Никто даже и не предполагал до недавнего времени, что и Азия тоже может дать произведения искусства, не уступающие западно-европейским! Правда, Центральная Европа уже уступила свой приоритет Сибири и Уралу: на Ангаре найдены великолепные скульптурные изображения женщин, птиц, изображения мамонта, а совсем недавно в Каповой пещере на Южном Урале О. Бадером и А. Рюминым открыты великолепные пещерные росписи. И вот, наконец, Центральная Азия... И здесь были свои Рафаэли!

Конечно, ни олон-нуурские нуклеусы, ни бунт-гольские наскальные рисунки, ни хойт-цэнкерская пещерная живопись еще не доказательство того, что родиной человека была Центральная Азия. Но уже тот факт, что наши последние находки имеют возраст не менее 15—20 тысячелетий, говорит за то, что цивилизация не распространялась из какого-то одного места на земном шаре, а развивалась параллельно и в Европе, и в Азии. А спор между Э. Геккелем и В. Обручевым еще предстоит решить.

А. ДЕРЕВЯНКО, археолог

ЖЕЛЕЗНЫЙ МАКСИМ

Сейчас я уже не помню, откуда к нам в отряд прибыли три моряка. Держались они всегда вместе — и в бою, и на отдыхе. В то время у нас ни у кого еще не было комсомольских значков — где их возьмешь в лесу? — а эти моряки их носили с гордостью, как носят ордена. Храбрости им всем троим было не занимать, но особенно запомнился мне один из них — Максим Филенко.

Наша бригада вела бои за населенный пункт Тартак и переправу через речку с тем же названием. Мы выделили группу в помощь бригадной разведке. В эту группу вошли и трое морячков-комсомольцев. Они еще не отправились на задание, когда из-за леса ударили немецкие шестиствольные минометы, и Максиму осколком оторвало кисть левой руки. Он пытался зажать рану здоровой рукой, но кровь продолжала хлестать сквозь пальцы. К Максиму подбежала медсестра Анастасия Булух и стала делать перевязку.

Прошло три дня. Немцы предприняли энергичные действия против партизанской бригады.

Завязался жаркий бой, в котором полегли многие наши товарищи. Погибли и оба друга Максима Филенко.

А сам он... Право, я сперва даже не поверил глазам, когда в разгар боя увидел рядом его самого с пистолетом в руке.

Я было напустился на него, потребовал немедленно вернуться в санчасть, но Максим ответил спокойно:

— Здоров я, политрук. Мне сделали операцию, — он кивнул на забинтованную культю. — Не могу больше отлеживаться — за братишек должен отомстить гадам...

Я не успел ему ответить, как опять зачавкали немецкие шестиствольные минометы. Мы оба залегли. Послышался леденящий душу вой. Но взрыва мины я не услышал. Когда пришел в себя, то увидел опрокинувшегося на спину Максима. Осколком ему распорол живот.

— Максим! — закричал я.

Он приподнял голову. Взгляд его упал на пряжку от ремня, отрезанную, видимо, тем же

РАССКАЗЫВАЮТ ДОКУМЕНТЫ...

Эти документы, хранящиеся в Центральном государственном архиве РСФСР и архивах Свердловской области, рассказывают об интересных событиях, происходивших на Урале в 1919—1920 годах.

Березовский комитет РКП(б) 14 декабря 1920 года сообщал: «...Устроено общее собрание родителей в 1-й школе, на котором преподаватели и инспекторы объяснили важность проведения «Недели ребенка». Было прочтано несколько статей и газет, журналов, относящихся к субботникам... Произведено обследование учащихся: кому нужна одежда, обувь и так далее. Школой был проведен субботник, где участвовали сами учащиеся, был произведен сбор подарков. Итоги сборов: овощей 12 пудов, бумаги 586 листов, перьев 126 штук, резинок 1, чернил 4 флакона, чернильниц 10 штук, грифелей 2, ручек 14, ниток 8 мотков, мяса 2 фунта, сметаны 2,5 фунта, творогу 1,25 ведра, молока 2 ведра, луку 2 фунта, капусты 0,5 ведра, денег 23899 рублей, напилено дров 3375 сажень, очищено 6 дворов, приютов и садов, вывезено 9 возов навоза. Пошито белья для детей: платья 27, рубашек 23, штанов 24, юбочек 4... Неделя в разгаре...»

Из отчета Карельской партячейки РКП(б) Аятской волости Екатеринбургского уезда от 19 января 1920 года: «...По инициативе председателя комитета Лузина 18 января 1920 года устроен субботник по резке дров у жены красноармейца Я. Д. Уфимцева — Настасьи Дмитриевны, и по уборке снега с крыш у жены красноармейца Е. И. Чеснокова — Прасковьи Гурьяновны. В субботниках участвовало 13 человек».

Крестьяне села Благовещенского Екатеринбургской губернии на общем собрании приняли резолюцию: «Заслушав доклад «О Международной детской неделе и организации пионеров», мы, крестьяне села Благовещенское, постановили: приветствовать эту организацию и воспитывать через эту организацию своих детей, чтобы они были культурными, здоровыми и физически развитыми...»

В сентябре 1920 года Екатеринбургский губернский отдел народного образования разослал циркуляр. В нем говорилось: «Дорогие товарищи! В трудных условиях приходится нам начинать учебный год. Нет чернил, карандашей, перьев, недостает книг, бумаги и так далее. Война не дала возможности заготовить для школ все необходимое. Тяжело будет работать в школе, но не следует опускать руки. Надо все силы на местах приложить к тому, чтобы приготовить необходимое для школ домашним способом. Многие можно сделать в деревне...»

осколком. Он взял ее здоровой правой рукой, протянул мне:

— Возьми, политрук, на память. Она счастливая. А я, видимо, на некоторое время отвоевался,— он посмотрел на меня и попытался улыбнуться: — Зря ты, политрук, ругался...

Ему повезло: как раз в эти дни у нас в бригаде находился хирург капитан Кругман. Он и оперировал Максима.

— Поразительная выдержка у этого моряка,— сказал он мне на другой день.— Прямо-таки железный человек.— Помолчав, капитан добавил: — Будет жить.

Через некоторое время Максима Филенко (отчество его я, к сожалению, не помню) отправили самолетом на Большую землю. Больше нам встретиться не довелось.

В разговорах с товарищами по отряду Максим часто повторял слова: «У нас на Урале...» Может быть, после войны он вернулся опять на Урал?

Где ты, Максим? Может быть, отзовешься? Слышишь: я до сих пор храню пряжку от твоего флотского ремня!

А. НЕКРАСОВ, бывший политрук первого отряда
Лепельской партизанской бригады.
Целиноградская область

И далее давались практические советы по приготовлению школьных пособий, чернил, карандашей, перьев.

«Первый способ. Берутся вполне спелые ольховые шишки (черные), кладут в чугунок и заливают водой до краев. Закрытая плотно сковородой или плитой, чугунок ставится в вольный жар русской печи. На другой день шишки выкидываются и этим же настоем заливают новые шишки, которые варятся также в течение суток. Затем настой процеживается, и чернила готовы. Прибавить в этот настой чайную ложку на бутылку (пол-литра) медного купороса — получают черные чернила, не хуже фабричных.

Второй способ. Процесс приготовления тот же, только с ольховой засушкой коры (красные чернила).

Перья для письма. Гусиные и индюковые перья зачинить острым ножом... Заостренный конец расколоть острым ножом, как у стального пера.

Карандаши. Тонким брусочкам из липы, ивы и сосны придается форма карандаша. Затем эти брусочки кладутся в чугунок и засыпаются сухим песком до краев. Чугунок плотно закрывается и ставится в русскую печь в самый дальний угол за дрова. На другой день чугунок вынимается, и карандаши готовы.

Изготовленные таким способом карандаши немногим уступают фабричным».

Подготовил Б. КОКОУЛИН

Дорогой „Следопыт“!

Спасибо тебе за то, что ты помог нам разыскать место погребения нашего дедушки, командира отделения 1-го эскадрона 98-го кавполка Бабайлова Андрея Кузьмича, погибшего на фронте в 1942 году. Мы, его внуки, побывали прошедшим летом в Чудовском районе Новгородской области, принесли на его могилу немного родной уральской земли. Костылевское кладбище, где похоронен дедушка и другие войны Советской Армии, погибшие при защите Новгородской земли, содержится в образцовом порядке. Местные жители присматривают за могилами, поправляют надписи, высаживают цветы.

По дороге к кладбищу жительница деревни Коломна (того же Чудовского района) рассказала нам, как ученицы Селищенской школы Таня Сафонова, Нина Петросова и Надя Шамкина нашли в 1967 году возле деревни Коломна, в болотном мху, кусок оцинкованного железного листа, видимо, от ящика из-под патронов. На его изъеденной ржавчиной поверхности сохранилась надпись: «Здесь похоронен красноармеец Часовской Ефим Иванович, 1916 года рождения, погибший в боях с немецкими оккупантами 26—VII—42 года».

9 Мая 1967 года, в День Победы, прах Е. И. Часовского был перенесен на деревенское кладбище.

Кое-что узнали мы и об обстоятельствах гибели нашего дедушки и Е. И. Часовского.

На правом берегу реки Волхова, в болотах, была окружена наша Вторая ударная армия, которую предал Власов. Видимо, 98-й кавполк нашего деда и часть, в которой сражался Часовской, вырвались из окружения. Местные жители говорят, что окруженные не имели продовольствия, боеприпасов. Слабые пошли за Власовым, а настоящие герои во главе с комиссаром армии Гусевым выбрали смерть, но не подлую измену.

Вместе с нашим дедушкой похоронен Елфимов С. П., 1913 года рождения, погибший в том же 1942 году. Его, наверно, тоже ищут родные.

Вова БАБАЙЛОВ

ПО СЛЕДАМ ФИЛЕАСА ФОГГА

Печатаемая в седьмом номере «Второе путешествие Филеаса Фогга», мы предложили читателям определить: какими «пособиями» воспользовался автор «опыта»?

Вот первоисточники этого шуточного материала:

Машина времени — одноименный роман Г. Уэллса;

электромобиль «с перепрыгом» — «Девушка у обрыва» В. Шефнера;

Стандарт-Айленд — «Плавучий остров» Ж. Верна;

летательный аппарат — «Гость из бездны» Г. Мартынова;

волноход — «Создан для бури» Г. Альтова;

«иисуски» и летательные крылья — «Мы — из Солнечной системы» Г. Гуревича;

водяные коньки — «Скромный гений» В. Шефнера;

самодвижущиеся дороги — «Возвращение» А. и Б. Стругацких;

подводный туннель — «Арктический мост» А. Казанцева;

установка для телепортации человека — «Скандалный случай с мистером Скоундрэлом» И. Калиновского.

Главные герои — Филеас Фогг и верный спутник его Паспарту — взяты из романа Ж. Верна «Вокруг света в восемьдесят дней».

Кстати, этот роман Жюль Верна имел весьма примечательную судьбу. Давайте вспомним о ней.

Десятому роману Жюль Верна — «Вокруг света в восемьдесят дней» — с самого начала сопутствовал необыкновенный успех.

Филеас Фогг, подгоняемый жесткими сроками, мчался из города в город, из страны в страну... и тираж парижской газеты «Ле Тан», где первоначально — в ноябре-декабре 1872 года — печатался этот роман, неудержимо рос от номера к номеру. Читателя, традиционно полагавшего, что на кругосветное путешествие требуются многие месяцы (если не годы!), завораживало, властно брало в плен и название романа, и само намерение хладнокровного англичанина совершить такое путешествие в восемьдесят дней. Кроме того, действие романа — очевидно, вовсе не случайно — разворачивалось именно в последние месяцы этого же, 1872 года, — роман читался как репортаж о действительных событиях! И — как читался! Последние новости об этом сенсационном путешествии ежедневно сообщали по телеграфу в Нью-Йорк американские корреспонденты. И уже в ноябре роман Жюль Верна начал печататься в переводе на русский язык в журнале «Русский вестник».

...Вот и Азия осталась позади, и Япония, и Тихий океан. Не без приключений, но вполне успешно пересек Филеас Фогг американский континент. И тут читающая публика с волнением узнала, что пароход, на котором путешественник рассчитывал вернуться в Англию, покинул Нью-Йорк за сорок пять минут до того, как Филеас Фогг появился в порту. Опоздаль!

На помощь Филеасу Фоггу поспешила американская судоходная компания: она предложила Жюлю Верну крупное вознаграждение, если тот «перевезет» своего героя через Атлантику на лучшем из ее пароходов. Еще бы, такая реклама вполне окупала выделяемые на нее средства! Однако Филеас Фогг предпочел приобрести на собственные деньги «Генриетту» — пароход с железным корпусом, но деревянными надстройками. Эти деревянные надстройки оченьгодились путешественнику в его последний морской переходе!

Двадцать второго декабря «Ле Тан» известила своих читателей: Филеас Фогг, уже смирившийся с неудачей, все-таки выиграл пари! Он появился в Реформ-клубе точно в срок, — в минувшую субботу, двадцать первого декабря, ровно в восемь часов сорок пять минут вечера!

Чудесный способ, при помощи которого Филеас Фогг приобрел «лишние» сутки и тем посрамил коварную судьбу, вызвал во французской печати оживленную научную дискуссию: И эта дискуссия, в свою очередь, немалое способствовала популярности романа. В начале 1873 года он вышел отдельным изданием, почти тотчас последовали переводы на многие европейские языки. В одной только России в том же 1873 году роман Жюль Верна вышел в трех разных переводах!

И не улеглась еще первая волна споров, дискуссий, восторженных отзывов о романе, как в театре Порт-Сен-Мартен началась подготовка к премьере спектакля-феерии «Вокруг света в восемьдесят дней». Это было, по свидетельству парижского корреспондента «Отечественных записок», своеобразное «сценическое нововведение, ряд этнографических картин, что-то вроде волшебной-географической сказки, имеющей целью *пучать, развлекая*... На пьесе уже стали появляться пародии — несомненный признак успеха».

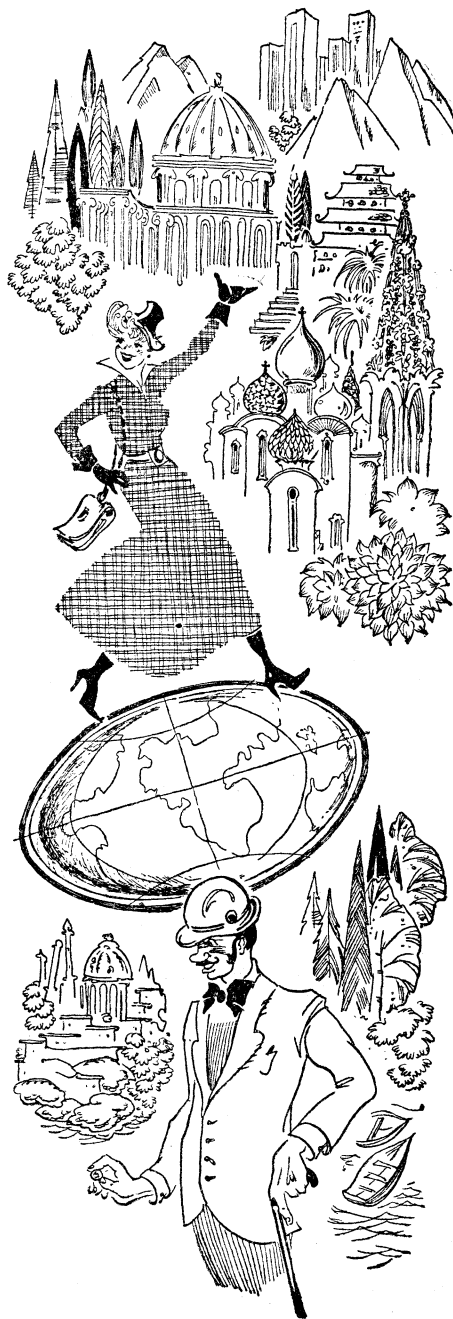
Пьеса выдержала 400 представлений подряд. В июле 1875 года ее посмотрел и русский писатель Н. С. Лесков, писавший сыну: «...это такое представление, что глаз не отведешь». Оно и не удивительно, ведь по сцене «проплывал» небольшой пароход, проходил поезд с локомотивом, перед зрителями появлялся живой индийский слон... 2250 раз была сыграна пьеса на парижской сцене в течение 1874—1938 годов! С неизменным успехом шла она десятилетиями и в театрах Петербурга и Москвы.

Пьеса о «путешествии, проделанном с максимальной быстротой», ставилась в театрах, роман издавался и переиздавался, и оставалось у них прежнее название: «Вокруг света в *восемьдесят* дней». А земной шар между тем продолжал «уменьшаться»: все быстрее становились пароходы и поезда, все гуще опутывали планету линии железных дорог и трассы регулярных морских рейсов, все налаженнее и четче работал этот огромный механизм всепланетного транспорта.

Уже в 1899 году молодая американка Нелли Блай, репортер нью-йоркской газеты «Солнце», объехала вокруг света за семьдесят два дня. «Я не сомневался в успехе мисс Нелли Блай. Ура в ее честь!» — приветствовал путешественницу верный себе фантаст. Жюль Верн неоднократно писал и заявлял устно, что «все, что человек способен представить в воображении, другие сумеют претворить в жизнь».

Два года спустя, в 1891 году, американская журна-

листка еще дважды совершила кругосветное путешествие — за шестьдесят семь и шестьдесят шесть дней. В 1901 году француз Гастон Стиллер проделал то же самое в шестьдесят три дня. Максимально быстрые кругосветные путешествия превращались в своеобразный спорт, причем достижения в этом «новом марафоне» всякий раз широко освещались прессой.

В 1911 году новый рекорд во времени — 40 дней 5 часов 42 минуты — установил еще один француз, Андре Жагер-Шмидг. Но и этот «сногшибательный» рекорд продержался недолго: в 1914 году американец Джон Генри Мирс объехал земной шар всего лишь в 35 дней 21 час и 35 минут! Между тем, «условия поездки Мирса были далеко не благоприятны», — утверждал корреспондент старого «Вокруг света». Так, «около Екатеринбурга произошел разрыв пути, задержавший поезд на 18 часов. Только благодаря содействию железнодорожных чинов путешественнику удалось наверстать утерянное время и подоспеть в Иокогаму к отходу почтового быстроходного парохода...»

Счет времени уже, как видим, пошел с точностью до часов и минут: развивалась техника, росли скорости, и путешествие все больше и больше превращалось в поездку...

В 1959 году пятнадцатилетний Клод Ласс, правнук Жюль Верна, совершил «кругосветку» за восемьдесят часов. А еще через два года первый космонавт Земли Юрий Гагарин затратил на облет нашей планеты восемьдесят минут. После этого рекордсменам кругосветных путешествий не оставалось ничего иного, кроме как обратиться к заведомо устаревшим видам транспорта: такие путешествия совершаются ныне на автомобилях, велосипедах, в дедовских фургонах, наконец, самым примитивным способом — пешком...

Литературные произведения, в силу тех или иных причин вызвавшие определенный общественный резонанс, нередко становятся объектом для подражаний: иногда — неосознанных и потому сугубо «серьезных», чаще — шуточных, пародийных.

О пародиях на пьесу по роману Жюль Верна уже упоминалось в приведенной нами цитате из «Отечественных записок». Продолжим эту цитату. «На одном театре дают «Путешествие вокруг света в восемьдесят минут», а на другом — «Путешествие вокруг света в восемьдесят ночей...» — писал корреспондент журналу, ничуть не подозревая, конечно, о том, что по крайней мере название первой из этих пародий неожиданно окажется воистину пророческим.

Не заставили себя ждать и подражания роману.

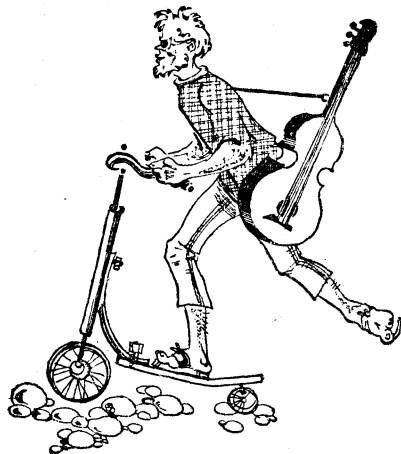
Вскоре после путешествий Нелли Блаи итальянец Улисс Гриффони написал роман «Вокруг света в тридцать дней». Некий американец, герой этого романа, более чем в два раза превышал рекорд Филеаса Фогга. И последний умирал от огорчения, узнав об этом...

В 1908 году в журнале «Природа и люди» появилось — в переводе с французского — еще одно подражание Жюль Верну: роман Поля д'Ивуа «Вокруг света с гривенником в кармане». На этот раз герою, журналисту Лавареду, по завещанию отходит многомиллионное наследство. Но... лишь в том случае, если он сумеет объехать вокруг света «зайцем», с пятью су в кармане. (Французское издание романа так и называлось: «Пять су Лавареда».) И вот журналисту приходится хитрить, изворачиваться, не брезговать даровыми обедами...

А в 1911 году «Вокруг света» начал печататься с продолжением роман Роберта Крафта «На автомобиле вокруг света», тоже явно навеянный романом Жюль Верна...

Впрочем, Жюль Верн, всегда склонный к иронии и шутке, и сам предвидел возможность появления «вариантов и вариаций» своего шумно знаменитого романа. Предвидел и, в свою очередь, иронизировал над ними.

В его романе «Клодиус Бомбарнак», опубликованном в 1892 году, среди пассажиров экспресса Россия — Пекин есть незадачливый немецкий барон с «несклоняемой» фамилией Вейшнитцердёрфер, мечтающий постра-

мить всех прежних рекордсменов: объехать земной шар за тридцать девять дней. Честолюбивому сонска-телю рекордов удастся осуществить свое намерение. Но лишь наполови-ну: все путешествие он заканчивает... на сто восемьдесят седьмой день!

И, наконец, еще один любопытный факт из «послужного списка» знамени-того романа, связанный на этот раз с именем... Льва Толстого.

Из воспоминаний современников нам известен восторженный отзыв писателя о французском фантасте: «Романы Жюль Верна превосходны! Я их читал совсем взрослым, и все-таки, помню, они меня восхищали. В построении интригующей, захватывающей фабулы он удивительный мастер. А послушали бы вы, с каким восторгом отзывается о нем Тургенев!...»

В середине семидесятых годов в семье Толстых были часты вечерние чтения. Наступал вечер, дети окру-жали Льва Николаевича, и тот про-читывал им одну-две главы из новой книги необычайно популярного в те годы Жюль Верна.

Привезенный из Москвы новый ро-ман — «Вокруг света в восемьдесят дней» — оказался без иллюстраций, и это, очевидно, разочаровало юных слушателей. И тогда...

«Тогда папа начал нам иллюстри-ровать его сам,— вспоминал И. Л. Толстой.— Каждый день он готовил к вечеру подходящие рисунки, и они были настолько инте-ресны, что нравились нам гораздо больше, чем те иллюстрации, кото-рые были в остальных книгах...»

Рисунки были в основном нари-сованы пером, на небольших листках бумаги, и были, конечно, далеко не профессиональны. И все же герои ро-мана Жюль Верна на рисунках Льва Николаевича Толстого — живые люди, настроение которых в различ-ные моменты — различно.

«...Отец совсем не умел рисовать, а все-таки выходило хорошо, и мы все были страшно довольны. Мы с нетерпением ждали вечера и всей кучей лезли к нему через круглый стол, когда, дойдя до места, которое он иллюстрировал, он прерывал чтение и вытаскивал из-под книги свою кар-тинку».

Всего сохранилось семнадцать на-бросков Л. Толстого к роману Жюль Верна. Некоторые из них приведены на этой странице.

В. БУГРОВ

Рисунки: Е. Стерлиговой

Рисунки Л. Н. Толстого к роману

Жюль Верна «Вокруг света

в восемьдесят дней»

"Винтажи!" сержант

Un verre de gin. H. Pangard! - Voltaire H. Fie

Mes souhaits! s'écrit Pangard

ОПЕРАЦИЯ НА СОВЕСТИ

Фантастический рассказ-памфлет

Д. БИЛЕНКИН

Рисунки Ю. Ефимова

В больничной приемной было тихо, тепло и светло. Храм чистоты и порядка, где даже никелированная плевательница на высоких ножках имела вид жертвенника, воздвигнутого в честь гигиены.

Напротив Исменя, вскинув голову, как офицер на параде, сидел усатый человек с немигающими темно-кофейными глазами. Фаянсовая белизна воротничка туго стягивала его морщинистую шею. К плечу усатого жался худенький мальчик с прозрачным до голубизны лицом. Над их головами простирался плакат: «Духовное здоровье — залог счастья». Другие плакаты возвещали столь же бесспорные истины, и за всеми этими правильными словами скрывалась ложь, ложь и ложь.

«И-и-ы!» — тоненько присвистнуло за дверью, которая вела в операционную.

Рука сына испуганно шевельнулась в ладони Исменя.

— Пап, а больно не будет?

— Не будет, я же тебе говорил, — привычно успокоил Исмень.

— Они могли бы поторопиться, — сказал усатый, ни к кому не обращаясь.

Исмень наклонил голову, чтобы выражение лица не выдало его мыслей. С каким наслаждением он взял бы этого ду-

рака за фаянсовый воротник и бил бы его затылком о стену, пока не вышиб из него все тупоумие!

Глупо. Все они соучастники преступления, он сам — вдвойне, потому что знает, но молчит. Этот усатый по сравнению с ним невинней невинного, ибо ни о чем не догадывается, хотя мог бы сообразить и должен был сообразить, если только у него действительно есть разум. Впрочем, в такие, как сейчас, времена многие наоборот стараются избавиться от разума, потому что это слишком опасно — выделяться среди других. Торжество самопредательства — вот как это называется.

За наружной дверью послышался семенящий стук каблучков, дверь распахнулась, и в приемную, волоча за собой золотоволосую девочку, вплыла дождная дама в узкой юбке до пят.

— Уж-ж-жасно! — пророкотала она, обводя взглядом мужчин. — И здесь очередь! Кто последний?

— Я, — сказал Исмень, приподнимаясь. — Но если вы торопитесь...

У него был свой расчет. Чем утомленней будут врачи, тем легче ему удастся осуществить замысел.

— Вынь палец из носа! — прикрикну-

ла дама на девочку, опускаясь на диван и одновременно поправляя прическу.— Уж-ж-жасно тороплюсь!

— В таком случае рад уступить вам очередь.

— Я тоже не возражаю,— поклонился усатый.

— Весьма признательна! Нюньсик, ты никак хочешь плакать? Нюньсик, посмотри на мальчиков, как тебе не стыдно! Дядя-врач прогреет тебя лучами, и у тебя никогда-никогда не будет болеть голова... Ведь правда? — она обернулась к Исменью.

— В некотором смысле — да,— согласился Исмень.

В некотором смысле это была правда. У золотоволосой Нюньсик, у мальчика с прозрачным до синевы лицом, у миллионов детей, у всех детей, когда они вырастут, не будет болеть голова от несправедливости, ужасов лжи, от сострадания к другим людям. Растоптать человека им будет все равно, что растоптать червяка. Равнодушные среди равнодушных, они возопят лишь в то мгновение, когда несправедливость коснется их самих. Но помощи они не сыщут, потому что сами не оказывали ее никому и никогда.

Исмень украдкой взглянул на сына, и сердце ему стиснула такая боль, что в глазах потемнело от ненависти. Здесь, где чисто, тепло и светло, ребятишки доверчиво жмутся к своим отцам и матерям — самым сильным, самым мудрым людям на свете,— как будто предчувствуют недоброе и ищут защиты у тех, кто их всегда защищал. А они, эти взрослые — добрые, неглупые люди,— сами, своими руками втолкнул их в это страшное будущее.

Дверь операционной приотворилась, выглянул врач с унылым продолговатым лицом и, не глядя ни на кого, буркнул:

— Следующий.

Дама поднялась и, прошелестев юбкой, двинулась было к врачу, однако девочка, внезапно присев, крикнула: «Нюньсик не хочет!» — и быстро-быстро замотала головой, скользя полусогнутыми ногами по пластику пола.

— Нюньсик! — трагическим голосом воскликнула мать.— Сейчас все будет в порядке,— она оборотительно улыбнулась врачу и, погрозив девочке пальцем, громко зашептала ей на ухо: — Будь умницей, Нюньсик, встань, вытри слезки,

мамочка купит тебе новую куклу, а Нюньсик сама пойдет ножками топ-топ...

Нюньсик, бросив на мать торжествующий взгляд, тотчас вскочила, поправила взбившуюся юбочку.

— Великолепно, мадам,— сказал врач.— Ваша дочь действительно умница, и вам не обязательно присутствовать при процедуре. Будьте, однако, здесь на случай капризов.

Он машинально погладил золотистую головку девочки, и дверь за ними захлопнулась.

Дама села на диванчик с горделивым видом, который лучше всяких слов вопрошал: «Ну, каково я воспитала ребенка?»

Исмень прикрыл глаза, чтобы ее не видеть.

В глубине души он завидовал неведению этих людей. Им сказали, что маленькая и безболезненная профилактическая операция навеки избавит их детей от угрозы шизофрении, и люди эти, конечно, поверили. Обыватель настороженно относится ко всему, что затрагивает его будничные интересы, но тем охотней он полагается на мнение авторитетов о вещах ему незнакомых и от него, как он считает, далеких. О сложностях большого мира он думать не умеет, да и не хочет, поэтому всем решениям он предпочитает простые и однозначные — они понятней. В свое время ему сказали, что страной, если не принять мер, завладеет коммунизм, и он с готовностью проголосовал за «чрезвычайные законы», которые на деле отменяли всякую законность. Потом «для его же блага» заткнули глотку всем инакомыслящим, и это его даже обрадовало — раз нет крикунов, значит, нет и проблем! Вот чем все это кончилось: со спокойствием барана обыватель ведет своих детей на духовную кастрацию.

И поздно что-либо изменить.

Исмень живо представил, каким ужасом округлились бы глаза этой дамы, каким вернопопданническим гневом затрясся бы усатый, вздумай он просветить их. Эти добропорядочные обыватели скорей всего позвали бы полицию, и дама с благородным возмущением толковала бы о мерзавце, который вздумал клеветать — вы только подумайте! — на заботу властей о здоровье их детей.

— Дети наш крест и наша тихая радость,— разглагольствовала тем време-

нем дама.— Вы не представляете, каких нервов стоит уберечь ребенка! Не далее как вчера,— нет, это ужасно! — какой-то хулиган едва не сбил Ньюнсика с ног. Прямо на улице! Я чуть не выцарапала глаза негодяю... Чем занимается наша полиция, я вас спрашиваю? Чем? Почему не сажают этих патлатых молодчиков?

— Мадам,— усатый вдруг повернулся к ней, и его туго накрахмаленный воротничок, казалось, скрипнул от напряжения.— Нас предупреждали, мадам, что разговоры в приемной мешают врачам.

Дама побагровела от обиды и величественно замолкла.

В помещении сгустилась напряженная тишина.

Легкий скрип двери заставил Исменя вздрогнуть.

Но это была всего лишь Ньюнсик. Не было заметно, чтобы операция причинила ей какое-нибудь беспокойство. С радостным писком она пулей пересекла комнату и сразу же попала в пышные объятия матери, которая внезапно превратилась в обыкновенную клушку, суетливо хлопочущую над потерянным и вновь найденным цыпленком.

— А я была умница, а ты дай мне новую куклу! И мороженое!..

— Следующий! — донеслось из-за приоткрытой двери.

Усатый встал, как на шарнирах, неловко прижал к себе мальчика, отстранился.

— Ну, иди...

И пока тот шел, вяло перебирая ногами, усатый все смотрел ему в спину. За мальчиком закрылась дверь. Усатый обернулся, его глаза на мгновение встретились с глазами Исменя, и Исмень чуть не вскрикнул — такая в них была волчья, глухая тоска.

Усатый молниеносно потушил взгляд, закашлялся и сел, ни на кого не глядя.

Так он знал! Пол закачался под Исменем. Усатый бесспорно знал. Может быть, и дама знала!? Все они все знают? Шли, зная, что ждет их детей, что ждет их самих, и все-таки шли! Убежденные, что так надо. Убежденные, что ничего не изменишь. Скванные страхом, пылающие верой,— шли! Неся маски на лицах,— шли!

— Кхе...— сказал усатый.

70 Исмень с надеждой вскинул голову. Дама ушла, они одни, одни...

Однако ничего не случилось. Усатый сидел, строго выпрямившись, как памятник самому себе. Если что и было теперь на его лице, так это — долг и смирение.

Исмень опустил голову. Нелепой была надежда, что здесь, где по углам наверняка запрятаны микрофоны, будут произнесены какие-то слова. Да и к чему они сейчас?

Он встал. Воздух давил на грудную клетку, как могильная плита. Пластик глушил стук шагов, и Исменю казалось, что это удаляются звуки внешнего мира, а он остается один, один среди молчания и света.

— Папа, сядь ко мне...

Исмень медленно обернулся. У него возникло странное ощущение, что он видит сына откуда-то издали и видит в последний раз. Он сел в испуге, провел ладонью по мягким, теплым, пахнущим чем-то родным и уютным волосам сына, тот, ласкаясь, потерся щекой о его плечо, и острая, как клинок, ненависть ударила Исменя в сердце. Сволочи, сволочи, какие же сволочи! Растоптать себе подобных, сделать из жизни кошмар — и все это ради сохранения своей власти, своих денег,— только ради этого. Они и взрослых бы оперировали, да вот затруднение, наука еще не дошла...

Горькую и мстительную радость Исменю доставила мысль о том, что это преступление в конечном счете погубит преступников же. Стадо не способно к возмущению — естественно. Зато оно не способно и к творчеству, ибо только личность создает новое. Очень скоро их страну обгонят и в науке, и в экономике, и в культуре, а уж о морали и говорить нечего. И тогда — крах! — их раздавят, как пустой орех. И те, кто в своем безграничном тупоумии затеял все это, погибнут тоже. «Я тоже погибну,— подумал Исмень.— Может быть, еще раньше. Ну и пусть».

Но прежде он выполнит свой долг перед сыном.

— Следующий!

Исмень сжал руку сына. Он заранее предупредил его, что тот должен разреветься, едва последует вызов в операционную. И теперь он напоминал ему.

Но сын лишь оцепенело смотрел на отца.

— Следующий! — нетерпеливо напомнил голос.

— Мэт...— прошептал Исмень.

И то ли сына напугало выражение отцовского лица, то ли просто миновал неожиданный шок, но только его рот судорожно дернулся, и он заревел — безудержно, отчаянно, во всю силу своих легких.

Высочивший врач отчаянно замахал руками на неловко хлопочущего Исмения.

— Тише, да тише же! Уймите его, наконец!

— Господин доктор, мне кажется, будет целесообразным, если во время процедуры он сможет видеть меня. Я полагаю, что этот плач...

— Ох уж мне эти родители-воспитатели! — в сердцах буркнул врач, свысока разглядывая ревущего мальчишку. — Пожалуйста, присутствуйте, если это успокоит его. Мы не можем обрабатывать истериков...

— Мэт, Мэт, — зашептал Исмений, опускаясь перед сыном на корточки. — Да успокойся же... Дядя разрешил, папа будет с тобой рядом, ну, пойдём, пойдём...

На это Исмений и рассчитывал. Ему нужно было находиться возле сына, когда того начнут оперировать, и он знал, что в подобных случаях это не возбранялось.

Подводя к дверям все еще плачущего сына, Исмений быстро прикрепил к его затылку крохотный магнит. Теперь все зависело от усиков-держалок. И от внимательности врачей, конечно.

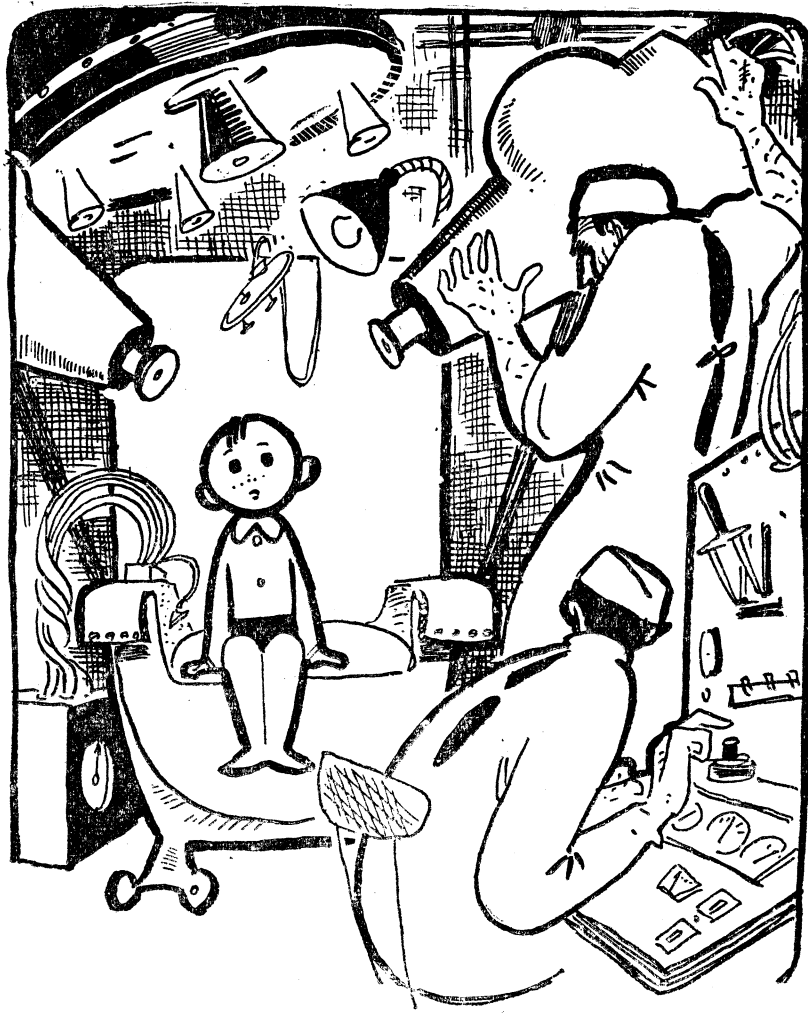
Обнимая сына, Исмений переступил порог.

Кабинет более всего напоминал собой лабораторию, и, как во всякой лаборатории, вид громождающихся друг на

друга измерительных приборов, разлапистых установок, оплетенных кабелями и шлангами, производил впечатление чего-то временного, хаотичного, поспешного. Слева, ярко освещенное рефлекторными лампами, стояло кресло, похожее на зубоврачебное, справа, за шкафами контрольной аппаратуры, стоял в углу обычный канцелярский столик, заваленный перфоленатами и скупо освещенный переносной лампой.

— Сюда, — сказал человек, сидевший за столом. — Имя? Фамилия? Год рождения?

Человек привычно сыпал вопросами, его руки с бесстрастностью приборов кодировали ответы, лицо не выражало ничего, кроме делового равнодушия, и

было сделано, казалось, из серого папьемаше. Поглаживая вздрагивающие плечи сына, Исмень отвечал с той же привычной механической быстротой. Что бы ни происходило с человеком — женился ли он, поступал на работу, заболел, попадал под суд, — всему этому неизбежно предшествовала точно такая же процедура вопросов-ответов. И лишь умирая, человек избегал этой механической операции заполнения анкет, этого социального рентгена, неизбежного для всех. Но тогда отвечать приходилось родственникам, друзьям, даже посторонним людям. Человек мог умереть и быть похороненным без устаревших церковных обрядов и доброго слова других людей, но без процедуры составления документов — никогда.

Мальчик успокоился и только слегка всхлипывал. Исмень, погладив его по голове, еще раз проверил, как держится магнит. Тот держался прекрасно, но волосы, увы, едва прикрывали его.

Регистратор ушел за перегородку и там зашуршал своими перфолентами.

— Усаживайтесь, молодой человек, — сказал врач, показывая на кресло. — А вы сидите там... — махнул он Исменю.

Два серебристых конуса на шарнирах по бокам спинки кресла, медные подлокотники, какие-то металлические жгуты с присосками, мигающая рябь огоньков на пульте контрольного аппарата... Исмень знал, зачем эта аппаратура, что она делает и как. Он сам участвовал в разработке некоторых ее деталей! И хотя ему, как и другим, никто не объяснял, зачем они нужны и как будут использоваться в совокупности, шанс догадаться был, и чистая любознательность подтолкнула Исменя к далеко идущим выводам.

Лучше бы он ничего не знал!

Сына усадили в кресло, закатали ему рукава, змеящиеся датчики оплели запястья, лоб обхватил обруч. Кресло словно присосалось к мальчику.

Врач и его хмурый помощник делали все быстро, не глядя, так, как если бы в их руках находился не ребенок, а кукла.

Стук собственного сердца оглушил Исменя.

Лицо сына казалось нестерпимо отчетливым в жестком свете рефлекторов. В расширившихся черных глазах, быстро сменяя друг друга, чередовались любопытство, страх, растерянность. Под глазами темнели грязные потеки недавних

слез, губы вздрагивали. Когда его ищущий поддержки взгляд вцепился в Исменя, тот нашел в себе мужество и ободряюще улыбнулся. Губы сына перестали дрожать.

— Телескопируем!

Повинуясь приказу врача, помощник нажал кнопку на пульте, и серебристые конусы пришли в движение, приподнялись, с двух сторон нацелились в голову сына.

— Ток!

Исмень сжался, больше не чувствуя собственного тела. Наклонившись, врач проверял положение конусов. Помощник сидел за пультом. Разноцветные отсветы огоньков играли на его сосредоточенном, неподвижном, как у идола, лице.

Шкала магнитометра находилась от него справа. Но ведь кроме нее было еще множество других, не менее важных шкал! «Только бы он не взглянул туда!» — молил Исмень.

Врач все еще проверял положение конусов, держа перед глазами визирующий стереообъектив. Между остриями уже пульсировало невидимое магнитное поле. Через несколько секунд оно должно было сжаться в узкий и мощный луч, точно нацеленный на тот еще недавно неведомый участок мозга, где жизненный опыт и воспитание фиксировали в нервных клетках неуловимую и расплывчатую субстанцию, испокон века именовавшуюся совестью.

Сейчас будет произнесена последняя команда...

— Скажите, пожалуйста, если ребенок вскрикивает по ночам, то следует ли показать его психоневропатологу?

Исмень выпалил эту отвлекающую фразу, не слыша собственного голоса.

Оба — врач и помощник — сделали одно и то же досадливое движение рукой.

— Не мешайте! — рявкнул врач. — Поле!

Крохотный магнетик, спрятанный в волосах сына, должен был исказить и обезвредить разящий луч, — Исмень все рассчитал точно. Дальнейшая судьба сына и его самого зависела теперь от внимательности помощника.

— Извиняюсь, я только хотел спросить...

Спина врача окаменела от ярости. Взгляд помощника метнулся было к глу-

по улыбающемуся Исменю, но задержался на пульте и...

Помощник смотрел на магнитометр, который, разумеется, фиксировал искажение поля.

Исмень закрыл глаза. Его невесомое тело куда-то поплыло, и он даже почувствовал облегчение.

Все кончено. Сын погиб. Сейчас с грохотом будет отодвинут стул... Потом арест, тюрьма, а может быть, и казнь.

В тишине слышалось напряженное гудение трансформатора.

С усилием, почти болезненным, Исмень приоткрыл веки.

Этого не могло быть! Но это было. Помощник все еще сидел за пультом, устало следя за показаниями приборов и что-то регулируя верньером. На шкалу магнитометра он уже не смотрел. И нельзя было понять, думает ли он о чем-нибудь, волнуется, сочувствует... Лоб в тонких прорезях вертикальных морщин, нездоровые круги под глазами, вялый подбородок — лицо, каких тысячи.

— Сброс!

Врач выпрямился, гудение трансформатора умолкло, помощник откинулся на спинку стула.

— Вот и все,— сказал врач. Только сейчас Исмень заметил, как устало обвисли на его теле складки белого халата.— Забирайте парнишку.

Теперь кресло освобождало мальчика, и, пока это длилось, Исмень понял, отчего Мэт за все это время даже не всхлипнул: он попросту оцепенел от страха. Как тогда, в приемной.

На негнувшихся ногах Исмень подошел к креслу, взял на руки сына, сказал врачу «спасибо» и, повернувшись к помощнику, тоже сказал «спасибо». Здесь его голос дрогнул, так много чувства вложил он в

это обесцвеченное эпохой слово, но помощник ничего не ответил и даже не посмотрел на него.

На улице кружила мокрая ноябрьская метель, когда Исмень вышел с сыном из клиники. В полузастывших лужах осколками дробилось отражение угрюмых, потемневших зданий. К сыну уже вернулась жизнерадостность, он спешил с вопросами, на которые Исмень односложно отвечал «да», «нет», пока не прозвучал вопрос о магните.

— Пап, а зачем ты запрятал мне в волосы эту штуку?

Исмень оглянулся. Прохожих вблизи не было.

— Так было надо, малыш,— сказал Исмень, заглядывая в лицо сына.— Так надо. Но ты никому и никогда не говори об этом. Никому и никогда. А если, не дай бог, и проговоришься, то скажи... скажи, что просто выдумал. Понял?

Сын удивленно посмотрел на отца, ведь тот никогда не учил обманывать. Он слушал, по-взрослому сдвинув брови. Потом кивнул.

— Да, пап.

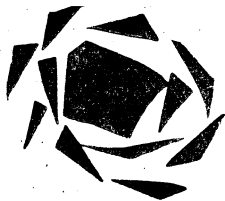
«Вот я и преподавал ему первый урок лжи,— подумал Исмень.— А сколько их еще будет!»

Все только начиналось. Сына предстояло обучить лицемерию, уменью не выделяться среди лишенных совести сверстников, и тем не менее в нем надо было сохранить человека. Всюду и везде одинокий, всем и вся чужой — выдержит ли он это?

И сохранится ли в нем человек?

Поблагодарит ли он когда-нибудь отца за сегодняшнее или, наоборот, проклянет?

Сын молча шагнул рядом с Исменем, держась за его руку.

ЖЕЛТЫЕ МАГНИТЫ

Л. КЛЕЙН, археолог

Здесь пойдет речь о прописных истинах и еще не разгаданных тайнах. О законах, выученных школьниками, но еще не понятых учеными. О связи между раскопками Карфагена и полетами в космос. О старинных церквах. О точке Кюри. О желтых магнитах.

Школьный урок

Кто не знает, что земной шар — гигантский магнит? Что есть магнитные полюса, расположенные неподалеку от географических полюсов, но не совпадающие с ними? Что стрелка компаса указывает своим синим концом не на географический северный полюс, а на магнитный?

В северном полушарии географический полюс расположен в центральной части Северного Ледовитого океана, а магнитный полюс — у берегов Северной Америки, возле острова Мельвиля.

Мы привыкли к этим школьным сведениям и порою не сознаем, как много во всем этом загадочного, таинственного.

Начнем с самого простого — с показаний компаса. Чтобы правильно пользоваться им, надо всегда учитывать, что стрелка его показывает не точно на север. Между направлением на север и курсом, который укажет компас, всегда будет какой-то угол, называемый углом склонения стрелки. А если поставить компас на том же меридиане, что и магнитный полюс, только южнее? Тогда, конечно, оба направления совпадут, а угол склонения окажется равным нулю. Чем дальше от этого меридиана, тем больше угол склонения. Теоретически, зная места магнитных полюсов на градусной сетке, можно рассчитать угол склонения для любого пункта земного шара. Но...

И тут первая неожиданность: эти теоретические расчеты совершенно не подтверждаются на практике. Если мы попробуем соединить точки с одинаковыми углами склонения, то линия получится волнистой. А извивается она и петляет потому, что на углы склонений влияет не только магнитное поле земли, но и то, что находится под землей в этом месте — легкий песок или

тяжелый железняк, притягивающий стрелку компаса.

Наиболее яркий пример — Курская магнитная аномалия. Она потому и называется аномалией, то есть нарушением нормы, что железная руда в этом районе «сбивает с толку» стрелку компаса. Еще пример — печально известная аномалия в Финском заливе близ острова Юссара, погубившая немало кораблей. Стрелка компаса обманывала здесь моряков, и они вели свои суда на мели и подводные камни.

Значит, теоретическими расчетами не обойтись, карту склонений надо составлять на основе множества практических измерений. И такая карта мира уже составлена. На ней соединены линиями все места с одинаковым склонением. Эти прихотливо извивающиеся линии называются изогонами, от латинских слов «изос» — равный и «гония» — угол.

Компас помогает ориентироваться по странам света без солнца и звезд. Но моряки умеют также определять, не глядя на солнце и звезды, широту земного шара, на которой они находятся. В этом им помогает другой прибор с магнитной стрелкой — инклинометр, или буссоль наклоения. Магнитная стрелка укреплена в нем не на вертикальной оси, а на горизонтальной, как коромысло весов.

В районе экватора, на равном расстоянии от обоих магнитных полюсов, весы находятся в равновесии — стрелка держится горизонтально. Если двигаться на север, стрелка начнет все круче наклоняться одним концом к земле, пока на самом магнитном полюсе не станет вертикально, на попа. Раз магнитные полюса не совпадают с географическими, значит, линии, соединяющие места одинакового наклоения (эти линии называются изоклинами от латинского слова «клинео» — наклоняю), должны пройти слегка наискось к географическим параллелям. Теоретически можно рассчитать наклонение для каждого места земного шара.

И снова расчеты на практике не подтвердились.

Изоклины на самом деле проходят местами в широтном направлении, по параллелям, местами — наискось, а кое-где делают резкие изгибы,

изгибаются, обходя одни участки земной коры, сгущаясь на других.

В районе экватора стрелка инклинометра слегка покачивается, дальше к северу колеблется все быстрее, а близ полюса мелко дрожит от напряжения. Сказывается разница в силе, с которой действует на стрелку магнитное притяжение земли в разных местах. Магнитным теодолитом — прибором, определяющим силу магнитного напряжения, — было проведено много измерений. Составлены карты изодинам — линий, соединяющих места с одинаковым напряжением, — и снова «не по теории»: центры наибольшего напряжения хотя и расположились вблизи полюсов, все же не совпали с ними.

Ну, что же, по крайней мере все измерения уже проведены, карты составлены, можно успокоиться...

И тут новая неожиданность: прежние измерения устарели и с каждым днем стареют все больше. Магнитные координаты каждого места на земном шаре непрерывно изменяются. Медленно скользит по земному шару сеть магнитных параллелей и меридианов, шевелятся изогонии, изоклины и изодинамы, путешествуют магнитные полюса...

Утерянный ключ

Впервые это было замечено в Англии еще в XVII веке. Позже наблюдения подтвердились. Выяснилось, что в этих непрерывных изменениях можно уловить какую-то закономерность, какие-то правильные, периодические колебания.

Прежде всего, ясно выступают суточные колебания. Затем можно проследить, что суточные показатели зависят и от времени года, что эти изменения повторяются ежегодно, другими словами, кроме суточного круга изменений есть годичный.

Конечно, эти изменения как-то связаны с вращением Земли вокруг своей оси и с обращением ее вокруг солнца. Они говорят о влиянии солнца на земной магнетизм.

Но самые значительные и интересные изменения земного магнетизма — это многовековые.

Взять, например, вековую игру напряжения. Многолетние наблюдения показали, что в разных местах земли магнитное напряжение изменяется не только с разной скоростью, но и в противоположных направлениях — в одних местах усиливается, в других слабнет. И ведь что любопытно: особенно быстро магнитное напряжение изменяется в тех местах, где часто происходят землетрясения, где земная кора тонка и подвижна, где близко к поверхности кипит и перемешивается расплавленная магма. Значит, вековые колебания магнитного напряжения сигнализируют нам о том, что происходит под земной корой.

Не менее интересна вековая игра магнитных координат — склонения и наклона. Чтобы проследить ее, ученые принялись изучать старинные карты, составленные по магнитным координатам, сравнивать их с современными картами. Так, например, советский ученый К. Б. Вейнберг изучал карты «Атласа Земли русской», составленного дьяком Иваном Ремезовым в конце XVI века для царя Бориса Годунова. Сравнивая направления береговых линий и течение рек с их изобра-

жениями на картах Ремезова, Вейнберг восстановил картину магнитного склонения в Сибири для конца XVI века. Во многих странах ученые предприняли обход старинных церквей — и вовсе не из благочестия. Дело в том, что христианские храмы обращены всегда алтарем на восток, а при строительстве ориентировка их производилась по компасу. И вот в Германии были перемерены: все сохранившиеся церкви и их развалины. Это показало, как изменилось в Европе магнитное склонение за ряд веков.

Что же случилось? За последние пять-шесть веков каждый пункт земного шара совершил небольшое круговое путешествие по градусной сетке магнитных координат и теперь приближается примерно к тому месту, которое он занимал лет 600 тому назад. Очевидно, такое же «путешествие» совершают магнитные полюса, каждый в своем районе. Но замыкается ли кривая этого «путешествия» в круг? Повторяются ли эти изменения каждые 600 лет — кружат ли полюса все время по одному маршруту, по проторенной дорожке? Мы могли бы это узнать, если бы проследили хоть несколько оборотов — каждый по 600 лет...

Но как это узнать, если компас стал известен европейцам только в XII веке, а широко применять его стали еще позже? Да и нужно ли ломать голову над трассами путешествий магнитных полюсов земли? Оказывается, нужно. И вот зачем.

Почему земля обладает магнитными свойствами? Есть ли у других планет магнитное поле, которое будет влиять на приборы наших космонавтов? Можно ли предсказать землетрясения? Все это и другие вопросы в какой-то мере связаны с загадкой вековых движений магнитных координат. Сколько тайн природы остается под замком, ключ к которому навсегда утерян! Этот ключ — магнитные измерения, которые надо было провести в прежние тысячелетия. Человечество упустило эту возможность: слишком поздно был изобретен компас! Но что об этом толковать — прошлого не вернуть. Остается ждать, пока пройдут новые тысячелетия...

Вот если бы археологи могли на «машине времени» Герберта Уэллса, слетать, скажем, во второе тысячелетие до нашей эры и там современными приборами измерить магнитное склонение, наклонение и напряжение в различных пунктах земли! Но стоит ли об этом фантазировать?

И вот, хоть это звучит поистине совершенно немыслимой фантастикой, археологи получили такую возможность. Да, полететь в прошлое и там современными приборами измерить магнитные координаты различных мест земного шара!

Археология + магнетизм = ?

Из двух наук — археологии и магнетизма — родилась новая — археомагнетизм. Основоположником новой науки является французский ученый Э. М. Телье.

Телье вспомнил о тех «желтых магнитах», из которых выстроены наши дома — о кирпичах и об их чудесных свойствах.

Кирпичи — магниты?!

Весь секрет в том, что в глине, из которой

они сделаны, обычно содержится незначительная примесь природных минералов, в состав которых входит железо.

Правда, по сравнению с чистым железом, кирпичи все же очень слабые магниты, они не притягивают железных опилок и не отзываются на колебаниях стрелки обыкновенного компаса. Чтобы открыть магнитные свойства кирпичей, а главное — научиться измерять эти свойства, нужно было довести измерительную аппаратуру до высокой степени совершенства. Это стало возможным совсем недавно.

Археологи уже давно изучали кирпичи прошлых времен — не как магниты, конечно, а как строительный материал древности, который, разумеется, совершенствовался, изменялся из века в век. Толстые, выпуклые, как булки, древневосточные кирпичи не похожи на тонкий и широкий плиточный кирпич построек Византии и Киевской Руси — «плинфу». Крупный высокий кирпич времен татаро-монгольского ига (так называемый «литовский») отличается от современного. Зная типы кирпича, археологи могут определять возраст древних построек с точностью иной раз до полувека.

Конечно, если подумать, то какая же это точность — до полувека! Ведь это означает, что археолог едва способен отличить по кирпичам здание, выстроенное при рождении деда, от пристройки, возведенной при появлении внука. Да, это так. Но что же делать, если типы кирпича не изменялись быстрее?

Впрочем, почему же «не изменялись»? Изменялись — и непрерывно: из года в год, изо дня в день! Но только не цвет, вес, размер и форма, а магнитные свойства кирпича. Но на них археологи не обращали внимания.

Конечно, кирпичи — не такие магниты, как стальные подковки из школьного кабинета физики или как стрелки компасов. Те — постоянные магниты, а кирпичи — временные.

Всякая железная вещь, если ее внести в магнитное поле, начнет и сама притягивать железные опилки, но лишь до тех пор, пока будет действовать это поле. Таков же и магнетизм кирпичей — только он столь слаб, что опилки к кирпичу не «прилипнут». Но чувствительные приборы отзываются на этот магнетизм кирпичей, и отзываются всегда, ибо кирпичи всегда находятся в магнитном поле гигантского магнита — самой земли.

Но магнитные свойства земли, как мы видели, по-разному проявляются в разных точках земного шара — значит, по-разному намагничиваются в этих местах и кирпичи. От магнитных координат местности зависит, как расположится в кирпиче магнитная ось с северным и южным полюсами (под каким наклоном, в каком направлении) и насколько сильно намагнитится кирпич. В каждом кирпиче отражается магнитное склонение, наклонение и напряжение земли в данной точке земного шара.

Теперь вспомним, что магнитные полюса не остаются на месте, а путешествуют, что магнитное склонение, наклонение и напряжение в каждом месте земли непрерывно изменяются. Раз так, то и магнитные свойства кирпичей не остаются постоянными — они тоже изменяются, повторяя изменения магнитного поля земли в этом месте. А так ли?

Так и было бы, если бы не точка Кюри. Изучая явления намагничивания, физики под-

метили, что если нагреть железо до температуры более 760 градусов, то, остыв, оно уже больше не изменяет своих магнитных свойств и превращается в слабый, но постоянный магнит. Магнитные свойства его как бы застывают. Для железа 760 градусов и есть точка Кюри (ее назвали так в честь известного французского ученого). Для кобальта точка Кюри — 1075 градусов, для никеля — 365, для железных руд и глины — около 500. Для той самой глины, из которой делают кирпич.

А раз глина способна изменять свою магнитность, то все древние кирпичи, сырцовые, можно рассматривать как магниты временные, а все прошедшие обжиг в печах — как постоянные. Ведь обожженный кирпич побывал за точкой Кюри. Значит, он сохраняет как бы в законсервированном виде те магнитные характеристики земли, которые действовали в день его обжига. И особо чувствительными приборами эти характеристики можно измерить.

Это и использовал французский ученый Э. М. Телье.

Горшки Карфагена

В 1938 году в Париже Телье опубликовал научный труд под названием «Намагничение обожженных глин и его геофизические применения».

Собственно, всякий кусочек обожженной глины, всякий черепок от разбитого горшка обладает постоянным, «законсервированным» магнетизмом, но не всякий кусочек глины или черепок пригоден для исследования. От археологов требуется в каждом случае гарантия, что предмет не сдвинут с места обжига или что, по крайней мере, можно восстановить его первоначальное положение. И, конечно, требуется как можно более точная дата обжига.

В некоторых случаях археологи могут сообщить такую дату с абсолютной точностью — до года и дня. Год и день удается определить в тех случаях, когда археологические находки связаны с событиями, описанными в летописях, или когда на самих находках есть надписи с указанием даты.

Взять, например, горшки из Карфагена. Напомним: Пунические войны, клятва Ганнибала и римский сенатор, заканчивающий каждую речь словами: «Кроме того, я считаю, что Карфаген должен быть разрушен!» И Карфаген был разрушен.

Это произошло в 146 году до нашей эры. А в Карфагене были гончарные печи, в самый день падения города в них обжигались горшки. Не сдвинутые с места, они дождались археологии.

И вот, измерения магнитных свойств горшков, обожженных в 146 году до нашей эры, показали, что в Карфагене западное склонение было тогда равно $0^{\circ}30'$, а наклонение — 58° . Нашлись керамические изделия и в более поздних слоях. В 300 году нашей эры западное склонение Карфагена равнялось $1^{\circ}15'$, а наклонение 51° . Современные магнитные измерения в этом месте Северной Африки дают 3° западного склонения и $51^{\circ}45'$ наклонения.

Методом археомагнетизма уже составлены таблицы изменений магнитных координат для многих мест Франции, Бельгии и Англии, в СССР — для Кавказа, Украины и многих других мест,

Что дало археологии содружество с наукой о магнетизме?

Появился новый способ точного определения возраста многих археологических находок.

Если в районе, для которого составлена достаточно полная таблица вековых изменений магнитных координат, попала находка, поддающаяся археомагнитному исследованию, то все очень просто. Узнав наклонение и склонение находки, достаточно отыскать по ним ее место на шкале, чтобы получить точную дату обжига находки. Совершенство современных приборов позволяет устанавливать такие даты с точностью до нескольких лет.

Что же дало науке о магнетизме содружество с археологией?

Оказалось, что Карфаген, Париж, Лондон и другие города проделывали на магнитной карте земли путешествия, маршрут которых сворачивается в петли, напоминая какой-то медленный и величественный вальс. На деле, конечно, не города путешествовали по земле, а двигалось магнитное поле земли, совершая равномерные вековые колебания. Этот вальс танцевали магнитные полюса, а с ними — и каждая точка магнитного поля. Каждый поворот в этом вальсе продолжался около 600 лет. Но еще грандиознее оказывается большой круг этого вальса — ни маршрут его, ни его длительность уже не в силах изучить археомагнетизм: слишком короткое время существования человечества, слишком узки пределы эпохи, которой занимается археология.

«Большой вальс» МАГНИТНЫХ ПОЛЮСОВ

Но там, где бессилён археомагнетизм, вступает в силу его ближайший родственник — палеомагнетизм. Когда не было человека, огонь уже существовал и существовали породы, содержащие в себе железо. И существовала возможность их встреч. А эти встречи нередко происходили за точкой Кюри. Раскаленная лава, извергнутая вулканами, застывала на их склонах. Лесной пожар, вызванный молнией, обжигал глинистую почву. Ни в лаве, ни в этой глине нет археологических находок, но зато в них есть окаменелости — ископаемые животные и растения, населявшие землю задолго до появления человека. Как археология позволяет определить век или даже год обжига горшков, так и палеонтология устанавливает возраст окаменелости. Она и заменяет археологию при переходе от археомагнетизма к палеомагнетизму.

С помощью палеомагнетизма профессор Телье проследил большой круг гигантского вальса, исполняемого магнитным полем земли. Продолжительность этого танца — многие сотни миллионов лет, и круг все еще не завершен. В начале круга магнитный полюс северного полушария находился на месте нынешнего штата Колорадо в Америке. Более полумиллиарда лет тому назад он был уже расположен посредине нынешнего Тихого океана. Около 300 миллионов лет назад полюс оказался там, где сейчас южная часть Японии. Примерно 150—180 миллионов лет тому назад полюс переместился в район нынешнего Владивостока. И, наконец, 50 миллионов лет назад полюс вступил в пределы Ледовитого

океана. Круг близок к завершению: полюс опять приближается к берегам Северной Америки. Скорость этого движения в среднем 2 см в год...

Почему полюса путешествуют? Что ими движет? Объяснить это — значит понять природу земного магнетизма.

Еще недавно в науке пользовалась признанием электромагнитная гипотеза. По этой гипотезе наша планета признавалась не постоянным магнитом вроде шара из магнитного железняка, а электромагнитом, вроде тех катушек, которые широко используются в электроприборах — их магнитное поле создается, как известно, круговым электрическим током, круговым движением электронов. Откуда же берется движение электронов внутри земли? Да его попросту создает само вращение земли: вращается земля, с нею, естественно, вращаются и скопившиеся у поверхности земного шара свободные электроны.

Но если исходить из этой гипотезы, магнитные полюса должны были бы в основном совпадать с географическими. А эти путешествия? Либо географические полюса совершали огромные путешествия под действием каких-то еще недоимых нам астрономических причин, а с ними путешествовали и магнитные полюса, либо магнитные полюса далеко отрывались от географических под влиянием каких-то еще не выявленных нами колоссальных магнитных сил вселенной, либо, наконец, кора земного шара сильно коробилась и скользила по внутренним расплавленным слоям, пододвигая под магнитные полюса все новые участки поверхности. Но до сих пор полагали, что материи движутся по земному шару куда медленнее...

Это все мы говорили о вековых движениях координат, о склонении и наклонении. А о чем говорят колебания напряжения?

Сравнив цифры, показывающие напряжение магнитного поля земли — древнее с современным, — ученые поразились еще больше. Напряжение это по электромагнитной гипотезе зависит от количества свободных электронов, которыми располагает наша планета. Физики подсчитали (конечно, приблизительно) эти запасы. Получилось солидное число, изображаемое единицей с 50 нулями! Часть электронов ежегодно «соскакивает» с земного шара, переходит в атмосферу (между прочим, и через молнии) и рассеивается в мировом пространстве. Подсчитаны и эти ежегодные потери — получилось тоже порядочное число, изображаемое единицей с 29 нулями. Легко рассчитать, что за миллиард лет этот грандиозный внутренний запас свободных электронов, выражаемый единицей с 50 нулями, уменьшится только на одну десятиллиардную долю процента. Точно на столько же должно уменьшиться и напряжение земного магнетизма. Это «по теории». По результатам же измерений, проделанных профессором Телье, земной магнетизм ослабевает гораздо быстрее. Кирпичи, обожженные в 1465 году, оказались намагниченными на 18 процентов сильнее, чем кирпичи обжиги 1933 года. А кирпичи 200 года нашей эры — на целых 35 процентов сильнее! Тридцать пять процентов за неполных две тысячи лет — вместо одной десятиллиардной доли процента в миллиард лет! Неужели пройдет еще четыре тысячи лет — и запасы свободных электронов будут исчерпаны, земля перестанет быть магнитом, компасы перестанут быть компасами? Да что компасы — остановится вся жизнь: ведь магнитное поле

земли укрывает на ней все живое, как зонтиком, от губительного потока космических лучей.

Может быть, резкое падение силы земного магнетизма — это только местное явление в районе, из которого взяты образцы, какая-то карфагенская аномалия? Наши советские геофизики С. П. Бурлацкая, Т. Б. Нечаева и другие принялись за изучение древностей методом Телье на территории Советского Союза — в древнем Новгороде, на развалинах урартских крепостей, в старом Самарканде — и что же? Результат получился тот же, что у Телье! Значит, напряжение быстро падает на всей земле. Единственная осталась надежда: может быть, Телье уловил лишь кратковременное колебание в силе земного магнетизма, еще не дающее права судить об общем ходе изменений магнитного поля нашей планеты? Проверим и это.

Археологи дали в руки советских геофизиков очень древние находки из поселений медного века в Закавказье — вдвое более древние, чем измерялись до сих пор Телье и другими учеными. Такие же памятники были исследованы геофизиками в Чехословакии.

Да, предположение подтвердилось: эти вещи обладают таким же напряжением, как современные образцы. Значит, налицо не какой-то неудержимый спад, а гигантская пульсация земного магнитного поля.

Но правильно понять природу земного магнетизма — значит предугадать электромагнитные силы, действующие на других планетах, куда в скором времени собирается добраться человек. Кто бы мог подумать, что такая, казалось бы, далекая от мира сего наука, как археология, сможет внести свой вклад в самое живое и современное дело человечества — освоение космоса!

Неисповедимы пути господни, сказал бы человек прошлого. Безграничны возможности науки, говорим мы сегодня.

ДЕТОПИСЬ НЕ- ОБЫЧАЙ- НЫХ ЯВЛЕНИЙ

Октябрь

Грозными явлениями погоды октябрь беднее, чем летние или зимние месяцы. Но встречаются и такие «сюрпризы».

Начиная с 17 октября 1912 года в западной половине Пермской губернии прошел мощный снегопад. Местами высота снега достигала 25 сантиметров. Таким же толстым слоем выпал снег 2—8 октября 1959 года на Среднем Урале.

В ночь на 12 октября 1965 года на Воткинском и Камском водохранилищах (Пермская область) разыгрался шторм — ветер усилился до 25 метров в секунду и разметал по бревнышку плоты, которые вели теплоходы «Ватутин» и «Озерный-96».

29 и 30 октября 1966 года на Среднем Урале случился очень сильный гололед. Под тяжестью льда ломались деревья, в Пермской и Свердловской областях были повалены десятки опор линий связи и электропередач, оборваны провода. На многих участках движение автотранспорта прекратилось.

З. ХАЛЕВИЦКИЙ

Книжная полка

ЗАПАС ПРОЧНОСТИ

Каждому молодому человеку приходит черед призыва в Советскую Армию. Отслужить положенный срок и вернуться к мирным делам: любимой работе, учебе. Другое дело — решиться навсегда связать свою судьбу с армией, жить и работать, подчиняясь строгому армейскому распорядку, это тоже труд, труд почетный, нужный Родине.

Герой новой книги писателя и журналиста Николая Мыль-

никова Иван Каштанов решил стать офицером¹. Обыкновенный парень, колхозный плотник, сын вдовы, потерявшей мужа на войне, с отличием окончил военно-инженерное училище. Потом получил назначение в небольшой уральский гарнизон.

На глазах молодого лейтенанта Каштанова происходит оснащение армии новейшей техникой, освоение сложного оружия. В батальоне трудная обстановка. В подчинении Ивана Каштанова оказался Олег Воронин, бывший товарищ по военному училищу, отчислен-

ный оттуда за недисциплинированность. И здесь Воронин ведет себя вызывающе.

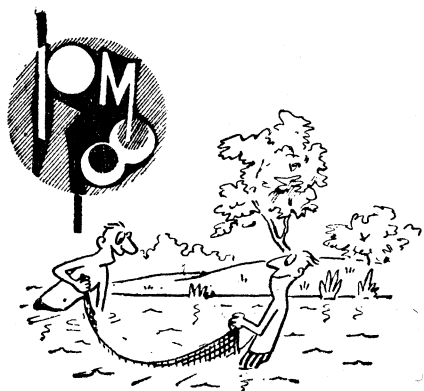
Много настойчивости и терпения проявил Каштанов, вывел батальон в число лучших, завоевал уважение подчиненных.

Отдельные недостатки книги читатель увидит сам. Но пусть они не заслонят прекрасную и суровую романтику повседневных забот и дел военных людей.

Счастливо тебе служить, Иван Каштанов!

А. ВОЛОСАТОВ

¹ Мыльников Н. «Запас прочности», Средне-Уральское книжное издательство. Свердловск, 1968 г.

— Опять вы фигуру проглядели!

— Что-то есть...
— Я инспектор рыбнадзора! Прошу документы.

— Простите, а вход свободный!

Рисунки В. ТЕСЛЕНКО

Извините, пожалуйста!

Яков МАХЛИН

Вежливый Витя до самой малости просьбой собственной не сконфужен:

— Мамочка, — он говорит, — пожалуйста, хлеба купи на ужин! Он страшно занят, сидит на корточках, сидит по системе йогов.

— Бабуся, закрой, пожалуйста,

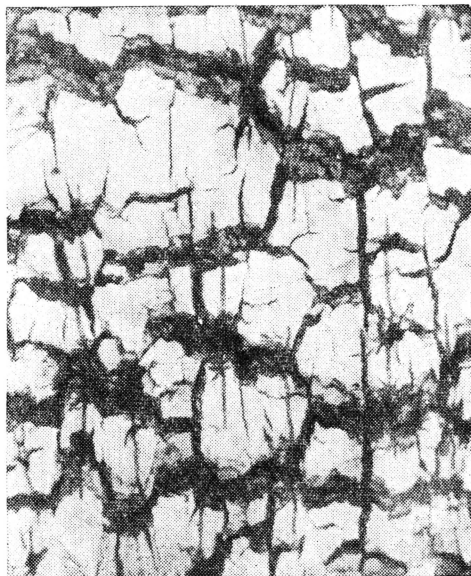
форточку! Не чувствуешь, дует немного... Зачем самому стараться и мучиться:

— Дяденька, прошу вас сердечно... У вас, наверно, лучше получится... Сделайте за меня скворечник!

Письмо написал в институт селекции:

— Спасибо, заранее благодарен, мне поручили собрать коллекцию, не откажите, пришлите гербарий... И многие пляшут под Витину дудочку из вежливости и от жалости... Не попадайтесь на хитрую удочку. Очень прошу вас. Пожалуйста!

**Найди,
узнай,
подумай!**

Что сфотографировано!

Снимок Б. Цимакуридзе

ОТВЕТЫ

На фото, помещенных в предыдущем номере, изображены: снятая сверху шляпка гриба-подберезовика и обычная роса на листе.

Судя по всему, в гостях у хозяина телевизора были — А, Г, Е.

Приметы: книга, цветок, окурки.

В Н О М Е Р Е:

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

БЕГСТВО НА ОСТРОВ СОКРОВИЩ 2
В. Ян. Приключенческая повесть
ФЕДЬКА. САРТАКПАЙ. МАСТЕР И НАПОЛЕОН.
МАСКА 30
М. Юдалевич. Стихи

О ПОДВИГАХ, О ДОБЛЕСТИ, О СЛАВЕ

НЕ ВЕРЬ ТИШИНЕ 40
В. Турунтаев. Документальная повесть
ПО ПРИКАЗУ ИЛЬИЧА 52
В. Петрицкий
ШЕЛ ВЕРТОЛЕТ НАВСТРЕЧУ СОЛНЦУ... 54
В. Альтов
ЖЕЛЕЗНЫЙ МАКСИМ 62
А. Некрасов

ДОРОГАМИ ПОИСКА

ЦАРЕВА ЛЮСТРА 33
С. Руженцев
ПУТЕШЕСТВИЕ К ПРАЩУРАМ 58
А. Деревянко

КРАЕВЕДЕНИЕ

СУКСУНСКАЯ ШКАТУЛКА 51
А. Шарц
ЕРМАКОВЫ КАЗАКИ 51
А. Коровин

МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА

ПО СЛЕДАМ ФИЛЕАСА ФОГГА 64
В. Бугров
ОПЕРАЦИЯ НА СОВЕСТИ 68
Д. Биленкин. Фантастический рассказ-памфлет

СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

ЗДРАВСТВУЙ, ЛЕНЬКА! 26
И. Вул. На приз нашего журнала

НАУКА, ТЕХНИКА, ТРУД

ЖЕЛТЫЕ МАГНИТЫ 74
Л. Клейн

Обложка В. Воловича и С. Киприна

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Технический редактор Э. Максимова. Корректор В. Бурангулова.
Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87. Телефон Д1-22-40.
Средне-Уральское Книжное Издательство

Подписано к печати 15/IX 1969 г. Бумага 84×108¹/₁₆=2,62 бум. л. — 8,28 печ. л. Уч.-изд. л. 9,66
НС 26221 Тираж 132 000. Цена 30 коп. Заказ 427

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49.
Обложка и вклейка отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.

**Подписка на журнал
принимается без ограничений**

НАШ ИНДЕКС В КАТАЛОГЕ „СОЮЗПЕЧАТИ“ — 73413

Подписная цена:

На 6 месяцев — 1 руб. 80 коп.

На 12 месяцев — 3 руб. 60 коп.

СТАРЫЙ УРАЛЬСКИЙ ЗАВОД.

Н. Черкасов.

~~30~~ коп

73413

Главный редактор И. АКУЛОВ
Редколлегия: В. АЛЬТОВ, А. АСС, А. БОГАЧЕВ (зам. главного редактора), Ш. ГРОССМАН, Ю. КУРОЧКИН, О. ЛЕОНОВА, А. МАЛАХОВ, МУСА ГАЛИ, В. НИКОНОВ, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (ответственный секретарь), Ю. ХАЗАНОВИЧ, В. ШУСТОВ